

алисия эриан как на ладони

алисия эриан

как
на
ладони

издательство иностранка

серия серебро

издательство иностранка

Melicia Civism Towelhead

© Linda Dubilier

Выпускница престижного Вермонтского колледжа, Ангели Эрлан — известная журналистка, активно сотрудничающая с журналами “Тисбиой”, “Нью-Йорк таймс мэгэзин”, “Пентхауз” и другими, и автор сборника рассказов “Грубый язык любви”. “Как на лапони” — дебютный роман писательницы, восторженно встреченный читателями и критикой. В Юлливуде по роману “Как на лапони” снят фильм с участием Арнона Эххарта и Марии Белло. Одночество подростка, халатство и оголенный расизм взрослых, секс и насилие, восхищение красотой и дружба — это полная драматизма история, случившаяся в Хьюстоне, штат Техас, и рассказанная 13-летней акселераткой.

серия серебро

alicia erian

towelhead

алисия эриан
как на ладони

перевод с английского
Александры Головиной

москва
издательство
инострanka

Ведущий редактор серии Елена Головина
Перевод с английского Александры Головиной
Художественное оформление и макет серии Андрея Бондаренко

Эриан А.

Э77

Как на ладони. Роман / Пер. с англ. А. Головиной. — М.: Иностранка, 2009. — 464 с. — (Серебро)

ISBN 978-5-389-00346-0

Героиня романа, переживающая сложную пору пробуждения женственности, не нужна ни отцу-ливанцу, занятому поисками новой жены, ни матери, начинающей видеть в дочке красивую соперницу. Вдобавок в тexasской школе, где девочка выделяется своей яркой восточной внешностью, к ней прилепилось мерзкое и страшно обидное прозвище — Чурка. Не удивительно, что Джасира тянется к любому, кто проявляет к ней внимание, не понимая еще, что между любовью и примитивным плотским желанием глубокая пропасть.

УДК 821.111(73)-055.2Эриан

ББК 84(Сое)-44

ISBN 978-5-389-00346-0

© 2005 by Alicia Erian

© А. Головина, перевод на русский язык, 2009

© А. Бондаренко, оформление, 2009

© ООО "Издательская Группа Аттикус", 2009

Издательство Иностранка®

содержание

Глава первая	7
Глава вторая	39
Глава третья	77
Глава четвертая	112
Глава пятая	152
Глава шестая	190
Глава седьмая	228
Глава восьмая	272
Глава девятая	307
Глава десятая	343
Глава одиннадцатая	384
Глава двенадцатая	423

глава первая

В меня влюбился мамин бойфренд, поэтому она решила отослать меня к папе. Я не хотела жить с папой. Он родом из Ливана и говорит со смешным акцентом. Они с мамой познакомились в университете и сразу поженились. Потом родилась я, а когда мне исполнилось пять, они развелись. Мама считает, что виноват в этом папа, который слишком раскомандовался и возомнил себя главным. Я не особо расстроилась из-за их развода. Помнится, папа маме частенько отвешивал пощечины, а она сдергивала у него с носа очки, бросала их на пол и топтала ногами. Я толком не вникала, из-за чего они так ругаются, но по-любому радовалась, что папу больше не увижу.

Правда, летом мне приходилось приезжать к нему на месяц, и это меня бесило, просто ужас. Я так радовалась, когда наступал день отъезда домой. С папой было сложно. Он требовал,

чтобы все всё делали так, как хочется ему, и никак иначе. Я боялась даже шевельнуться лишний раз. Однажды пролила немножко сока на ковер, так он заявил, что я никогда не найду себе мужа.

Мама знала, как я отношусь к папе, но все равно каждое лето отправляла меня к нему. Она ужасно бесилась из-за своего дружка, который на меня запал, хоть я ей и говорила, что не о чем тут волноваться, что ее Барри мне до фонаря, но она не слушала. Говорила, мне надо меньше ходить и трясти своими сиськами, на которые Барри трудно не обращать внимания. Я очень обиделась. Я ведь не могу изменить свою грудь? И я никогда не хотела, чтобы Барри обращал на меня внимание. Мне всего-то тринадцать.

Уже в аэропорту я задумалась, что же так разозлило маму. Я бы никогда не смогла увести от нее Барри, даже если бы захотела. Моя мама — чистокровная ирландка. С высокими скулами и хорошенькой ямочкой на кончике носа. Когда она подводит глаза, они словно начинают светиться. Я могла бы часами расчесывать ее блестящие густые волосы, если бы она мне позволила.

Когда объявили посадку на мой самолет, я расплакалась. Мама сказала, что все не так плохо, и легонько толкнула меня в спину, чтобы я шла к трапу. Стюардесса проводила меня до места, а мужчина с соседнего кресла взял меня за руку и держал, пока мы не взлетели. Наверное, подумал, что мне страшно. А я так хотела, чтобы самолет разбился.

В аэропорту Хьюстона меня встретил папа. Он высокий, гладковыбритый, а свои жидкие выходящие волосы всегда зачесывает на одну сторону. С тех пор как мама в очередной раз растоптала его очки, он носит линзы. Папа пожал мне руку. Раньше он никогда так не делал.

— Ты меня не обнимешь? — спросила я.

А он сказал, что на его родине это не принято, и пошел вперед так быстро, что я еле за ним поспевала.

Когда мы с папой ждали багаж, я подумала, что у меня больше нет семьи. Папа молчал и на меня даже не смотрел. Мы просто стояли и ждали, когда появится мой чемодан. Когда это, наконец, случилось, папа снял его с конвейерной ленты и поставил передо мной. У чемодана были колесики и ручка, но, если я начинала идти слишком быстро, он опрокидывался. А если старалась не спешить, папа уходил вперед так далеко, что я его даже не видела. В конце концов он отнял у меня чемодан и покатиł его сам.

До папиного дома ехать было долго, и я старалась не замечать рекламу клубов для мужчин, хоть она так и лезла в глаза. Меня смущали девушки с щитов, которые трясли своими грудями. Интересно, для Барри я выглядела так же? Папа делал вид, что никаких голых девушек не видит, а я смущалась все больше и больше. Мне казалось, что все это — моя вина. Что все ужасное и грязное на свете — только моя вина. Мама не рассказала папе про меня и Барри, зато зая-

вила, что я, по ее мнению, слишком быстро развиваюсь и за мной нужно присматривать.

Спала я той ночью в папином кабинете на раскладном кресле. Простыня на нем постоянно сползала, и виниловая обивка прилипала к коже. Утром папа пришел и начал чирикать, как птица, чтобы я проснулась. К завтраку я вышла в футболке и трусах, а он вlepил мне пощечину и сказал, чтобы я переоделась во что-нибудь приличное. Меня впервые в жизни ударили, и я расплакалась. Я спросила, зачем он это сделал, а он ответил, что теперь все в моей жизни будет совсем по-другому.

Я вернулась в постель и поплакала. Я только вчера приехала, а уже хотела обратно домой. Скоро в комнату заглянул папа и сказал, что он меня прощает. А я подумала про себя: “Интересно, за что это ему меня прощать?” Думала спросить у него, но потом решила, что лучше не стоит.

В тот день мы присматривали себе новый дом. Папа сказал, что ему в НАСА неплохо платят, да и школы в пригороде получше. Я не хотела снова ехать мимо всех этих реклам с девушками, но побоялась с ним спорить. Но по пути к пригороду все щиты рекламировали не девушек, а новые дома и поселки. Цены начинались от ста пятидесяти тысяч долларов — это в три раза больше, чем мама заплатила за наш дом в Сиракьюсе. Она работала учительницей в средней школе и получала не очень много.

Пока мы ехали, папа слушал радио Эн-пи-ар¹, а я смотрела в окно. Хьюстон казался мне жуткой дырой. Местом, где меньше всего хочется жить. Тут было жарко и влажно, а вода из-под крана по вкусу напоминала песок. Единственное, что мне нравится в папе, так это то, что кондиционер у него всегда стоит на семидесяти шести² градусах. Он говорит, что всем местным это кажется безумием, но ему наплевать. Ему нравится заходить домой и говорить "Аах!".

По радио начали говорить про Ирак, и папа прибавил звук. Войска вторглись в Кувейт. — Гребаный Саддам, — сказал папа, а я обрадовалась, что он хотя бы иногда ругается.

Мы приехали в поселок Чарующие Врата и отправились осматривать дом. Риэлтор миссис Ван Дюк показала его нам, а на кухне предложила папе чашечку кофе. Она говорила, что тут очень красиво, что цена очень низкая, что тут хорошая школа и совершенно безопасно. Папа попробовал было поторговаться, но она заявила, что это бесполезно. Если бы мы покупали старый дом, другое дело, но на новые дома установлена фиксированная цена. Когда мы вернулись в машину, папа стал смешно пародировать ее южный акцент, который из-за его собственного акцента звучал еще забавнее.

1 National Public Radio (англ.) — Национальное государственное радио. (Здесь и далее — прим. перев.).

2 По шкале Фаренгейта. Около 24,5 °C.

На ужин мы съели пиццу на тонком тесте в ресторане “У Панжо”. Это любимое папино заведение, он тут часто ел. Он сказал, что в последний раз был здесь на свидании с женщиной с его работы. Она ему нравилась — до тех пор, пока не вытащила сигарету. Тогда он понял, что она дура. Я тоже подумала, что она дура. Но не потому, что курила, а потому что отправилась на свидание с моим папой.

Ночью, лежа на виниловом кресле, я размышляла о своем будущем. Мне казалось, что я буду страдать всегда, изо дня в день. Я решила, что со мной никогда не случится ничего хорошего, и начала думать о Барри. Фантазировала, что он придет и спасет меня от папы, отвезет меня в Сиракьюс, и что мама об этом не узнает. Мы бы жили в доме на другом краю города, и я бы надевала все, что только захочу, даже на завтрак.

Утром Барри не приехал. Зато пришел папа и начал чирикать, как птичка.

— Мне это не нравится, — сказала я, а он рассмехался и прочирикал еще раз.

Мы опять отправились осматривать дома. И в выходные тоже. В воскресенье вечером папа спросил, какой понравился мне больше всего, и я выбрала самый дешевый, в Чарующих Вратах. Он согласился, и через пару недель мы переехали. Это был симпатичный дом, с четырьмя спальнями — одна для папы, одна для меня, одна под кабинет и одна для гостей. У нас с папой были отдельные ванны. В моей были накле-

ены обои “саман”, рисунок на которых похож на много-много глиняных домиков. Раковина и столешница были кремового цвета, с золотистым блеском. За чистоту своей ванной комнаты отвечала я сама, поэтому папа купил мне банку “Комета”.

У папы ванная комната была в два раза больше. В ней стояли две раковины и гардеробная с многоуровневыми вешалками, прямо как в химчистке. Несколько папиных костюмов висели в пакетах из прачечной. Унитаз установили в отдельной комнатке. Как только мы въехали, оттуда стало вонять мочой. У папы не было ванной, как у меня, зато стояла душевая кабина, которая громко щелкала дверью, когда ее закрывали.

Еще в доме были парадная и простая гостиная, парадная столовая и уголок для завтрака. И мы начали делать все там, где положено. Завтракали в уголке для завтрака, обедали в столовой, телевизор смотрели в простой гостиной (там еще и камин стоял), а гостей принимали в парадной.

Первыми гостями стали наши соседи, мистер и миссис Вуозо, и их сын, десятилетний Зак. Они принесли пирог, который испекла миссис Вуозо. Папа сказал, чтобы они присаживались на наш коричневый кожаный диван, а потом принес всем чаю, хоть никто его об этом не просил.

— Ого! — воскликнул мистер Вуозо. — Чай в стаканах!

— Так принято у меня на родине, — ответил папа.

Миссис Вуозо спросила, откуда он родом, а когда папа ответил, воскликнула: “Ну надо же!” — и папа кивнул.

— У вас наверняка есть интересное мнение по поводу всей этой ситуации? — спросил мистер Вуозо. На нем были черная футболка и джинсы, а сам он производил впечатление опрятного человека. Его короткие каштановые волосы блестели, а таких огромных бицепсов я еще ни у кого не видела.

— Конечно, у меня есть свое мнение, — согласился папа.

— Надо будет как-нибудь это обсудить, — сказал мистер Вуозо. Правда, вид у него был такой, словно ему меньше всего хотелось это обсуждать.

— Только не сегодня, — попросила миссис Вуозо. — Давайте не будем о политике.

На ней были желтая юбка и сандалии. Лицо у нее было совсем молодое, а вот волосы все седые. Мне приходилось все время себе напоминать, что она мистеру Вуозо жена, а не мать.

— Умеешь в бадминтон играть? — спросил у меня Зак. Он сидел на диване между своими родителями, вытянув ноги. Он выглядел очень похожим на отца, с такими же короткими каштановыми волосами и в чистеньких джинсах.

— Вроде как умею, — ответила я.

— Может, поиграем?

глава первая

— Ну давай, — сказала я, хотя мне не очень-то хотелось играть. Я бы лучше послушала, о чем будут говорить взрослые. Мне было интересно, побьет мистер Вуозо папу или нет.

У Вуозо на заднем дворе была натянута бадминтонная сетка. Мы начали играть, и Зак постоянно посылал воланчик нарочно мне в грудь и хохотал. Я не выдержала и велела ему прекратить.

— Я ведь только по нему бью, — ответил он. — Откуда я знаю, куда он полетит?

Он сделал еще несколько подач, после чего я сдалась.

— Может, еще чем займемся? — спросил Зак.

— Спасибо, нет, — ответила я, подошла к сетке и отдала ему ракетку.

Мы вернулись к нам домой как раз тогда, когда родители Зака собирались уходить.

— Кто выиграл? — спросил мистер Вуозо.

— Я! — сказал Зак. — Она сдалась.

— Нельзя говорить о людях в третьем лице в их присутствии, — сказала миссис Вуозо.

— А я не помню, как ее зовут.

— Джасира, — откликнулся мистер Вуозо. — Ее зовут Джасира. — Он улыбнулся мне, а я не знала, как на это реагировать.

После того как они ушли, папа сообщил мне, что мистер Вуозо резервист и по выходным ездит на сборы.

— Этот парень — что-то с чем-то, — сказал папа. — Он думает, что я сторонник Саддама. Безобразие!

— А ты сказал ему, что это не так?

— Ничего я ему не говорил. Да кто он вообще такой?

В Чарующих Вратах был бассейн, и папа хотел, чтобы мы туда ходили. Он заявил, что, заплатив такую кучу денег, мы не можем просто сидеть дома и прохлаждаться под кондиционером. Я сказала, что не хочу ходить в бассейн, а когда он спросил почему, слишком смутилась, чтобы ответить. Все дело было в волосах на интимном месте. Их становилось все больше и больше, и некоторые из них купальник уже не прикрывал. Я умоляла маму научить меня бриться, но она отказалась: сказала, стоит только начать, и все станет еще хуже. Из-за этого я часто плакала, а мама все время говорила: "Хватит!" Я сказала ей, что девочки на физкультуре обзывают меня Чубакой, а она ответила, что понятия не имеет, кто это такой. Барри сказал, что он знает, кто такой Чубака, и что это не очень-то мило с их стороны. Но мама ответила, что у него нет своих детей, поэтому он может заткнуться.

Однажды, когда мама была на родительском собрании, Барри позвал меня в ванную. Он стоял там в майке, весь потный, и держал в руке бритву и крем.

— Надень купальник, — велел он мне. — Давай посмотрим, что мы можем сделать.

Я надела купальник и встала в ванную, а Барри сбрил мне волосы на лобке.

— Ну как, нравится? — спросил он, когда закончил.

Я сказала, что мне очень понравилось.

Когда волосы отросли снова, Барри спросил, помню ли я, как это делать, или ему нужно показать мне еще один раз. Хотя я и помнила, как надо бриться, я ответила, что ему придется еще раз все повторить. Просто мне очень понравилось чувство опасности, когда я стояла в ванной, а он осторожно брил меня.

Моя мама никогда бы ничего не узнала, если бы однажды у нас не засорился слив. Она вызвала сантехника, он поелозил там вантузом и достал клок моих черных кудрявых волос.

— Такое иногда случается, — сказал он, — и не всегда это волосы с головы.

Он залил все средством для прочистки труб и взял за это с мамы сто долларов.

— Снимай штаны, — сказала она, когда сантехник ушел. Я сняла. С ней бесполезно спорить.

— Я тебе разрешала бриться? Разрешала?

— Нет.

— Отдай бритву, — велела она, но я сказала, что у меня ее нет, что я брилась бритвой Барри. Когда он вернулся домой, мама заставила меня извиниться за то, что я брала его вещи без спросу.

— Да ничего, — сказал Барри, а мама посадила меня под домашний арест на целый месяц.

Через неделю Барри сдался и рассказал маме, как все было. Что это он меня брил. Что он меня брил уже много недель. Что он не может все это прекратить. Он убеждал, что это все его вина, но

мама винила только меня. Она говорила, что если бы я не твердила постоянно про свои лобковые волосы, то ничего бы такого и не было. Говорила, что, когда Барри впервые предложил меня побрить, нужно было отказаться. Говорила, что с мужчинами можно вести себя правильно и неправильно, но чтобы выяснить, какой же путь правильный, нужно пожить с кем-нибудь из них вместе.

В конце концов папа все-таки убедил меня пойти в бассейн. Мне казалось, что ему понравится, что я такая волосатая, ведь это делало меня некрасивой. Но, когда я пришла купаться и сняла шорты, он сказал:

— Этот купальник совсем не прикрывает то, что нужно.

— Нет, прикрывает, — возразила я, внимательно изучая свои ноги.

— Нет, не прикрывает. У тебя из него все вылезает. Немедленно надень обратно шорты.

Я надела шорты и села на полотенце, наблюдая, как папа плавает туда-сюда по дорожке для взрослых. Вдруг один малыш случайно переплыл разделительную линию и перегородил папе дорогу. Я думала, он на него разорется, но он только улыбался и ждал, пока мальчик проплывет обратно. И я поняла, что если бы мы с папой не были родственниками, то вполне могли бы поладить.

Скоро начались занятия. В школе почти все уборщики-мексиканцы пытались говорить со

мной по-испански. Я их не очень-то понимала, поэтому решила записаться на уроки испанского. Правда, потом папа заставил меня учить французский, потому что его родные в Ливане говорили только на нем, и, возможно, когда-нибудь мы бы встретились. Я не очень часто отвечала на уроках, только когда учитель спрашивал. Когда одноклассники услышали мой акцент, они спросили, откуда я приехала. Я сказала, что из Нью-Йорка.

— Из самого Нью-Йорка? — воскликнули они, а я поняла, что им это понравилось, и кивнула.

Я стала присматривать за Заком Вуозо после школы. Миссис Вуозо работала у одного доктора бухгалтером, а мистер Вуозо держал в торговом центре свой магазинчик копировальных услуг. Он приезжал домой чуть позже шести, а она возвращалась около семи. Про те несколько часов, что я проводила с Заком, они говорили, что я “составляю ему компанию”.

Зак ужасно бесился, что к нему приставили няньку. Он постоянно подчеркивал, что я старше его всего на три года, а когда мы играли вместе по выходным, обязательно напоминал, что мне за это ничего не заплатят. Я говорила ему, что это все потому, что в выходные его родители дома, но он все равно злился.

Как-то раз, чтобы не чувствовать себя таким маленьким, Зак решил, что нам надо навестить его папу на работе. Я отказалась, но он просто пошел вперед, так что мне пришлось отпра-

виться за ним. Я была уверена, что мистер Вуозо уволит меня за такую оплошность, но он даже обрадовался нашему приходу.

— Вы как раз вовремя, — сказал он и усадил нас в подсобку сортировать буклеты с инструкциями по вязанию рождественских чулок.

Скоро Зак заскучал и начал ксерокопировать разные части своего тела. Сначала он засунул в ксерокс лицо, руку, потом руку, изображающую птичку.

— Может, не стоит? — спросила я, когда он снял штаны и начал копировать свою попу. Затем он взял все копии и начал засовывать их в буклеты про вязание. Когда мистер Вуозо заглянул посмотреть, как у нас дела, и спросил, что это все значит, я извинилась.

— Это ты сделала эти картинки? — спросил он. Я помотала головой.

— Тогда тебе не за что извиняться.

Он сказал Заку, что пока тот будет приводить все в порядок, мы подождем его в магазине.

Я не знала, о чем мне говорить с мистером Вуозо. Иногда, когда заходили посетители, мне не приходилось ничего говорить. А в остальное время я сидела на стуле, который он мне дал, и старалась не быть такой молчаливой. Папа говорил, что молчуньей быть плохо. Правда, когда я что-нибудь говорила, он тоже был недоволен. Хуже всего в моем папе то, что он постоянно меняет правила игры.

В конце концов я сказала мистеру Вуозо:

— Простите, что я такая молчунья.

Он рассмеялся. Он только что получил заказ на тысячу визиток и теперь заполнял бумаги.

— Послушай-ка, что я тебе скажу. Нет ничего хуже болтовни ради самой болтовни.

Я кивнула и расслабилась. Мне было приятно смотреть, как мистер Вуозо работает. Он словно меня не замечал, и я очень этому радовалась. Мне надоело, что меня постоянно замечают.

Когда, наконец, Зак покончил с буклетами, мы закрыли магазин и поехали домой в микро-автобусе мистера Вуозо. Он велел мне сесть на переднее сиденье, хотя Зак и возмущался. А когда Зак начал колотить ногами по спинке моего сиденья, мистер Вуозо сказал, чтобы тот перестал выеживаться. Ради смеха он завез меня домой, хотя мы и жили совсем рядом.

— Нам с Заком надо провести воспитательную беседу. Думаю, завтра все изменится к лучшему, — сказал он, наклонился надо мной и открыл дверь машины.

Но завтра Зак бесился еще больше. Мы играли в бадминтон, и он постоянно швырял воланчик мне в грудь. Когда я сказала, что ухожу, он обозвал меня чуркой и убежал домой. Я пошла за ним, но в гостиной его не было.

— Зак, ты где? — позвала его я, но он не отвечал.

Я поднялась на второй этаж и обнаружила его в комнате для гостей. Он сидел на кровати и читал "Плейбой".

алисия эриан как на ладони

- Что это ты делаешь? — спросила я.
- Отвали, — ответил Зак, не поднимая головы.
Дверца у шкафа была приоткрыта, и я увидела, что в нем лежит стопка журналов. Над ними на крючке висела военная форма мистера Вуозо.
- Зак, положи журналы на место.
- Щас! Я хочу почитать.
- Ты еще маленький.
- Хочешь посмотреть? — спросил он.
- Нет.
- Тогда иди вниз и смотри телик.
Я пошла на первый этаж и включила телевизор, но ничего интересного там не показывали, так что я пришла обратно.
- Зак, прекрати, — сказала я.
- Ты только посмотри, — ответил он и протянул мне журнал, в котором была голая женщина на лошади.
- Подумаешь, тоже мне.

Он пожал плечами и опять стал листать журнал. Я подумала секунду, а потом подошла к шкафу и тоже взяла себе журнал. Села с ним в плетеное кресло и открыла на первой странице. Даже на странице с оглавлением была фотография голой женщины. Я закрыла журнал, а потом снова открыла его на середине. Я не стала рассматривать фотографию на развороте, а просмотрела страницы по отдельности. У одной девушки между ног была забавная стрижка — тоненькая полосочка ровно посередине, совсем как ирокез. На ней была одежда, но расстегну-

тая, так что можно было видеть все ее интимные места. Под фотографиями я прочитала, что эта девушка думает о мужчинах и свиданиях, что она предпочитает из еды. Еще там стояло имя человека, который делал эти фотографии. Когда я это увидела, то закрыла журнал, положила его в шкаф и спустилась вниз. Скоро ко мне присоединился Зак.

— Ты все положил на свои места? — спросила я у него.

Он кивнул и плюхнулся на диван.

— Не смотри больше эти журналы, понял? — сказала я.

— Я буду делать то, что хочу, чурка.

— Не называй меня так!

— Это почему же? Ты ведь чурка, да?

— Нет, — сказала я, хотя вообще не знала, что это такое.

— Твой папа — чурка, — сказал Зак. — А если он чурка, значит, и ты — чурка.

Я наконец поняла, что он имеет в виду, хоть это и было глупо. Мой папа даже не носил тюрбан на голове. И был христианином, как и все в Техасе. Как-то летом, когда мне было семь, он взял меня с собой в арабскую церковь, и там, в ванночке, меня окрестили. Перед этим я плакала дни напролет, потому что думала, что меня заставят голый купаться перед незнакомыми людьми. Но священник дал мне специальную робу. По пути домой папа все время потешался над моими переживаниями, и я поняла, что все

это время он прекрасно знал, что мне дадут робу.

Зак заснул на диване, а я поднялась наверх проверить, все ли “Плейбои” он убрал на место. К моему большому сожалению, он и правда все убрал, поэтому я открыла шкаф и достала себе один журнал. Сев на краешек кровати, я открыла его на развороте. Кажется, я начала понимать, для чего нужны все эти фотографии. Они уже не так шокировали меня, как раньше. Мне даже понравились некоторые из них, особенно те, на которых были девушки с лобковыми волосами. Я смотрела на них, сжимала вместе ноги, и мне было хорошо.

Когда мистер Вуозо вернулся домой и спросил, как себя вел Зак, я сказала, что нормально.

— Вот это другое дело, — сказал он и достал бумажник. Я думала, что буду теперь нервничать в его присутствии, ведь я знала, что за журналы он читает, но все было как прежде. И даже лучше. Мне казалось, что уж он-то точно знает, что в груди и теле нет ничего плохого.

Вернувшись домой, я обнаружила у себя на трусах кровь. Во всяком случае, мне показалось, что это кровь, немного рыжеватая. Я позвонила маме, и она сказала:

— Конечно, это кровь.

— Что мне делать? — спросила я. Больше всего на свете я боялась, что месячные у меня начнутся, когда я буду у папы. Перед отъездом мама

глава первая

дала мне пару прокладок, но надолго их бы не хватило.

— В каком смысле что тебе делать? Возьми прокладку и расскажи все папе, когда он вернется. Поверь, он знает, что такое месячные.

— Может, ты ему скажешь?

— Почему я?

— Не хочу с ним об этом говорить.

— Почему? Рано или поздно тебе придется с ним об этом поговорить.

— Ты не понимаешь! — воскликнула я. — Папе не нравится мое тело.

— В каком смысле?

— Не знаю.

— Хватит раздувать из мухи слона, — сказала мама. — Возьми себя в руки.

Мы попрощались, и я пошла в ванную за прокладкой. Когда я ее прикрепила, мне стало казаться, что при ходьбе я слышу шелест и поскрипывание. Конечно, в школе нам показывали специальный фильм для девочек про менструации, но все равно я чувствовала себя малышом в памперсе.

Когда в семь вечера приехал папа, я встретила его у черного хода.

— Привет, — сказала я.

— Привет, Джасира, — пробурчал папа, он в конце рабочего дня всегда был в плохом настроении, потому что остальные сотрудники в НАСА не хотели работать так же усердно, как он сам. Вечером его лучше не трогать — дать ему

спокойно приготовить ужин и не лезть с разговорами. Но я волновалась, что у меня кончатся прокладки.

— Пап, — проговорила я, пока он ставил на стол портфель. — Пап, мне надо тебе кое-что сказать.

— Не сейчас, — ответил он, развязывая шнурки. Он прошел на кухню и достал из холодильника пиво.

А я отправилась в ванную проверить свою прокладку. Она уже почти вся пропиталась. К тому же у меня болел живот. Не совсем живот, а там, внизу. Такое ощущение, будто туда засунули руку и сжимали там что-то. Я вернулась на кухню и сказала:

— Пап?

Он включил маленький радиоприемник и слушал, вынимая из пакета кусок мяса. Он, конечно, слышал, что я сказала, хоть и промолчал. Я постояла еще немножко, подождала, пока закончатся новости по радио, и повторила:

— Пап?

— Что тебе, Джасира? — вздохнул он.

— Мне нужно тебе кое-что сказать.

— Ну так говори, не тяни, — попросил он. — Давай без лирических отступлений.

— Ладно, — решила я и сделала глубокий вдох. — У меня начались месячные.

— Месячные? — переспросил он и впервые с начала разговора на меня посмотрел. — У тебя не может быть месячных, ты еще маленькая.

глава первая

— Мне тринадцать.

— О господи! — сказал папа и потряс головой.

— Я звонила маме, она велела тебе рассказать.

— Хорошо. Тебе что-нибудь нужно? Может, в магазин?

— Да.

— Прямо сейчас?

— Думаю, да.

Папа снял фартук и пошел обратно надевать ботинки. В машине он сказал мне:

— Пока не выйдешь замуж, тампонами не пользуйся. Понимаешь, о чем я?

Я кивнула головой, хотя и не очень-то понимала.

— Тампоны для замужних женщин, — повторил папа.

Мы проехали мимо бассейна, который по вечерам освещался подводными лампами. Мне всегда казалось ужасно грустным, что в самое красивое время суток там никого не бывает.

Я надеялась, что папа даст мне денег и я сама все куплю, но он припарковался и вылез из машины. В отделе женской гигиены он пробормотал: “Ну-с, посмотрим” — и начал разглядывать пачки прокладок. Наконец он повернулся ко мне и сказал:

— Какие у тебя выделения — скудные, нормальные или обильные?

— Я не знаю, — ответила я.

— Как это ты не знаешь?

— Пап, может, я сама все выберу?

алисия эриан как на ладони

— Зачем это? В чем дело?

— Ни в чем.

— Ты не будешь пользоваться тампонами, если ты это имела в виду.

— Не нужны мне никакие тампоны.

— Вот выйдешь замуж, и будешь покупать тампоны, какие твоей душе угодно. А пока пользуйся прокладками.

К нам подошла худенькая пожилая продавщица и поинтересовалась, не нужна ли нам помощь.

— Мы справимся, благодарю вас, — сказал ей папа.

Я взглянула на старушку, а она мне улыбнулась.

— Это ведь для тебя? — спросила она.

Я кивнула.

— Посмотрим, — сказала она и взяла с полки зеленую коробку. — Вот этими пользуется моя дочка.

Она протянула мне коробку, и я начала читать, что на ней написано.

— А чем вам эти не нравятся? — спросил у продавщицы папа, показывая пачку, которую выбрал он.

— Я бы сказала, они толстоваты. Не такие удобные.

Он посмотрел на нее так, словно она сказала какую-то глупость.

— Можно, я эти возьму? — спросила я, протягивая ему зеленую коробку.

Взяв ее, папа посмотрел на ценник.

глава первая

— Почему они такие дорогие?

Продавщица надела очки, висевшие до этого у нее на шее, и изучила коробку.

— Видимо, все дело в удобстве, о котором я упомянула.

— Просто грабеж, — сказал папа.

— А боли у тебя есть? — поинтересовалась дама, и я кивнула.

— Вот, — продолжила она, протягивая папе упаковку мотрина, — это поможет.

— У нас дома полно аспирина, — сказал папа и положил таблетки обратно на полку. Но продавщица снова протянула их ему.

— Уверю вас, ей нужен именно мотрин. Аспирин тут не годится.

Затем она взяла пачку толстых прокладок из папиных рук и положила обратно на полку.

Я поняла, что он ужасно на нее злится, но поделать ничего не может. По пути домой он сказал, что отныне я сама буду покупать себе прокладки и что он не знал, что все это так дорого, но, раз уж я работаю на американскую армию, то могу себе это позволить. Так он называл мою работу у Вуозо. Папу до сих пор бесило, что мистер Вуозо считает его сторонником Саддама. Он говорил, что если что-то его и злит, так это страсть людей к необоснованным выводам.

Вечером, лежа в постели, я снова мечтала о том, как Барри придет и спасет меня. Я, конечно, понимала, что ничего такого не будет, но все равно мне было приятно об этом

думать. Я знала, что Барри-то я точно нравилась. Даже больше, чем мама. Я ему так нравилась, что мама стала ревновать и отослала меня к папе. Это было моим главным достоинством. Что бы ни происходило, в этом-то я обскакала маму. Я всегда нравилась парням больше, чем она.

Когда назавтра на уроке рисования я вытаскивала из рюкзака планшет, у меня вывалилась прокладка. Я попыталась запихнуть ее обратно, но было уже слишком поздно. Ее заметили трое парней, с которыми я сидела на уроке. Они схватили прокладку и начали махать ею перед моим носом, а я пыталась ее у них отнять. Потом один из них распечатал прокладку, вытащил из нее впитывающий слой и прилепил на лоб. Миссис Риджвей заставила мальчика ее снять, и он послушался, но зато потом разрисовал ее красной краской. Поэтому по школе мгновенно пошел слух, что я на самом деле ужасная свинья, раз таскаю в портфеле использованные прокладки.

У меня больше не осталось прокладок, поэтому я пошла в туалет и положила в трусики стопку туалетной бумаги. Потом я расплакалась, и меня услышала одна из уборщиц.

— С тобой все в порядке? — спросила она.

Я объяснила, в чем дело, и она велела мне подождать. Через пару минут она вернулась и подсунула под дверь тампон.

— Я не уверена, что смогу его вставить, — сказала ей я.

— Сможешь, сможешь. Он очень маленький.

А потом она ждала меня за дверью и, наверное, миллион раз спрашивала, удалось мне его вставить или нет.

— Просто расслабься, — посоветовала она, и наконец у меня получилось.

Когда я вышла из туалета и уборщица меня узнала, она начала говорить со мной по-испански, и мне пришлось объяснить ей, что я ничего не понимаю.

— Разве твои родители не говорят дома по-испански? — удивилась она, и я призналась, что нет, не говорят. Она покачала головой так, словно печальнее этого нет ничего на свете.

Весь оставшийся день я думала о словах папы, о том, что до свадьбы тампонами пользоваться нельзя. Я поняла его так: когда выходишь замуж, то начинаешь заниматься сексом, а если занимаешься сексом, там все становится свободнее, и тампон вставить совсем несложно. Но почему тогда у меня уже было там свободно? Уборщица сказала, что тампон легко войдет, и она была права. Интересно, в чем еще ошибался мой папа.

После школы Зак предложил мне полистать журналы, и я согласилась. Он сел спиной ко мне на краешек кровати, а я устроилась в кресле. Я очень внимательно прочла все интервью с девушками, надеясь, что они упомянут о чем-нибудь важном, например о начале менструаций. Но они в основном все говорили об одном и том же — как они любят заниматься сексом,

или сколько раз в неделю они это делают, и какой цвет волос у мужчин им нравится. Я не отдавала себе отчета в том, что сжимаю ноги, пока Зак не обернулся и не сказал: “Хватит качаться на кресле, оно скрипит”.

Еще девушки рассказывали о том, как они испытывают оргазм, но я не совсем ясно понимала, о чем это они. Наверное, оргазм — это то самое приятное чувство, когда сжимаешь ноги, но вообще-то непонятно, чего тут такого необыкновенного. Хотя это и очень приятно, почти так же, как когда Барри меня брил. Но все равно я не понимала, чему тут так восторгаться.

— Смотри! — воскликнул Зак и протянул мне фотографию смуглой женщины с темно-коричневыми сосками. Сверху была надпись: “Арабская королева”.

— И что?

— Она чурка, как ты!

— Прекрати меня так называть, это невежливо.

Зак забрал у меня журнал и сказал:

— Может, однажды ты тоже попадешь в “Плейбой”. У тебя сиськи большие.

Я помотала головой, а сама вспоминала имена всех тех фотографов из журнала.

— Мой папа думает, что ты симпатичная, — обронил он и уселся на свое обычное место.

— Серьезно?

Зак кивнул.

— Он говорит, что у тебя будет куча поклонников и твоему папаше придется запирать тебя дома.

— Ничего подобного, — обеспокоенно сказала я.

— Поживем, увидим, — ответил Зак.

Когда вечером домой вернулся мистер Вуозо, я нервничала больше, чем обычно.

— Привет, Джасира! — воскликнул он, а я промямлила:

— Спасибо, хорошо.

Зак решил, что ничего смешнее в своей жизни не слышал, и начал хохотать как сумасшедший. Мистер Вуозо тоже засмеялся, но совсем не обидно. Он только сказал:

— Ты меня немножко опередила, но ничего страшного. Я рад, что у тебя все хорошо, — и отправился на кухню.

— Можешь идти домой, — заявил Зак.

— Сама разберусь, когда мне идти, — огрызнулась я.

Дома я пошла взглянуть на свои трусики. Крови было совсем чуть-чуть, но на всякий случай я все же взяла прокладку. Тампон вынимать я пока не собиралась. Я хотела дожидаться, когда папа вернется домой, чтобы ходить по дому с тампоном, а он бы ничего не подозревал.

— Прекрати мельтешить перед глазами, — сказал он вечером.

— Извини, — ответила я и села за столик для завтрака.

— Тебе уроки делать разве не надо? — поинтересовался папа. Он стоял за кухонным столом и готовил ужин. Что-то восточное и несъедобное.

- Я уже все сделала.
- Хорошо. Я собирался послушать радио.
- Я не буду мешать.
- Папа помялся секунду, а потом спросил:
- Что там с твоей менструацией?
- Все в порядке.
- Боли прекратились?
- Угу.
- У твоей мамы всегда были жуткие боли, — сказал он. — Она так мучалась, прямо умирала от боли.
- Ну, у меня все не так плохо, — ответила я.
- Я всегда считал, что она притворяется. Чтобы привлечь внимание.

Я кивнула. Я не раз видела, как она корчится, и тоже так думала.

- Я не обращал на это внимания, а она бесилась и называла меня бессердечным. А я не бессердечный. Я просто вижу, когда человек лжет.

А я подумала о своем тампоне и о том, что ничего-то он не видит.

- Помоги мне нарубить капусты, — попросил папа. Капустой он называл и овощи, и деньги.

После ужина я пошла в туалет, чтобы вынуть тампон. Он весь пропитался, и кровь капала с него в унитаз. Я обмотала его несколько раз бумагой, а когда спустила воду, слив засорился. Я не знала, что мне делать, поэтому закричала:

- Папа, на помощь!

Он прибежал, увидел, что произошло, и тут же выбежал обратно. А когда вернулся с ванту-

глава первая

зом в руке, бледно-розовая вода уже лилась на бежевый коврик.

— Господи боже, — промолвил он и начал прочищать унитаз. На коврик полилась вода с кусочками бумаги, но потом, наконец, туалет прочистился, булькнул недовольно и выплюнул лужицу чистой воды.

— Принеси пакет, — велел папа.

Я убрала в пакет грязную бумагу, а он ткнул пальцем в пол и спросил:

— Это что еще такое?

Я оглянулась и увидела тампон. Он, конечно, был не таким кровавым, как когда я его только вытащила, но все равно было видно, что его использовали.

— Подними, — приказал папа.

Протянув руку, я схватила тампон. Мне не хотелось брать его голыми руками, но папа загородил собой туалетную бумагу.

— Откуда это у тебя? — спросил он.

— Из школы, — начала говорить я, — мальчишки...

— Ты помнишь, что я тебе говорил про тампоны? — перебил папа.

— Что они для замужних женщин.

— А ты разве замужем? — спросил он.

— Нет.

Он посмотрел на меня секунду, а потом сказал:

— Пошли.

На кухне он открыл шкафчик под раковиной, чтобы я выбросила в мусорку тампон.

— А теперь иди и вынеси ведро, — велел папа.

Я пошла выносить мусор, а когда вернулась, дверь была закрыта. Я позвонила, но он не открывал.

Я даже не знала, что мне теперь делать. Машина тоже была заперта. Я подумала было пойти домой к Вуозо, но побоялась. Мне казалось, что если они узнают, что папа меня не пускает домой, то сразу меня уволят.

В конце концов я пошла прогуляться к бассейну. Там при выходе из раздевалки стоял телефон-автомат, из которого я иногда разговаривала с мамой. Я позвонила ей за ее счет, и она спросила, что еще такое у меня стряслось.

— Меня выгнали, — сказала я и разрыдалась.

— Неужели? — ответила она. — А твой отец только что позвонил и сказал, что ты сбежала.

— Я не сбежала, — возразила я, — он меня выгнал, и я звоню тебе из автомата.

— Где этот автомат? — спросила мама.

— Около бассейна.

— Тебе надо не мне звонить, а отцу. Он понятия не имеет, где ты.

— Но он же меня выгнал!

— Послушай меня, Джасира. Мы обе знаем, что у твоего отца проблемы, он все принимает слишком близко к сердцу. Тебе нужно это учитывать и вести себя соответственно. Если он тебя выгнал, тебе придется подождать, пока он не остынет. Понимаешь? Просто я ведь не могу постоянно отвлекаться на твои звонки.

Какой вообще тогда смысл в том, что ты живешь с папой, если все проблемы все равно приходится решать мне?

— Не хочу я тут жить. Я хочу домой.

— Ну же, ты даже не хочешь попытаться?

— Я попыталась. Я старалась, как могла.

— Знаешь, о чем надо тебе думать в такой ситуации? — сказала мама. — Подумай, а почему папа тебя выгнал? Ты думала, почему он так поступил?

— Думала, — соврала я.

— Правда?

— Нет.

— Как ты думаешь, что происходит, когда папа не разрешает тебе пользоваться тампонами, а ты его не слушаешься?

— Да что такого в тампонах?

— Дело ведь не в тампонах, верно? Дело в том, что не надо пользоваться тампонами, если папа против, правда ведь? Это неправильно. Так же неправильно, как бриться, если мама тебе запрещает.

Я промолчала.

— Или просить кого-нибудь еще брить тебя, — добавила она.

— Извини.

— Не хочу об этом говорить.

— Хорошо.

— Вешай трубку и звони папе. Он приедет и заберет тебя.

Трубку я повесила, но папе звонить не стала. Вместо этого я стояла в коридоре между мужской

алисия эриан как на ладони

и женской раздевалками, как будто этот коридор и был моим домом. Автомат с газировкой рядом с телефоном жужжал совсем как холодильник. А запах хлорки напомнил мне о “Комете”, которым я чистила свою ванную.

По пути домой я мечтала, чтобы со мной случилось что-нибудь ужасное. Чтобы мое тело нашли после долгих поисков и чтобы моих родителей мучила совесть до самой смерти. Но ничего так и не произошло. Я спокойно дошла до дома. И хотя входная дверь все еще была на запоре, черный ход папа открыл.

глава вторая

Я начала воровать тампоны миссис Вуозо. Она хранила их в туалете в прозрачном стаканчике, в таких еще стоматологи держат специальные шпатели для языка. Я была осторожна и брала всего один или два за неделю, чтобы она ничего не заметила. Я клала тампон в карман джинсов, а потом прятала его в своей ванной за банкой “Комета”. Папа заглянул туда один-единственный раз, как раз тогда, когда прочищал унитаз и выгнал меня из дома. Я тогда вернулась домой и обнаружила, что туалет весь сияет, даже влажный коврик теперь приятно пах свежестью. На полу не осталось ни одного кусочка бумаги, вантуз исчез. Папа сидел у себя за закрытой дверью, но я видела, что свет у него горит. Он не вышел, чтобы на меня наорать. Как, впрочем, и чтобы убедиться, что я уже дома. На следующее утро за завтраком он обратился ко мне всего раз. Сказал: “Передай сахар”.

Когда в октябре у меня началась следующая менструация, тампонов мне хватило уже на весь цикл. Они были больше, чем тот, который дала мне уборщица, и поначалу я никак не могла их вставить. Но в конце концов у меня получилось. На деньги, заработанные у Вуозо, я купила прокладки, но так как я их практически не использовала, то выбрала те, что подешевле.

— Поняла? — сказал папа, когда мы стояли в отделе женской гигиены в аптеке. — Когда траишь собственные деньги, это совсем другое дело.

Я согласилась с ним, и мне стало хорошо. Каждый раз, когда папа думал, что он все прекрасно понимает, а на самом деле ничего не знал, у меня поднималось настроение.

Больше я никогда не смывала тампоны в туалет. Даже в школе, хотя там унитазы были помощнее. Вместо этого я заворачивала их в бумагу и выбрасывала в мусор, как делала это с прокладками.

В школьном туалете у нас висят такие маленькие металлические коробочки, привинченные к кабинкам, и я любила туда заглядывать. Обычно там ничего не было, но иногда я обнаруживала всякие штуки, которые сама туда не клала.

Я начала разглядывать других девочек в школе, чтобы понять, у кого из них тоже уже начались месячные.

В конце менструации у меня крови почти не было, но я все равно вставляла тампон. И однажды, когда я потянула за ниточку, чтобы

его вытянуть, она порвалась. Это было просто ужасно — стоять посреди женского туалета и разглядывать оторвавшуюся нитку. Я не знала, что мне делать. Я не смогла бы засунуть себе туда больше одного пальца зараз, это точно. Для двух просто не хватило бы места. Я села на унитаз и потужилась, как будто собиралась покакать, но безрезультатно.

Весь оставшийся день я ужасно боялась. Мне казалось, что теперь, без ниточки, этот тампон исчезнет во мне навсегда. К тому же я знала, что можно заболеть какой-то гадостью, если слишком долго использовать один и тот же тампон. Дома я померила температуру, но так и не поняла, повышена она или нет. Придя к Вуозо, я попросила Зака, чтобы он потрогал мне лоб, но он заявил, что ни за что на свете не станет до меня дотрагиваться. Я сама прикладывала руку ко лбу, но это было так же бессмысленно, как пытаться унюхать, пахнет ли у тебя изо рта. Вроде бы все было в порядке.

Оставалось надеяться только на "Плейбой". Каждый раз, когда я его читала, мои трусики становились мокрыми, и я надеялась, что, если тампон станет достаточно влажным, он выскользнет сам. Тем вечером я сжимала ноги усерднее, чем обычно. Я пересматривала все мои любимые фотографии, особенно те, на которых девушки улыбались. Мне нравилось, что они ничего не боятся, хоть и стоят там голые перед мужчиной с камерой.

Одна фотография мне особенно нравилась. На ней была изображена девушка в расстегнутой рубашке в гольф-карте. Она смеялась и была ужасно счастливая, и, кажется, не обращала внимания на то, что она стоит посреди гольф-клуба с голой грудью.

Я попыталась представить себя на ее месте. Как будто бы это я стою с расстегнутой блузкой перед фотографом, а все вокруг пялятся на меня. Стою и, несмотря на все это, улыбаюсь. И чем больше я об этом думала, тем сильнее сжимала ноги. Я понимала, что произвожу много шума, но не могла остановиться. Мне казалось, будто я кого-то догоняю. И если догоню, то мне будет даже лучше, чем сейчас. Не знаю, откуда я это взяла, но я точно знала. А потом случился Он. Оргазм.

Он напомнил мне чувство, которое я испытывала у стоматолога, вдыхая специальную смесь. Все вдруг стало хорошо. Я больше не ненавидела родителей, не переживала из-за жизни в Хьюстоне, даже на застрявший во мне тампон мне стало наплевать. На минуту я снова стала счастлива. Но, в отличие от газа, оргазм долго не продлился. И, когда он закончился, мне стало еще хуже, чем до него, потому что мне хотелось испытывать это чувство сутки напролет.

Я не заметила, что все это время за мной наблюдал Зак.

— Что это с тобой? — спросил он.

— Ничего.

— А чего ты тогда в кресле прыгала?

— Ничего я не прыгала, — возразила я, — мне просто было неудобно.

Он, кажется, не поверил.

— Я сейчас вернусь, — пробормотала я и пошла в ванную. Я села на унитаз и потужилась, но тампон все равно не вышел. Тогда я вернулась в спальню. Я хотела испытать еще один оргазм, но Зак уже убирал обратно все журналы.

— Эй! — воскликнула я, когда он взял журнал с девушкой в гольф-клубе. — Я его читаю!

— Уже пять, — сказал он.

Пять часов были той границей времени, которую я определила для чтения журналов.

— Что, уже? — удивилась я и посмотрела на часы. Он был прав.

— А что это ты делала в ванной? — поинтересовался Зак.

— Ничего.

— Я все слышал. Ты какала.

— Неправда, — возмутилась я, а Зак издал неприличный звук, якобы пародируя меня, но я-то знала, что ничего такого не делала.

— Заткнись, — велела ему я и пошла к шкафу за журналом.

— Эй, никаких журналов после пяти!

— Думаю, надо продлить это время до половины шестого, — решила я.

Все равно мистер Вуозо никогда не приходил раньше шести. Я не была уверена, что смогу дотерпеть до завтра, чтобы испытать еще один оргазм, да еще без помощи журналов.

Зак пожал плечами и тоже взял себе журнал. Мы сели на свои обычные места, и я опять начала скрипеть креслом. Я чувствовала, что Зак на меня смотрит, но мне было наплевать. Я хотела, чтобы мне опять стало хорошо. Испытать оргазм, и во время него думать обо всех неприятностях в моей жизни, и видеть, как они растворяются и не кажутся уже такими страшными. Я думала, что если получу несколько оргазмов один за другим, если буду стремиться к этому приятному чувству, то мне никогда уже не будет плохо.

Когда случился второй оргазм, я захотела добиться третьего. Не то чтобы я очень этого хотела, просто я продолжала твердить себе, что в конце мне станет лучше. Мне пришлось гораздо тяжелее в этот раз. Я сжимала ноги, смотрела на девушку в рубашке, представляла себя на ее месте и снова сжимала ноги. Может, если бы стул так не шумел, мы бы услышали, как открылась входная дверь и пришел мистер Вуозо. Или услышали бы, как он поднимается по лестнице и идет по коридору. Но мы не услышали. Я вообще заметила его только тогда, когда Зак вдруг сказал: "Папа".

— Что тут происходит? — спросил мистер Вуозо. Он был сам на себя не похож. Вроде та же одежда и прическа, но лицо стало совершенно непроницаемым.

— Ничего, — сказал Зак, закрывая журнал и слезая с кровати.

глава вторая

Я свой тоже закрыла.

— Вам кто разрешал читать мои журналы? — спросил мистер Вуозо.

— Никто, — ответил Зак.

— Тогда почему вы их читали?

— Не знаю, сэр.

— Джасира? — повернулся ко мне мистер Вуозо.

Я встала.

— Да?

— Почему ты читала мои журналы?

— Я не знаю.

— Не знаешь?

Я помотала головой.

— Ты ведь няня. Ты должна знать.

Я кивнула.

— Так почему ты так поступила?

— Я не знаю, — повторила я снова. Казалось, мы обсуждаем это снова и снова, и конца этому разговору не видно.

— Отдай мне журнал, Зак, — сказал мистер Вуозо.

Зак подошел к нему и протянул “Плейбой”.

— А теперь ступай и жди меня у лестницы.

— Да, сэр, — сказал Зак и выскользнул из комнаты. Мне стало страшно, когда я услышала, с какой скоростью он побежал, хотя никто за ним и не гнался.

— От тебя я такого совсем не ожидал, Джасира, — проговорил мистер Вуозо. Он подошел и забрал у меня журнал. При этом наши руки

на мгновение соприкоснулись. Я смотрела, как он убирает журналы в шкаф, а потом закрывает дверь.

— Извините, — сказала я.

— Ты извиняешься? — засмеялся он.

Смех у него был недобрый, и мне захотелось домой.

— Извинений тут недостаточно.

— Наверное, я не очень хорошая няня.

— Это точно, — ответил мистер Вуозо и, повернувшись ко мне, сел на кровать. Он долго смотрел на меня.

— Иди сюда, — наконец сказал он.

Я не шелохнулась. С тех пор как он пришел, я продвинулась уже на сантиметр ближе к двери, и меня это место полностью устраивало.

— Подойди сюда, — повторил он уже спокойнее. Я посмотрела на дверь и решила уйти. Я очень хотела оттуда уйти. Я сделала еще шаг в направлении выхода, когда услышала его голос:

— Куда это ты?

— Домой.

— Подойди ко мне на секунду, — сказал он.

— Нет.

— Нет? — Он улыбнулся, словно я сказала что-то очень смешное.

— Мне пора, — проговорила я.

— Куда ты пойдешь? — поинтересовался мистер Вуозо.

— Домой, — повторила я. Казалось, он играет со мной в какую-то игру.

глава вторая

— Ну хорошо, — ответил он. — Хорошо. Иди домой.

Я не пошевелилась.

— Иди же, — повторил он.

— А вы папе не скажете?

— Не скажу о чем?

— Что я смотрела ваши журналы.

— Твой папаша гребаный чурка, — сказал он.

Я промолчала.

— Ну, иди домой к своему чурке.

— Пожалуйста, не говорите папе, — попросила я.

— Почему нет?

— Просто не говорите.

— А что мне тогда делать? — спросил мистер Вуозо. — Просто забыть обо всем этом?

— Я больше не буду.

— Не будешь что?

— Не буду смотреть ваши журналы.

— Тебе ведь это нравится?

Я не ответила.

— Наверняка тебе это нравится. Иначе почему бы ты стала их читать, верно?

Я все еще молчала.

— Если скажешь, почему ты их читала, я ничего не расскажу твоему отцу.

Я думала, как же ему это объяснить, но так и не смогла сформулировать.

— Иди сюда, — сказал он.

Я сделала один шаг в его сторону.

— Всего на секунду.

Подойдя к его коленке, я замерла.

— А теперь скажи, что тебе так понравилось в моих журналах?

— Не могу.

— Почему?

— Я не знаю, почему они мне так нравятся.

— Но они ведь тебе нравятся, да?

— Да.

Он протянул руку и положил ее мне на талию. Рука у него была ужасно тяжелая, и я сразу подумала, что он ею часто держит оружие.

— Иди сюда, — сказал мистер Вуозо, поставив меня между своих колен.

Я постояла так минуту, а он начал водить рукой по моим бедрам. Потом протянул руку и дотронулся до моих волос. Он убрал их с лица и заправил прядь мне за ухо. Я уставилась на пол.

— Ты все еще хочешь домой? — спросил он, и я кивнула.

— Хорошо, иди домой.

Я не сдвинулась с места.

— Мне показалось, что ты хотела домой, — сказал он.

Я дернулась, и он отпустил меня. Повернувшись, я пошла к двери, и он меня не остановил. Я спустилась по лестнице, прошла мимо Зака в гостиной, вышла на улицу. Уже оказавшись на ступеньках, я захотела вернуться в дом, но знала, что это невозможно. По крайней мере, до завтра.

Вернувшись домой, я села на унитаз и тужилась изо всех сил, пока из меня не вышел тампон.

Я чувствовала, как мои мышцы выталкивают его. Когда тампон упал в унитаз, я подняла его и обернула туалетной бумагой. Я была спасена. Я подумала, что мистер Вуозо сделал мне так хорошо, что все мои внутренности стали почти жидкими. Он был гораздо лучше журналов, и я не могла дождаться, когда же это случится снова.

Вечером домой вернулся папа в превосходном настроении. Одна гречанка с работы пригласила его на ужин в ближайшую субботу, и она была как раз в его вкусе. Трудоголик. Чтобы отпраздновать это событие, мы отправились в пиццерию “У Панжо”, и папа позволил мне даже пару раз отхлебнуть пива из его бокала. Мне нравилось, как после каждого глотка начинала немножко кружиться голова.

По пути домой папа решил рассказать, как он познакомился с мамой, хоть я его об этом и не просила.

— У нее был такой крошечный “фиат”, — начал он, — и она припарковала его в неподобающем месте. Стояла и ругалась с парнем, который приехал отбуксировать ее машину. А пока они там гавкались, подошел я, сел в машину и заблокировал двери. А машину с пассажирами эвакуировать нельзя! Ты знала?

Я помотала головой.

— Ну, значит, теперь будешь знать.

Может, это была и неплохая история, но я не хотела ее слушать. Мне не нравилось узнавать

о папе всякие хорошие вещи и понимать, что он не всегда был таким противным.

Я боялась, что он начнет мне нравиться, а потом выкинет какой-нибудь трюк (а рано или поздно он обязательно что-нибудь такое отмочит), и это будет как удар под дых.

Дома папа попросил меня об одолжении.

— Каком одолжении? — спросила я. Мне казалось невероятным, что ему от меня что-то нужно.

— Я бы хотел, чтобы ты написала письмо своей бабушке в Бейрут.

— Зачем?

— Потому что она тебя очень любит.

— Да мы же с ней даже незнакомы.

— Это не имеет значения, — отрезал папа. — Она твоя бабушка.

Потом он дал мне бумагу, которую называл “восковкой” — очень тонкая, при любом прикосновении она начинала трещать. Я устроилась за столом в гостиной, а папа уселся рядом.

— “Дорогая бабушка!” — продиктовал он, и я записала. Я не ожидала, что он продиктует мне текст всего письма, и обрадовалась.

— “Я очень по тебе скучаю”, — сказал папа и сделал паузу, чтобы я успела записать. Потом он продолжил: — “Надеюсь, ты счастлива и хорошо себя чувствуешь. Теперь я живу с папой, в Хьюстоне. У нас очень красивый дом”.

Потом мне пришлось написать, что мне очень жаль, что письмо на английском, но что я беру уроки и скоро смогу отвечать ей на фран-

глава вторая

цузском. В конце письма папа велел написать, что он помолвлен с очень славной девушкой из НАСА.

— Правда? — спросила я.

— Нет.

— А зачем тогда ей так говорить?

— Твоя бабушка не приемлет временных связей. Она будет рада, если узнает, что я собираюсь жениться.

— А если ты не женишься на ней?

— Откуда ты знаешь, может, и женюсь.

На это я не знала, что ответить.

— Вполне возможно, я и женюсь, — сказал папа. — Я очень нравлюсь этой девушке.

— Хорошо, — ответила я.

Мы вернулись к письму.

— А теперь напиши: “Люблю тебя, бабушка” — и поставь подпись.

После этого папа перечитал все письмо заново и сказал, что получилось просто замечательно.

— Твоей бабушке понравится, что ты так чисто все написала, — сказал он.

Потом он достал чистый лист бумаги и начал переводить письмо на арабский. Мне он сказал, что я могу идти, но я осталась посмотреть, как он пишет справа налево. Потом папа поинтересовался, не хочу ли я сама написать свое имя на арабском, и я согласилась. Я-то думала, что он напишет образец на черновике, а я скопирую, но, когда я взяла ручку, он обхватил мою ладонь

и стал аккуратно водить ею по бумаге. Конечно, он просто хотел мне помочь, но мне стало так противно, что рука у меня аж одеревенела. Так что, когда мы дописали, папа заявил, что бабушка теперь будет думать, что я идиотка.

Ночью в кровати я сжимала ноги, стараясь получить оргазм только от мыслей о девушке в карте для гольфа. Думала, не получится, но ошиблась. А во время оргазма я думала не о всяких неприятных вещах, а о мистере Вуозо. О его руке на моей талии, о том, как от него приятно пахло и как он отпустил меня домой, когда я захотела уйти. Я вспомнила, что он обозвал папу гребаным чуркой, но это было не важно — я-то все равно ему нравилась.

Следующий день в школе я вся была как на иголках. Представляла, как мы с мистером Вуозо останемся вечером наедине и он снова будет меня трогать. На уроке социологии, пока мистер Микой рассказывал, что когда-то штат Техас был отдельным государством, я сжимала и разжимала под партой ноги. Я старалась не шуметь, и никто даже не заметил, когда у меня случился оргазм. Во время оргазма я посмотрела на Роберта Серлинга — того самого, который приклеил мою прокладку себе на лоб. У него были светлые волнистые волосы, и я вдруг поняла, что он очень симпатичный.

Вечером, когда я пришла к Заку, он сказал, что журналы смотреть мы больше не будем.

глава вторая

- Папа запретил. Сказал, что уберет все в гараж.
- Так, может, пойдем в гараж? — спросила я.
Зак помотал головой.
- Папа сказал, что сразу увидит, были мы там или нет.
- Ну ладно, — нехотя согласилась я.
- Он сказал, ты должна сама понимать, — продолжил Зак.
- Да, должна.
- А я знаю, чем ты там занималась в кресле.
- Чем?
Зак рассмеялся:
- Да ладно, брось прикидываться.
- Ничем я таким не занималась.

Мы пошли играть в бадминтон. Зак впервые не стал швырять воланчик мне в грудь, так что мы даже доиграли партию. Мы уже думали заканчивать, когда случайно забросили воланчик во двор к соседям Зака. Хотели было перелезть через забор, но он оказался слишком высоким. Так что теперь придется ждать, пока соседи не вернутся из свадебного путешествия. Они вселились неделю назад и сразу же уехали в Париж. Я их не видела, а вот Зак уже успел с ними познакомиться. Он сообщил, что девушка довольно симпатичная, а ее муж — очень высокий.

Мы вернулись домой и сели смотреть телевизор. Я старалась вспомнить, чем же мы занимались до того, как обнаружили журналы, но

ничего не приходило в голову. Так что я понятия не имела, чем нам теперь заниматься. Попоже я поднялась наверх, чтобы стащить у миссис Вуозо очередной тампон, но их там осталось совсем мало, так что я не рискнула.

Спускаясь вниз, я краем глаза заметила кое-что в спальне родителей Зака. У ножки кровати стоял огромный зеленый вещмешок. Я зашла в комнату и опустилась на колени. Подождала чуть-чуть, убедилась, что ничего не слышно, и расстегнула молнию. В основном там лежала одежда — белые футболки, камуфляжные штаны, ботинки, кроссовки, шорты, ремни. Я засунула руку поглубже, чтобы посмотреть, не спрятано ли между слоями одежды чего-нибудь поинтереснее, и наткнулась на какую-то штуку, запечатанную то ли в пластик, то ли в целлофан. Сначала я подумала, что это конфета, но когда вытащила ее наружу, поняла, что ошибалась. Это были презервативы. Длинная полоска из упаковок. На них было написано “Дюрекс”. “Сверхчувственные и сверхтонкие, для большего наслаждения”. Я оторвала один пакетик, засунула в карман, а остальные убрала обратно. Внизу в гостиной я спросила у Зака, собирается ли его папа куда-то уезжать.

— С чего ты взяла? — спросил он.

— У вас там в спальне вещмешок стоит.

— Это на случай, если в Ираке начнется война, — объяснил Зак.

— А...

глава вторая

— Это может произойти в любой момент. Он должен быть готов.

— И скоро это случится?

— Понятия не имею, — пожал плечами Зак и повернулся обратно к телевизору.

А я села на диван, ощущая какое-то беспокойство. Я ясно поняла, что мистер Вуозо и вправду может умереть. Папа в последнее время постоянно трындел, что война вполне вероятна. Его эта идея приводила в восторг. Он говорил:

— Саддам — типичный задира. Нельзя вторгаться в чужую страну и надеяться, что тебе все сойдет с рук.

Когда вечером вернулся мистер Вуозо, я встала и улыбнулась ему.

— Здравствуйте, — пролепетала я.

Он в ответ не улыбнулся.

— Все в порядке?

Я кивнула.

— Ну и прекрасно, — сказал он и прошел на кухню.

Я не знала, как мне поступить — пойти за ним или сидеть на месте и ждать, когда он сам вернется.

— Ты можешь идти, — сообщил Зак.

— Заткнись, — огрызнулась я и сделала вид, будто смотрю телевизор. Когда через несколько минут стало понятно, что мистер Вуозо не выйдет, я пошла домой.

Дома я поняла, что расстроилась. Мне даже не хотелось испытать оргазм. Я пыталась придум-

мать повод, чтобы вернуться к Вуозо, ничего не придумала, но все равно потащила к ним. Мне открыл Зак.

— Тебе чего? — удивился он.

— Мне надо поговорить с твоим отцом.

— О чем это?

— Позови его.

Зак посмотрел на меня секунду, потом повернулся и заорал:

— Па-а-а-ап!

— Что? — закричал в ответ мистер Вуозо.

— С тобой тут Джасира хочет поговорить.

Он ничего не ответил, но через пару секунд появился перед дверью.

— Да? — спросил он, стоя позади Зака.

— Можно с вами поговорить, наедине?

Он помолчал, а потом сказал:

— Зак, почему бы тебе не подняться наверх и не заняться уроками?

И Зак ушел, хотя ему явно не хотелось.

— Так в чем дело? — спросил мистер Вуозо, держась за дверную ручку.

Я не знала, что ему ответить. Я-то думала, что он сам что-нибудь скажет (или сделает), как только мы останемся вдвоем.

— Ну, — проямлила наконец я, — я хотела вас поблагодарить. За то, что вы не сказали папе о вчерашнем.

— О вчерашнем? А что было вчера?

Я подняла глаза. Теперь он казался каким-то другим.

— Вчера, — повторила я. — В комнате для гостей.

— Вчера ничего не было, — сказал мистер Вуозо. — Тебе не о чем волноваться.

Я промолчала.

— Ну, это все? — поинтересовался он.

— Наверное.

— Ну и ладушки, — обрадовался он, — до завтра. Хорошего вечера.

После того как он закрыл дверь, я постояла еще немножко на крыльце. А потом пошла домой. Там я заперлась в ванной. Достала презерватив мистера Вуозо и спрятала его за “Кометом”, рядом с тампонами его жены. А потом усеялась на краю ванной и разрыдалась. Из школы я знала, для чего нужны презервативы, и знала, что когда мистера Вуозо призовут, его жена не сможет с ним отправиться. А это значило только одно — что он собирался любить других женщин. И я не понимала, почему этой женщиной не могу быть я.

На протяжении целой недели все происходило точно так же. Мистер Вуозо возвращался домой, спрашивал, все ли в порядке, и уходил на кухню. Я не знала, что мне делать. Думала, может, позвонить ему или написать письмо, но так и не придумала, о чем же мне с ним говорить. Может, он и прав. Может, ничего и не было.

В субботу папа решил приодеться, чтобы пойти на свидание, и мы отправились в торговый центр. В “Универмаге Фоули” продавец

предложил папе несколько спортивных пиджаков, и он их все перемерил. Папа поинтересовался, как они мне, и я ответила, что да, очень симпатичные, хотя на самом деле это были полные братья-близнецы тех, что уже висели у него в шкафу. В конце концов он выбрал один темно-синего цвета, а к нему голубой галстук в полосу. Я уж было обрадовалась, что мы наконец пойдем домой, но папа заявил, что мне тоже нужно кое-что прикупить.

— Нет, не нужно, — возразила я. В компании папы покупка белья выглядела еще менее привлекательно, чем покупка прокладок. Но папа был настроен решительно и заявил, что у меня уже грудь свисает, так что мне пришлось согласиться. Пока мы шли по торговому центру, я все думала, правда ли у меня грудь уже свисает. У меня все из головы не шло, что для того, чтобы это понять, папе надо было посмотреть на мою грудь.

В отделе женского белья он попросил продавщицу нам помочь. Не удержался подчеркнуть, что у меня грудь свисает, на что она заявила, что мне определенно нужно носить нижнее белье. Потом она взяла сантиметр и измерила меня. Прямо там, перед папой. Мне, конечно, не пришлось снимать майку, но зато она дотронулась рулеткой прямо до моих сосков.

— 70С, — сказала продавщица, а папа от удивления аж присвистнул.

Пока они выбирали мне лифчики, я села в розовое бархатное кресло у касс и стала думать

о маме. Когда мы в последний раз вместе ходили по магазинам, она пыталась купить мне бюстгальтер, но я не захотела. В них так неудобно.

— Тогда у тебя появятся растяжки, — заявила мама, но меня и это не убедило, так что вскоре она отказалась от мысли заставить меня носить нижнее белье. Мы пошли купить хот-догов, и она сказала, что когда-нибудь я сделаю какого-нибудь мужчину очень счастливым.

— Правда? — спросила я, а она кивнула и добавила:

— Даже с растяжками.

Потом через пару месяцев она встретила Барри. Наверное, он не был тем мужчиной, о котором она мне говорила.

Скоро вернулись папа с продавщицей, они несли целую кучу лифчиков. Продавщица отвела меня в примерочную и сказала, чтобы я нажала маленькую красную кнопку, если мне понадобится ее помощь. Я разделась и примерила самый красивый из лифчиков — серебристо-серый, с крошечным бантиком посередине. Я не знала, подходит он мне или нет, так что нажала кнопку. Когда я открыла дверь примерочной, то обнаружила за ней папу. Сразу же прикрыла руками грудь, но он велел их убрать, чтобы ему было видно.

— А где продавщица? — спросила я, а он ответил, что она слишком занята.

Руки я от груди так и не отняла, и папа прикрикнул, чтобы я прекратила дурить, ведь лифчик ничем не отличается от купальника.

Меня прямо тошнило от взгляда на папу, который внимательно меня разглядывал. Тошнило, когда он застегивал лифчик потуже и подтягивал лямки. Я не понимала, почему он так интересуется моим телом, ведь оно ему даже не нравится. Было бы логичней, если бы он держался от всего этого подальше. Я-то думала, на обнаженное тело смотрят только те, кому это и вправду нравится.

В конце концов папа купил мне семь новых лифчиков, по одному на каждый день недели. Продащица сказала, что не всякий отец уделит время, чтобы позаботиться об удобстве своей дочери, и он очень этому обрадовался. Она дала ему дисконтную карту магазина, чтобы мы опять делали покупки у них, и папа сказал, что мы обязательно придем в следующем году.

Как только мы вернулись домой, папа велел примерить мне один из лифчиков и показать ему. Я думала, он хочет, чтобы я показалась ему без майки, как в магазине, но когда я вышла в таком виде, папа дал мне пощечину и заорал, что я ненормальная. Я разрыдалась и убежала к себе в комнату. Через некоторое время я услышала стук в дверь.

— Что это с тобой такое? — поинтересовался папа.

— Ничего.

— Ну и прекрасно. Потому что я все еще жду, когда ты померишь один из лифчиков.

Когда я вышла к нему, уже в майке, он заявил:

глава вторая

— Ну, так гораздо лучше.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Папа кивнул.

— И запомни, что никогда нельзя появляться на людях, если ты не одета.

— Ладно, — сказала я и пошла к себе в комнату отрывать ярлыки от лифчиков. Мне все еще было довольно неудобно в бюстгальтере, но грудь он поддерживает здорово, это надо признать. Каждый раз, когда я смотрела на себя в зеркало, встроенное в дверцу шкафа, я удивлялась, какая высокая у меня стала грудь. И такая острая. Когда я посмотрела на себя в профиль, то пришла прямо в восторг — грудь очень красиво приподнимала майку.

Часов в семь вечера папа позвал меня к себе в гостиную. Он вырядился в новый пиджак с галстуком и надел белоснежную рубашку.

— Ну, как я выгляжу? — поинтересовался он.

— Очень мило, — ответила я.

— Как думаешь, Тэне понравится?

— Да.

— Ну, будем на это надеяться.

После того как папа уехал, я пошла и разогрела себе в микроволновке ужин из полуфабрикатов. И съела его за столом для завтраков, а не за “правильным” обеденным в столовой. Потом вымыла посуду. Когда позже я позвонила домой, чтобы рассказать маме, что я стала носить бюстгальтеры, к телефону подошел Барри.

— Это Джасира, — сказала я. — Можно маму к телефону?

Я старалась, чтобы мой голос звучал как можно холоднее, чтобы, не дай бог, ничего не случилось.

— Джасира, — промолвил Барри. У него голос был совсем не холодный, а скорее счастливый. — Как ты поживаешь?

— Мама дома? — спросила я.

— Нет, ее нету.

— А где она?

— Ушла плавать. Она тут стала фанаткой фитнеса.

— О, — удивилась я. Странно, что мама сама мне об этом не говорила.

— Ты не передашь, что я звонила, когда она вернется?

— Конечно. У тебя все в порядке?

Меня это уже начинало злить. Как он умудряется быть таким милым, когда я изо всех сил стараюсь вести себя как можно недружелюбнее. Правда, он тоже умеет таким быть.

— Джасира? — подал голос Барри.

— Что?

— У тебя все в порядке?

— Нет, — ответила я.

— Что-то случилось? — спросил он.

— Нет.

— Ты же сказала, что что-то не так.

— Хватит задавать вопросы, — разозлилась я. — Это нечестно.

— Разве?

— Да.

глава вторая

Он вздохнул:

— Ладно. Больше никаких вопросов.

— Спасибо, — сказала я.

Потом мы оба молчали, и я уж было обрадовалась, что он повесил трубку, но он сказал:

— Скажи тогда, что мне можно говорить.

— Ничего.

Он рассмеялся:

— Как же мы тогда будем разговаривать?

— Никак.

Он опять вздохнул и сказал:

— Ну ладно.

— Я буду задавать тебе вопросы, — заявила я.

— Давай. Приступай.

— Как дела?

— Прекрасно, — ответил Барри. — Особенно теперь.

— Не добавляй ничего от себя. Просто отвечай на вопросы.

— Извини.

— Вы с мамой собираетесь расстаться?

— Не знаю, — сказал он.

— Почему нет?

— Потому что мы стараемся, чтобы этого не произошло.

Я хотела сказать, что для него лучше бы разойтись с моей мамой. Что она не очень хороший человек и, если ее кто-нибудь разозлит, злиться она будет всю жизнь. Вместо этого я сказала:

— А я сегодня купила несколько лифчиков.

— Да ну? — сказал Барри.

— Ага. Раньше у меня был 70В, а теперь уже 70С.

— Ого.

— На размер выросли.

Он замолчал на минуту, а потом сказал:

— Лучше я пойду.

— Нет, не надо, — возразила я, но он уже повесил трубку.

Немного позже раздался звонок. Звонила мама.

— Барри сказал, ты звонила.

— Да. Как поплавала?

— Ты что, рассказывала ему про свои лифчики?

Я не поверила своим ушам. Он опять меня подставил.

— Разве ты ничему не научилась? — спросила мама.

— Я просто хотела, чтобы ты знала, что я уже ношу бюстгальтер. Чтобы поддерживать грудь.

— Нет, — заявила мама. — Ты хотела, чтобы об этом узнал Барри.

Я промолчала. Она была права.

— Джасира, не надо никому рассказывать про свои груди, это никому не интересно. Ты поняла? Никто не хочет слушать про твои груди, и про твои лобковые волосы, и про месячные тоже. Это твое личное дело. Может, когда ты научишься себя сдерживать, у нас с тобой будет о чем поговорить.

— Ладно, — сказала я.

— Ты все поняла? — спросила мама.

глава вторая

- Да.
- Отлично.
- Ты хочешь повесить трубку?
- Почему обязательно повесить? — сказала она. — Если у тебя есть о чем поговорить, не считая твоего тела.
- Есть, — ответила я.
- Прекрасно, — обрадовалась мама. — Так о чем?
- У папы сегодня свидание.
- Правда? А как она выглядит?
- Не знаю.
- Слушай, — заявила мама, — когда увидишь ее, рассмотри хорошенько — потом мне расскажешь.
- Ладно.
- Что-нибудь еще?

Я старалась припомнить еще что-нибудь, но так и не смогла, так что пришлось сказать нет.

- Ну и хорошо, тогда я пойду и смою, наконец, хлорку с волос.

Я положила трубку и пошла в туалет пописать. А потом прошла к себе и вытащила всю свою одежду. Я открыла дверцу шкафа и стала смотреть на себя в зеркало. Когда я представляла, что меня в таком виде застанет папа или мама, мне делалось плохо, а когда я думала о Барри или мистере Вуозо, мне становилось лучше. Потом я опустила на пол, раздвинула ноги и постаралась внимательно себя рассмотреть. Там все было розовое, волосатое и мокрое, просто урод-

ство. Я уже начала было вставать, когда решила взглянуть на себя еще разок. И теперь я понравилась себе гораздо больше. Из “Плейбоя” я вычитала, что там есть такое место, из-за которого всегда бывает оргазм, но не знала, где оно именно. Я начала трогать себя в разных местах, чтобы обнаружить эту точку, потом стала себя тереть. Когда начался оргазм, я посмотрела на себя в зеркало и подумала, что у меня там все довольно симпатичное, но когда приятное ощущение прошло, я передумала.

В постель я легла еще до папиного приезда. На следующее утро, когда я спустилась завтракать, на кухне вместе с папой обнаружила какую-то незнакомую женщину. Они держали чашки с кофе и разговаривали, а у женщины было ужасно нелепое выражение лица — как будто она считала папу интересным или симпатичным.

— Доброе утро! — воскликнул папа, увидев меня.

— Доброе утро, — ответила я и встала, смутившись, посреди кухни. Я не знала, надо ли мне вернуться к себе или можно остаться.

— Доброе утро, — поздоровалась женщина, повернувшись ко мне. Совсем миниатюрная, и с темной кожей, как у меня и папы. У нее были огромные карие глаза с большими веками, и когда она моргала, тени для глаз красиво переливались. Я одного не понимала — как это она

так спокойно сидит тут с голыми ногами в папиной рубашке и даже не боится, что он даст ей пощечину.

— Джасира, — сказал папа, — познакомься, это Тэна Панос.

— Привет, — ответила я и подошла чуть поближе.

Тэна протянула мне руку, все еще теплую от чашки с кофе, и я ее пожала.

— Я очень рада с тобой познакомиться, Джасира. Твой отец постоянно о тебе рассказывает.

— Правда? — спросила я, слегка смущенная.

Тэна кивнула.

— Ты — очень важная часть его жизни.

— Да-а? — протянула я.

— Это был комплимент, — намекнул папа.

— Спасибо, — сказала я.

— Не за что.

На плите стояла сковорода с оладьями, и папа усадил нас с Тэной за стол, а сам начал за нами ухаживать. Оладьи были папиным фирменным блюдом. Он сам готовил тесто, а потом обжаривал их в масле, чтобы получалась хрустящая корочка. Тэна попробовала первую оладью и провозгласила:

— О, Рифат! Теперь я твоя навеки.

— Весь секрет в разрыхлителе. Надо не жалеть разрыхлителя, — заявил папа.

— Не хочу знать никаких секретов, — отмахнулась Тэна. — Хочу, чтобы ты готовил мне оладьи.

Он рассмеялся и сказал:

— Ну, это всегда пожалуйста.

Когда тесто закончилось, папа взял тарелку с оладьями и подсел к нам. Он начал рассказывать всякие забавные истории про НАСА, наверняка выдуманные, потому что вообще-то он там всех ненавидел. Потом похвалил меня, рассказал, какая из меня чудесная няня.

— Ты бы видела, как ее любит этот малыш, сын соседей.

Тэна улыбнулась:

— Не сомневаюсь.

— Ну, он не очень-то меня любит, — возразила я. На самом деле Зак меня ненавидел. Не знаю, с чего папа взял, что я ему нравлюсь.

— Ну конечно же, он от тебя в восторге, — категорически заявил папа. — Вы с ним постоянно играете в бадминтон.

— А как его зовут? — поинтересовалась Тэна.

— Зак, — ответила я.

— У него папаша — резервист, — сказал папа, скорчив многозначительную мину.

— Вау, — отреагировала Тэна.

Папа кивнул:

— Он узнал, что я из Ливана, так теперь думает, что я фанат Саддама.

— Как типично, — сказала Тэна.

— Я позволил Джасире у него работать только из-за того, что она копит деньги на колледж, — продолжил папа. — Иначе ни за что бы ее к нему не подпустил.

глава вторая

— И много уже накопилось? — спросила у меня Тэна.

— Не знаю, — призналась я.

Она рассмеялась:

— Не знаешь?

— Папа сам кладет деньги в банк.

— Понятно, — протянула она. Потом взглянула на папу и спросила: — Так сколько у нее там денег, Рифат?

Папа подумал с минуту, потом ответил:

— Что-то около двухсот долларов, кажется.

— Ого, — удивилась Тэна. — Неплохо для начала.

— Спасибо.

— А кем ты хочешь стать? — поинтересовалась она.

— Я не знаю.

— Ты могла бы стать моделью, — предложила она.

— Только попробуй, — сказал папа.

— Что это значит, “только попробуй”? — удивилась Тэна. — Модели зарабатывают кучу денег.

— Она пойдет учиться в колледж, — заявил папа, — и заработает кучу денег, став инженером.

— А она хочет быть инженером? — спросила Тэна.

Папа пожал плечами:

— У нее неплохо с математикой и точными науками.

Тэна повернулась ко мне и сказала:

— Не учись на инженера, Джасира. Это так скучно. Стань моделью, заработай кучу денег, а потом потрать их на путешествия.

— Хорошо, — согласилась я.

— Хватит забивать ей голову всякой чушью, — заявил папа.

— Мы просто разговариваем, — сказала Тэна. А потом она протянула руку и погладила папу по щеке, после чего он, кажется, забыл вообще обо всем на свете.

Позже, когда она встала, чтобы поставить тарелку в раковину, я заметила, как папа пялится на ее ноги. Она извинилась и пошла в ванную, а он все смотрел, как она идет. Потом повернулся ко мне и сказал:

— Правда, хорошенькая?

— Правда, — согласилась я.

— Постарайся не выглядеть такой несчастной, ладно? — попросил папа, относя тарелку в раковину. — Никто не выйдет замуж за мужчину с несчастным ребенком.

— Я не несчастная, — возразила я.

— Тогда почему ты не улыбаешься?

— Не знаю.

Я хотела было помочь ему загрузить посуду в машину, но он прогнал меня и сказал:

— Не надо, ты только всем настроение портишь.

Я пошла к себе и закрыла дверь. Но скоро пришел папа и начал стучать в дверь.

— Вернись обратно, — прошептал он.

глава вторая

— Зачем?

— Она хочет тебя накрасить.

— Накрасить?

Он кивнул.

— Все никак не утомонится, говорит про этих дурацких моделей.

Я согласилась и пошла за ним в столовую. Тэна уже надела юбку и блузку и разложила на столе всякую косметику. Она усадила меня в кресло рядом с окном, а папе велела уйти и ждать, пока его не позовут.

— Может, я останусь? — попросил он, но она не разрешила, сказав, что так эффект будет сильнее.

Как только папа ушел, она начала надо мной трудиться. Рассказывала все, что она со мной делает и как она это делает.

— Начнем с увлажнения, — заявила она, легонько касаясь руками моего лица. — А теперь нанесем основу. Запомни, никогда не наноси основу прямо на кожу. Сначала надо заполнить поры кремом.

Я согласно кивала, хотя не очень-то вслушивалась в ее советы. Вместо этого я смотрела в окно, где миссис Вуозо и Зак выходили из дома, собираясь в церковь. Он намочил волосы и зачесал их на одну сторону, а она вырядилась в голубое платье с воротничком. Я заметила, что у нее совсем плоская грудь, и задумалась, не потому ли мистер Вуозо так хотел потрогать мою.

Через пару минут после их отъезда во двор вышел мистер Вуозо с лопатой и начал копать. Наверное, на эти выходные его в армию не вызвали.

— Закрой глаза, — велела Тэна. Я послушно прикрыла веки, а она начала меня пудрить.

— Всегда наноси пудру после тональной основы, — сказала Тэна, — чтобы закрепить ее.

Я опять кивнула. Мне ужасно хотелось открыть глаза, но она мне запретила, потому что как раз начала красить мне веки.

— Светлые тени на уголок, а темные — по краю, — учила она меня, нежно дотрагиваясь пальцами до век. Ее прикосновения мне очень нравились, и я сразу вспомнила Барри, когда он меня брил. У меня даже мурашки пошли по затылку, и я перестала расстраиваться из-за того, что не вижу мистера Вуозо.

Под конец она наредила мне ресницы и губы. Потом протянула маленькое зеркальце и спросила:

— Ну, что скажешь?

Сначала я ничего не сказала. Я так странно выглядела. Кожа стала глаже, глаза больше, щеки порозовели, а губы выглядели так, словно я только что съела что-то красное и влажное и забыла вытереть рот. Вроде та же я, но лучше.

— Мне нравится, — наконец вымолвила я.

Она кивнула:

— Мне тоже.

Потом она повернулась в сторону кухни и крикнула:

— Ну все, Рифат, можешь смотреть!

— Что это, черт побери, он делает? — спросил папа, как только вошел в комнату.

Тэна проследила за папиным взглядом, устремленным в окно, и сказала:

— Ну, Рифат, как тебе Джасира?

— Что? — встрепенулся папа.

— Правда, красавица?

Он посмотрел на меня секунду и сказал:

— Да. Очень мило.

— Из нее и правда выйдет модель, — продолжала Тэна.

— Это он, — сказал папа Тэне, кивая в сторону окна, — тот самый резервист.

Тэна выглянула в окно.

— А, — промолвила она.

— Роемся у себя на заднем дворе, наверное, нефть ищет, — сказал папа, и они с Тэной рассмеялись.

— Можно, я пойду? — спросила я. Мне не нравилось, что они смеются над мистером Вуозо.

Папа обернулся:

— А ты Тэне спасибо сказала?

— Спасибо, — поблагодарила я Тэну.

— Не за что. Косметика — мой конек.

Вернувшись к себе в комнату, я открыла шкаф и уставилась на свое отражение в зеркале. Внезапно оказалось, что теперь, когда рядом не стояла Тэна, повторявшая, какая я красивая, я уже не

казалась себе такой уж привлекательной. У меня в голове только вертелись папины слова, когда он сказал: “Как мило”, хотя совсем так не думал. Не знаю, почему я поверила ему, а не ей, но так уж вышло.

Раздался стук в дверь, и папа, просунув голову в проем, сказал:

— Я отвезу Тэну домой, а ты иди и смой эту краску с лица.

— Хорошо.

Он взглянул, как я рассматриваю в зеркале свое отражение, и добавил:

— Никакой моделью ты не будешь.

— Знаю, — ответила я.

Я пошла в ванную и пустила воду, но макияж смывать не стала. А потом, когда убедилась, что папа уехал, пошла к соседям. Мистер Вуозо все еще копался в саду, так что я постояла немножко и понаблюдала за ним. Мне нравилось, как перекачиваются под кожей его мускулы, когда он занят тяжелой работой. Целую секунду я видела каждый дюйм его мышц, а потом раз, и все, они снова скрывались из виду.

— Что вы делаете? — спросила я наконец.

— Копаю, — ответил мистер Вуозо.

— Нефть ищете?

Он рассмеялся:

— Нет, хочу флаг поставить.

— А-а...

Через пару минут он решил передохнуть.

— А ты изменилась, — заметил он.

глава вторая

— Накрасилась.

— Папа разрешает тебе краситься?

— Нет, — сказала я, — это все его девушка.

— Так вот кто это был.

Я кивнула.

— Он повез ее домой.

Мистер Вуозо промолчал. Только вытер пот со лба рукой и снова начал копать. Я уж думала пойти домой смывать макияж, но тут он сказал:

— Джасира?

— Что?

— А сколько тебе лет?

— Тринадцать.

— А когда исполнится четырнадцать?

— В июне, — ответила я. — А вам сколько?

— Тридцать шесть, — признался он. —

Я намного старше тебя.

— Да.

— Но с макияжем ты выглядишь гораздо взрослее.

— Правда?

Он кивнул.

— Примерно лет на шестнадцать.

Я не очень поняла, комплимент это или нет, так что не стала его благодарить. Вместо этого я сказала:

— А я скучаю по вашим журналам.

Он помолчал секунду, а потом спросил:

— Почему?

— Потому что мне было хорошо, когда я их смотрела.

алисия эриан как на ладони

Он опять промолчал.

— У меня из-за них были оргазмы, — продолжила я.

И снова он ничего не сказал. Только копал и копал. Потом я пошла домой. смыла всю косметику с лица, вытерлась полотенцем и поменяла трусики, потому что старые после разговора с мистером Вуозо все промокли. Как только я застегнула молнию, раздался звонок в дверь. Когда я ее открыла, там никого не было. Зато на коврике внизу лежал бумажный пакет. Когда я его вскрыла, то нашла внутри номер “Плейбоя”.

глава третья

Когда папа обнаружил, что мистер Вуозо установил у себя во дворе флаг, то сделал то же самое. Пристроил его точно в том же месте перед домом, что и Вуозо, и приделал прожектор, который на ночь включал.

— Если хочешь, чтобы флаг развевался всегда, приходится ставить прожектор, — заявил он мне. — А иначе придется на рассвете поднимать, а на закате опускать.

Именно так поступал мистер Вуозо, и это сводило папу с ума.

— Что он хочет этим сказать? — бушевал папа, выглядывая из окна столовой. — Что он больший патриот, чем я? Чепуха. Когда флаг висит круглые сутки, это гораздо более патриотично!

Я-то знала, что папа вовсе никакой не патриот. Что ему хочется досадить мистеру Вуозо, проучить его. Но мне было все равно. Я радовалась, что у нас есть флаг. Впервые мы хоть в чем-то

стали похожи на нормальных американцев. Сделали хоть что-то, что делают все. Когда потом я встретила мистера Вуозо и он поинтересовался, что пытается доказать мой папа, я соврала, что ничего не знаю.

Прошло уже почти две недели с тех пор, как он принес мне “Плейбой”, и мы ни разу так об этом и не заговорили.

— Спасибо за журнал, — прошептала я на следующий день, уходя домой после работы, а он посмотрел на меня и спросил:

— Какой журнал?

Но я не обиделась. Что-то у него в голосе было такое, что я сразу поняла — это такая игра, в которой свои правила.

Он отдал мне номер с девушкой в гольф-карте, и я все думала, совпадение это или он запомнил, что я читала, когда он поймал нас с Заком. В любом случае, я была рада снова ее увидеть. Ее удивительную улыбку. Я так хотела походить на нее. Стоять напротив фотографа и не стесняясь показывать ему свою грудь.

Я часто листала журнал. Ложилась спать пораньше, чтобы раньше проснуться и почитать. Даже если я просыпалась среди ночи, сразу хваталась за него. И чем чаще я его смотрела, тем реже мне приходилось сжимать ноги. Теперь я ложилась на кровать, раздвигала ноги и трогала себя, глядя на фотографии. Я касалась сосков, совсем как девушки в “Плейбое”, и из-за этого оргазм случался раньше. Казалось, между грудью и тем,

что между ног, есть особенная связь. Чтобы выяснить, насколько это эффективно, я попробовала получить оргазм только от прикосновений к груди, и у меня получилось.

Я стала думать, что мое тело — самое прекрасное, что есть на свете. Даже лучше всех других тел на свете. Не из-за того, как оно выглядит, а из-за того, что оно умеет. Из-за всех этих местечек, на которых как будто есть кнопки, на которые я могу нажимать. Я хотела выявить все, на что я способна, хотела, чтобы мне стало так хорошо, как никогда еще не было.

В конце октября из Парижа наконец вернулись наши соседи-молодожены.

— Она жуть как растолстела за медовый месяц, — сообщил Зак.

Мы сидели у них на крыльце, наблюдая, как девушка выгружает из машины пакеты с покупками.

— Она не растолстела, — поправила его я, — она беременная.

— Правда?

Я кивнула.

— Ты разве не видишь разницы?

Он пожал плечами:

— Не особенно.

Мы подождали, пока она разберет сумки, а потом пошли и постучались к ней в дверь.

— Привет! — сказала я. — Меня зовут Джасира, а это Зак. Мы хотели бы забрать мячики с вашего двора.

— Какие еще мячики? — удивилась она, поедая миндаль из пластиковой коробки. Футболка на ней тесно обтягивала живот, а волосы были наполовину светлые, наполовину темные. Причем темные у корней, прямо корона из темных волос. У левого глаза толпилась куча крошечных родинок, из-за которых казалось, будто она недавно плакала.

— Мы случайно закинули к вам несколько мячиков, пока вас не было, — объяснил Зак, — и хотим их забрать.

— А, — поняла она, — так это вы о воланчиках.

— О чем? — удивился Зак.

— О воланчиках, — сказала девушка. — То, что ты называешь мячиками, на самом деле — воланчики.

— Неправда, — запротестовал Зак.

— Спорим? — предложила она.

Зак на минуту задумался.

— Нет, — отказался он.

— Мудрое решение, — похвалила его девушка, заходя в дом. — Проходите. Извините за беспорядок.

Повсюду стояли коробки и свернутые в рулоны ковры. Пол в доме соседки и ее мужа был дощатый, а не покрытый ковролином. Откуда-то раздавались звуки НПР, хотя радио нигде видно не было.

Соседка предложила нам угоститься миндалем, но мы отказались.

— В каком вы классе? — поинтересовалась она, и мы ей рассказали. Она хотела знать, нравится

глава третья

ли нам местная школа, и Зак сказал, что да. А я заявила, что дома школы гораздо лучше.

— Правда? А дома — это где? — живо отреагировала соседка.

— В Нью-Йорке, — ответила я.

— А где в Нью-Йорке? — спросила она, и впервые за все время, что я провела в Техасе, я призналась, что на самом деле я из Сиракьюса.

— Шутишь! — воскликнула она.

— Нет.

— У меня муж уехал в Сиракьюс.

— Эй, Джасира, пошли, — поторопил меня Зак. — Соберем мячики.

Мы вышли во двор и собрали воланчики. А когда вернулись, соседка сказала:

— Джасира. Какое необычное имя. Откуда ты?

Я на секунду замешкалась, а Зак тут же встрял:

— Да она же чурка.

— Извини? — не поняла девушка.

— У чурок такие имена, — объяснил Зак и залился смехом.

— Тебя кто этому слову научил? — спросила соседка.

Зак промолчал.

— Больше никогда не произноси его в моем доме, — сказала она и вышла из кухни, оставив нас одних. А мы через секунду развернулись и вернулись на крыльцо.

— Вот ведь стерва, — заявил Зак, как только мы ступили на тротуар.

- А мне она понравилась, — отреагировала я.
- Еще бы.
- И она права, — продолжила я, — ты не должен меня так называть.
- Как хочу, так и буду называть! Чурка!

Потом мы пошли и еще немного поиграли в бадминтон, и я специально забросила несколько воланчиков во двор к соседке, чтобы завтра снова к ней зайти.

Дома Зак достал словарь и начал его листать, ища слово “воланчик”.

- И что, это правда одно и то же? — спросила его я, и он кивнул.
- Ну вот видишь, она не пыталась тебя обмануть.
- Потом он стал искать слово “чурка”.
- Тут такого нет, — наконец сообщил он.
- Потому что это плохое слово, — объяснила ему я.
- Неужели? — не поверил он и, перевернув несколько страниц, показал мне слова “макаронник” и “ниггер”. — Просто это новое слово, и его добавляют во все новые словари.

Потом Зак отправился смотреть телевизор, а я поднялась наверх. У меня возникли небольшие трудности с запасами тампонов на ноябрь. Дома оставалось всего три, а миссис Вуозо перестала класть их в баночку в туалете. Кажется, уже несколько недель там лежали все те же пять тампонов. Сегодня тоже ничего не изменилось. Я сначала хотела уйти с пустыми руками, но

потом передумала и спрятала один себе в карман. Меня совершенно не радовала перспектива снова пользоваться прокладками. От них ужасно пахло, и они все пачкали. Иногда мне казалось, что папа запретил мне пользоваться тампонами чисто из вредности. Чтобы я начала считать свое тело чем-то отвратительным.

Когда вернулся с работы мистер Вуозо, Зак тут же ему сообщил, что на него накричала тетка из соседнего дома.

— Это за что же? — поинтересовался мистер Вуозо.

Зак взглянул на меня, а потом приподнялся на цыпочки и что-то шепнул ему на ухо.

— Ладно. Мы об этом позже поговорим, — заявил мистер Вуозо, как только Зак замолчал.

Потом повернулся ко мне и спросил:

— А так все в порядке, Джасира?

Я кивнула.

— Ну и хорошо, — сказал он и ушел на кухню.

Потом я пошла домой, и, когда выходила со двора Вуозо, увидела мужа соседки, подъезжающего к гаражу. Он водил старый синий грузовик, и я сразу подумала, что на нем, должно быть, синие джинсы, но ошиблась. Одет он был в серый костюм, а в руках держал дипломат.

— Привет, — поздоровался он, и я кивнула в ответ.

Думала было спросить, как там Сиракьюс, но он уже ушел.

Когда вечером пришел папа, то принес письмо, адресованное мне. Письмо, все в иностранных марках, явно отправлял человек, который не знал, как правильно писать адрес. Город, штат и почтовый индекс были выписаны не в строчку, а столбиком. Я посмотрела на обратный адрес: письмо пришло от женщины, о которой я никогда раньше не слышала.

— А кто эта Натали Марун? — спросила я.

— Твоя бабушка, — ответил папа и велел вскрыть письмо.

Оказалось, что оно на французском. Я попросила папу прочесть мне его, но он отказался. Сказал, что надо отнести его в школу и попросить учительницу французского мне помочь. И чтобы к завтрашнему вечеру я показала ему перевод.

После ужина я уселась на диван, изучая бабушкино письмо. Она пользовалась такой же тонкой бумагой, как и папа, а почерк у нее был изящный и вытянутый.

“*Ma chère Jasira*”, — писала бабушка. Это значило “Моя дорогая Джасира”. Я перечитывала эти слова снова и снова, удивляясь, как же можно назвать дорогим человека, которого никогда не видел. Наверное, если бы я постаралась, то даже смогла бы прочесть письмо целиком, но мне не очень-то хотелось этим заниматься. Мне не хотелось слушать приятные слова от человека, которого я не знаю. Все равно они ничего для меня не значили.

На следующий день на уроке французского я отдала письмо мадам Мэдиган и попросила ее мне помочь. Она пришла в полнейший восторг, вышла из класса, а через пару минут вернулась со стопкой отскерокопированных листов. Потом разбила весь класс на пять групп, каждой из которых досталось на перевод по абзацу. Моя группа переводила кусок, в котором говорилось: “Надеюсь, однажды мы встретимся, и я смогу расцеловать тебя в щечки и сказать, как сильно я тебя люблю. Твоя ливанская семья для тебя очень важна. Пожалуйста, приезжай в Бейрут как можно скорее. Бабушка”.

К концу урока все одноклассники называли меня чуркой. А еще песчаной ниггершей и верблюжьей погонялой — я таких ругательств никогда раньше не слышала. Даже Томас Брэдли, сам черный, обзывал меня ниггершей.

Всю дорогу домой я чувствовала себя просто ужасно. В автобусе я села на заднее сиденье и сжимала ноги, думая о девушке в гольф-карте, и мне стало немного легче. Когда я пришла к Вуозо, то обнаружила на столе записку в заклеенном конверте от миссис Вуозо, адресованную мне. Я спросила у Зака, что это, но он заявил, что понятия не имеет. Тогда я вскрыла конверт и прочитала: “Дорогая Джасира, недавно я заметила, что у меня из туалета пропадают тампоны. Может, это ты их берешь? Если да, то я была бы рада, если бы ты так больше не делала. Они довольно дорогие, и я уверена, что твой отец

купит тебе их, если ты его попросишь. Спасибо. Миссис В.”.

— Чего там написано? — тут же заинтересовался Зак.

— Ничего, — ответила я, убирая записку в карман.

— У тебя неприятности?

— Нет.

— Тогда в чем дело?

— Пойдем к соседям, заберем воланчики, которые вчера к ним закинули.

— Зачем? — удивился он. — У нас же еще много осталось.

— Я пошла, — уведомила его я.

— А я не хочу, — ответил Зак.

— Ну и оставайся.

— Ты же должна за мной приглядывать, — возмутился он.

— А я думала, тебе нянька не нужна.

Он проигнорировал мою шпильку и сказал:

— Если хочешь идти к соседям, иди, но только платить тебе за это время не будут.

— Ничего, перебуюсь как-нибудь.

Он взглянул на часы:

— Вот прямо с этого момента тебе и не будут платить.

— Перебуюсь, — повторила я и ушла.

Я подошла к соседскому дому и постучала. Сначала никто не открывал, но чуть позже вышла она сама, в штанах от пижамы и футболке.

— Привет, — поздоровалась я. — Можно забрать воланчики?

— Конечно, — разрешила она. — Проходи.

Я проследовала за ней сквозь гостиную на кухню. Она как раз ставила на полку стойку для приправ, и я заметила, что у нее полно таких же специй, что и у папы: тмин, кориандр, куркума, кардамон, пажитник.

— А где твой друг? — поинтересовалась девушка.

— Зак?

Она кивнула.

— Остался дома.

— Ужасно невоспитанный ребенок, — заявила она, качая головой.

— Да он не хотел. Ему же всего десять.

— Какая разница, сколько ему лет.

Девушка начала раскладывать приправы по алфавиту. Похоже, она была аккуратисткой, как и мой папа. Хотя и одевалась немножко неряшливо. Чуть погодя я вышла во двор и собрала воланчики. Вернувшись, я все пыталась придумать, о чем бы с ней поговорить, чтобы не возвращаться к Вуозо.

— А как вас зовут? — наконец решила я.

— Мелина.

Я кивнула.

— А у вас нету тампонов?

Она рассмеялась.

— Тампонов? Зачем, интересно, они мне?

Я не очень поняла, что она имела в виду. А она вдруг остановилась и посмотрела на меня.

— Когда беременеешь, месячные прекращаются, — объяснила она. — Вся кровь остается внутри и окружает ребенка, чтобы ему было удобно.

— О-о...

— А что? Тебе нужен тампон?

— Не прямо сейчас, — сказала я, — но скоро понадобится.

— А почему родители тебе не купят?

— Ну, у меня же только папа, — протянула я. — Я же с ним живу.

— И что, ты не можешь его попросить?

— Нет, — замотала я головой.

— Почему?

— Мне нельзя ими пользоваться, — разъяснила я, — во всяком случае, пока не выйду замуж.

— Ничего себе! — удивилась Мелина. — Никогда о таком не слышала.

— Такое правило у папы.

— А откуда он? — поинтересовалась она.

— Из Ливана, — ответила я, и впервые мне было не стыдно об этом говорить.

— Ого, — повторила она. — А как же флаг?

— А что?

— Ну, вы ведь рядом с Вуозо живете, правильно?

Я кивнула.

— Так почему у вас американский флаг висит?

— Папа ненавидит Саддама, — сказала я.

Она уставилась на меня, явно не понимая, в чем дело.

— Мистер Вуозо думает, что папа любит Сад-
дама, — попыталась объяснить я, — а это не так.
Поэтому он и установил флаг. Чтобы доказать
это.

— А почему твоего папу волнует, что о нем
думает этот Вуозо?

Я задумалась на секунду, а потом призналась,
что не знаю.

— Он жуткая свинья, — заявила Мелина.

— Кто? — не поняла я.

— Да этот Вуозо. Читает “Плейбой”.

— Правда? — Внезапно я поняла, что об этом
лучше не распространяться.

Мелина кивнула.

— Нам сегодня случайно его почту доставили.

— А вы отдали ему журналы?

— Еще чего! — возмутилась она. — Я их выбро-
сила.

— Вы выбросили его “Плейбой”?

— А что, не надо было?

На это я промолчала.

— Я буду выбрасывать все, что захочу.

Тут я и правда расстроилась. Не потому, что
Мелина выбросила “Плейбой”, а потому, что
она явно считала его чем-то плохим. А я бы
не хотела, чтобы она так думала. Мне хотелось,
чтобы ей нравились такие журналы так же, как
и мне, чтобы мы одинаково думали обо всем на
свете.

— Ну ладно, — наконец сказала я. — Пожалуй,
мне пора.

— Иди, конечно.

— Извините за воланчики, — сказала я.

— Да ничего страшного.

До Вуозо было идти всего ничего, но я не стала срезать дорогу и прошла через переднюю дверь. Как только я вошла в дом, Зак тут же спросил:

— Ты что там делала так долго?

— Меня не было всего десять минут.

— Неправда, пятнадцать. А это значит, ты потеряла пятнадцать центов.

— Плевать, — отмахнулась я.

Мне было все равно. Больше всего мне хотелось думать о Мелине. И о том, как забавно торчал ее пупок, просвечивая сквозь футболку.

Когда домой пришел мистер Вуозо, Зак попытался было наябедничать, что я ушла и оставила его одного, но не вышло.

— Ты что, не в состоянии на пятнадцать минут остаться один? — спросил отец, и Зак ответил, что, конечно, в состоянии.

Тогда мистер Вуозо заявил, что не видит, в чем тут проблема. Потом, когда он ушел на кухню, Зак показал мне средний палец и прошептал, что я гребаная чурка, а я прошипела в ответ, чтобы он больше никогда меня так не называл.

Тем же вечером папа попросил меня перевести письмо. Когда я закончила читать, он похвалил меня, сказав, что я отлично справилась, и поинтересовался, много ли мне помогала мадам Мэдиган. Я собралась рассказать ему, как

меня обзывали в школе, но не решалась повторить вслух все те ругательства. Почему-то я была уверена, что папа воспримет их на свой счет.

На следующий день, играя в бадминтон с Заком, я закинула четыре воланчика за забор к Мелине.

— Ну ты и корова! — закричал Зак.

— Извини, — ответила я, — сейчас принесу.

— Нет! — завопил он, но я уже ушла.

— Воланчики? — спросила Мелина, открыв дверь, и я кивнула.

Из неряшливого пучка волос у нее торчали карандаши.

Впустив меня, она первым делом поинтересовалась, ровно ли, по моему мнению, она повесила картину в гостиной, и я подтвердила, что да, ровно. На рисунке красовался дом песчаного цвета, примостившийся на обрыве скалы.

— Что это за дом? — поинтересовалась я.

— Там раньше жил Гил.

— Это Сиракьюс? — спросила я, хотя на Сиракьюс это совершенно не походило.

Она рассмеялась.

— Нет, это в Йемене.

Я попыталась припомнить, где же находится этот Йемен.

— Он там жил, когда работал в Корпусе мира, — объяснила Мелина.

— И чем он занимался?

— Много чем, — пожала плечами она. — В основном канализацией.

- О, — промолвила я.
- Туалетами, — уточнила она.
Я кивнула.
- Сядь на корточки, — вдруг сказала она.
- Что?
- Согни ноги и присядь.
Я села, но она велела присесть еще больше.
Я попробовала еще.
- Опустись еще ниже. Так низко, как сможешь, но чтобы попа пола не касалась.
Наконец, когда я опустилась почти на пол, она сказала:
- Вот так там и ходят в туалет. Там нет нормальных туалетов. Просто дырка в полу, над которой они сидят.
- Серьезно? — ответила я, поднимаясь на ноги.
Бедра болели ужасно.
- Она кивнула.
- А представляешь, каково это делать беременной женщине?
- Нет.
- Вот и я тоже не представляю, — сказала она, поглаживая себя по животу.
- Ну, я, наверное, пойду заберу воланчики.
- О, конечно. Иди.
Я прошла сквозь кухню и вышла на задний двор. Мне не очень-то нравилось стоять и смотреть, как Мелина трогает свой живот, и о ее беременности мне говорить тоже не хотелось, хотя я и не понимала почему. Это, наверное, не очень-то хорошо с моей стороны, но так уж вышло.

Зак уже вернулся домой, когда я пришла. Он сидел в гостиной и таращился в телик, пытаюсь углядеть голых женщин по Эйч-би-о. У его родителей не было подписки на этот канал, но иногда сквозь мелькание полос на миг прорывалась расплывчатая картинка.

— Ты больше не хочешь играть в бадминтон? — спросила я.

Он помотал головой, не отрывая глаз от экрана.

— Почему?

— Потому что ты специально закидываешь мячики к этой тетке, чтобы потом идти и с ней трепаться.

— Неправда, — возразила я.

— Я с тобой больше никогда не буду играть в бадминтон, — заявил Зак и ушел к себе в комнату.

Я выключила телевизор и подошла к книжному шкафу, где отыскиала энциклопедию с картой на последней странице. Я нашла, где находится Йемен, — прямо под Саудовской Аравией.

Вечером за ужином я спросила папу:

— А ты знаешь соседей, которые въехали в дом рядом с Вуозо?

— Знаю ли я их? Нет, я их не знаю.

У него такая привычка. Понимает ведь, о чем его спрашивают, — так нет, ответит точно на заданный вопрос.

— Ты знаешь, что в дом рядом с Вуозо въехали новые жильцы? — вздохнув, уточнила я.

— Да, — на этот раз ответил он. — Знаю. Женщине стоило бы прикрывать живот, когда она выходит из дома. Никому не нравится смотреть на ее пузо.

— Кстати, — сообщила я, — ее муж раньше жил в Йемене.

Папа вгрызся в хрящик от куриной ножки, обсосал его и спросил:

— А ты откуда знаешь?

— Мне Мелина сказала, — ответила я. — Ну, его жена.

— Взрослых нельзя называть просто по имени, — выговорил мне папа.

— Она сама разрешила.

— Меня это не волнует. Выясни ее фамилию и называй миссис такая-то.

После ужина папа взял кое-что из одежды и уехал с ночевкой к Тэне. После того свидания они стали часто видаться, но к нам домой папа ее больше не привозил. Сказал, что его бесит, как она суетится вокруг меня со своим макияжем.

— Ты привлекаешь все ее внимание, — сказал он. — Не знаю, как тебе это удастся, но это факт.

А потом добавил, что ему ее внимание тоже нужно и что я уже взрослая и пару ночей вполне могу провести в одиночестве.

Меня это вполне устраивало. Даже понравилось. Я разгуливала по дому, не думая, а не делаю ли я что-нибудь не так. Мастурбировала в спальне с открытой дверью. Читала "Плейбой"

в гостиной на диване. Именно этим я и занималась, когда в девять часов вечера раздался звонок в дверь. Это был мистер Вуозо, в белой футболке и джинсах. От него приятно пахло пивом.

— Эй, — воскликнул он, — а твой папаша дома?

— Нет, — ответила я.

— У него прожектор на флаге погас. Может, передашь ему?

— Он только завтра вернется, — сообщила я.

— Завтра?

Я кивнула.

— Он уехал к своей девушке.

— А ты не слишком маленькая, чтобы оставаться ночью одной?

— Не думаю.

Он взглянул на меня.

— А ты не боишься?

Я помотала головой.

Мы помолчали. Потом он спросил:

— А что это ты там читаешь?

— Где? — растерялась я.

Он кивнул в сторону дивана, и я оглянулась.

— Да так, — выдавила я, стараясь не нарушать правила нашей игры, — ничего.

— Ничего, да? — улыбнулся он.

Я не знала, что ему на это ответить, так что тоже улыбнулась.

— Я не знал, какой из них тебе отнести, так что схватил первый попавшийся.

— Мой любимый, — сказала я.

- Правда? А почему?
- Мне нравится девушка в гольф-карте.
- Девушка в гольф-карте? — пробормотал он, словно пытаюсь что-то вспомнить.
- У нее рубашка расстегнута, а она этого не замечает, — напомнила ему я.
- Ах, вот оно что, — сказал он.
Я кивнула.
- И что тебе в ней нравится? То, что она этого не замечает?
- Да, — ответила я. Я была так счастлива, что наконец могу с кем-то это обсудить. Говорить о вещах, в которых только он меня понимал.
- Ну ладно, — промолвил он, — не забудь рассказать папе про прожектор.
- А вы не хотите зайти? — спросила я.
- Нет, мне домой пора.
- А-а...
- Если что случится, звони, — предложил он.
- Хорошо, — пообещала я, лихорадочно пытаюсь придумать, как же его задержать.
- Спокойной ночи, — попрощался он, но так и остался стоять на месте.
- Спокойной ночи, — откликнулась я.

Он протянул руку и легонько сжал мое плечо. А потом передвинул руку чуть ниже, провел по моей груди, развернулся и ушел.

Как только он ушел, я вернулась на диван и стала гладить свою грудь, думая о нем. Когда оргазм закончился, я вспомнила, что Мелина назвала его свиньей, и подумала, что она не права.

Разве может человек, из-за которого мне так хорошо, быть плохим? Мне нравилась Мелина, и, похоже, она ужасно умная, но, наверное, чего-то она просто не понимает. В общем, я верила, что все, что приводит меня к оргазму, — хорошо. Я думала, что мое тело лучше знает, что хорошо, а что плохо.

На следующий день в столовой ко мне подсел Томас Брэдли.

— Ничего, если я к тебе присоединюсь? — поинтересовался он.

Я кивнула, и он уселся рядом. Подстрижен он был почти налысо, а его карие глаза были гораздо светлее кожи.

Мы ели молча, пока наконец он не сказал:

— Извини, что обзывался тогда. Не знаю, зачем я это делал.

— Да ладно.

— Ничего не “ладно”.

Я не знала, как на это реагировать, так что продолжала есть равиоли. Когда прозвенел звонок, Томас предложил отнести мой поднос, и я разрешила.

Всю мою посуду: и тарелку, и вилку с ножом, и пакет из-под молока — он взгромоздил на свой поднос и прикрыл сверху моим.

— Я сейчас, — предупредил он, и я так поняла, что мне надо его дожидаться.

— Ну, все, — сказал он, вернувшись, и мы вместе пошли к его шкафчику.

Он спросил, можно ли ему проводить меня до моего шкафчика, а я зачем-то соврала и сказала, что уже ходила. А вообще это было приятно — делать все это не одной, а с кем-то.

На уроке социологии, когда мне стало скучно, я попробовала кончить, думая о Томасе, но у меня ничего не вышло. Все было совсем не так, как когда я думала о мистере Вуозо или о том, как меня фотографируют для журнала. Так что я сдалась и стала думать о них. Мне подумалось, что это очень удобно — по оргазму можно проверять, кого я по-настоящему люблю.

Вечером у Вуозо я проверила тампоны в туалете, так, на всякий случай, если вдруг миссис Вуозо отчаялась меня изловить. Но нет. Там все еще лежало четыре штуки. Я спустилась к Заку и сообщила, что мне на минутку нужно зайти к соседям.

— Не смей! — завопил Зак, выключая звук на телевизоре. — У нас еще полно воланчиков.

— Да я не за тем, — успокоила его я. — Мне надо узнать фамилию Мелины.

— Зачем это?

— Потому что мне нельзя ее больше называть просто Мелиной. Папа запретил.

Зак промолчал.

— Я сейчас вернусь, — пообещала я. — Ладно?

Он отвернулся и опять включил звук.

— Я ненадолго. Мне только нужно кое-что спросить, — выпалила я, как только Мелина открыла дверь.

глава третья

— Давай, — сказала она, проходя в дом.

Я прошла за ней в гостиную, где она как раз расставляла книги в высоком деревянном шкафу. Я заметила на некоторых из них арабскую вязь.

— Мне надо знать, какая у вас фамилия, — сказала я.

— Пожалуйста, Хайнс. А зачем тебе?

— Просто мне больше нельзя вас называть просто Мелиной.

— Да что ты?

Я кивнула.

— Папино правило.

— Ого, — удивилась она. — У него, похоже, много правил.

— Угу.

— Ну, тогда называй меня Мелиной, когда его нет поблизости.

— Ладно, — согласилась я.

— Ну и отлично.

— Мелина? — произнесла я.

— Что?

— Если я дам тебе деньги, которые я заработала, ты сможешь купить мне тампоны?

Она помолчала секунду.

— Ну, я даже не знаю, Джасира.

— Почему нет?

— Мне не очень хочется идти против воли твоего отца.

— Но ты же только что разрешила называть тебя Мелиной, когда его нет рядом.

— Ох, боже ты мой, — вздохнула она.

— Я не понимаю, почему мне нельзя пользоваться тампонами. Они мне отлично подходят.

— А со своей мамой ты это обсудить не можешь? — поинтересовалась Мелина.

— Нет, — покачала я головой.

— Почему?

— Потому что она велит мне во всем слушаться папу.

— Она тоже из Ливана?

— Нет. Она ирландка.

— Ого, — опять сказала Мелина, — ну и коктейль.

Мне не понравилось, что разговор у нас перешел с тампонов на мою национальность, так что я сказала, что мне пора.

— Уверена?

— Да, мне нельзя оставлять Зака одного.

— Мне очень жаль, Джасира. Я хотела бы тебе помочь. Правда. Но я уверена, что ты что-нибудь придумаешь.

— Спасибо, — поблагодарила я и ушла.

Я очень разозлилась на нее, как будто она меня обманула. Она ведь заявляла, что папины правила — бред, а на самом деле, выходит, так не думала. Она, как и все остальные, считает, что я должна его слушаться.

Когда я вошла в гостиную Вуозо, Зак заявил:

— Давно не виделись, чурка.

— Хватит меня так называть, — попросила я.

— Ладно, верблюжатница.

— Заткнись.

— Хорошо. Песчаная ниггерша.

После этих слов я подошла и ударила его по руке. Совсем не сильно, но он сделал вид, будто умирает от боли, и разрыдался.

— У тебя будут большие неприятности! — закричал он и убежал к себе в комнату, громко хлопнув дверью.

Я села за кухонный стол и стала дожидаться возвращения мистера Вуозо. Я понимала, что Зак прав и у меня будут проблемы. Если бы я стукнула Зака в выходные, когда мы играли, это было бы совсем другое дело. Детишки поцапались, только и всего.

Когда около шести пришел мистер Вуозо, я вышла в гостиную его встретить.

— А где Зак?

— Наверху.

— Все в порядке?

— Да, — сказала я и быстро смоталась домой.

Я не знала, что мне делать. Попила воды, потом помыла и высушила стакан, а когда ставила его на полку, раздался звонок в дверь. Я открыла и увидела на крыльце мистера Вуозо. На нем все еще был его голубой рабочий костюм.

— Ты била моего сына? — спросил он.

Я помолчала секунду, а потом призналась:

— Да.

Он зашел в дом и закрыл за собой дверь.

— И какая из тебя теперь нянька? — спросил он, стоя перед дверью.

— Не знаю, — призналась я.

алисия эриан как на ладони

- От тебя каждый день какие-то проблемы.
- Извините.
- Ты что, не знаешь, что маленьких детей бить нельзя?
- Знаю.
- Нет, — возразил он, — видимо, не знаешь.
Я промолчала.
- Так знаешь?
- Нет.
- И верни мой журнал, — потребовал он.
- Что?
- Иди и принеси мой журнал, — повторил он. — Верни мне его.

Я не шевельнулась. Мне не хотелось отдавать ему журнал.

- Где он?
- В моей комнате.
- Иди и принеси, — велел он. — Живо.

Я не сдвинулась с места, поэтому он сделал шаг вперед. Протянув руки, он схватил меня за плечи и развернул в сторону лестницы.

- Иди и принеси этот гребаный журнал, — сказал он.

Я попыталась пошевелиться, но он меня не пускал. Вместо этого он провел ладонями по моим плечам и положил их ниже, прямо на мою грудь. Потом начал их мять. Я еще раз попробовала вырваться, но, чем сильнее я старалась, тем крепче он меня держал.

Потом его руки спустились еще ниже, в мои джинсы.

— Я пойду и принесу журнал, — пообещала я, но он меня не слушал.

Он протиснул руку в мои трусики и сдвинул их вбок.

— Не надо! — попросила я, боясь, что сейчас он дотронется до моих лобковых волос и поймет, какая я уродина. Но он ничего такого не сказал. Только гладил меня все ниже и ниже. Потом стал тереть, и сначала было довольно неприятно, но потом он нашел одну из моих волшебных точек, и мне стало хорошо. Я немножко намокла, так что его пальцы свободно заскользили по мне.

Я подумала, что в этом нет ничего плохого, если он меня просто потрогает так немного, но он вдруг прекратил гладить. Вместо этого он начал тыкать в меня пальцы, будто что-то искал. Я почувствовала, как он проталкивает их внутрь меня. Сначала было не очень больно, но потом он, кажется, засунул туда больше чем один палец.

— Не надо, — попыталась высвободиться я, но он крепко прижимал мои руки к своим, — мне больно.

Он все не останавливался. Это было ужасно. У меня заболело там, где всегда было так хорошо. Мне казалось, что он ломает во мне что-то и что там все никогда не будет так, как прежде. Я заплакала, и только тогда он остановился. Вытащил руку из моих штанов и увидел, что она вся в крови. Я сначала подумала, что у меня месячные начались, но потом поняла, что это не так.

— О господи! — пробормотал он, глядя на свою руку. — О боже.

Он прошел в кухню, и я услышала, как шумит вода. Когда он вернулся, то сказал:

— Я не хотел этого делать. Правда.

Я уже почти перестала плакать, но он, кажется, так жалел о случившемся, что я разрыдалась снова.

— Мне надо идти, — сказал он. — Мне надо домой, к Заку.

— Нет, — попросила я. — Я не хочу, чтобы вы уходили.

Но он уже держался за дверную ручку.

— Я не хотел этого делать, — повторил он и ушел.

Я еще немного постояла и поплакала. Потом пошла в ванную и сняла штаны. Трусики все пропитались кровью, а немного попало даже на джинсы. На животе тоже была кровь, там, где мистер Вуозо задел рукой, когда вытаскивал ее из штанов. Я сняла оставшуюся одежду и залезла под душ. Потом надела чистое белье и подложила супервпитывающую прокладку. Я решила поскорей постирать одежду в раковине, пока папа не вернулся. Джинсы отмылись довольно легко, а вот на трусиках все равно осталось коричневое пятно, как я их ни оттирала. В конце концов я их завернула в туалетную бумагу и выбросила в мусор.

Потом я спустилась в гостиную и стала дожидаться папу. Как ни странно, мне хотелось с ним увидеться. Мне нужна была хоть какая-то компа-

ния, а папа подходил лучше всех, ведь он терпеть не мог мистера Вуозо.

Я и сама хотела бы, чтобы мне не нравился мистер Вуозо, но это было нереально. Особенно когда я вспоминала, как ужасно он жалел о том, что случилось. Мне от этой мысли становилось хорошо. Наверное, это совсем не плохо, когда кто-то делает с тобой что-то плохое, если потом в этом раскаивается.

Первое, что сделал папа, вернувшись домой, так это наорал на меня за то, что я не включила прожектор. Я рассказала ему, что заходил мистер Вуозо, и он заявил:

— Ты, должно быть, шутишь.

— Нет.

— Ну надо же! — пробурчал папа, ослабляя галстук. — Наверняка приперся сюда, чтобы доказать, что он самый умный.

Я кивнула.

— Ты ведь не сказала ему, что меня ночью не будет? — спросил папа.

— Нет, — соврала я.

— Хорошо, потому что это не его собачье дело.

Я легонько вздохнула, и папа тут же на меня взглянул.

— Что это с тобой?

— Ничего.

— Ты какая-то расстроенная.

— Неправда.

— У тебя в школе неприятности?

— Нет.

— Ты ведь не думаешь, что каждый раз, когда ты выглядишь расстроенной, все будут по сто раз переспрашивать, в чем дело?

— Нет.

— Потому что никто не будет так делать.

— Я знаю.

— Ну, я сдаюсь, — сказал он и ушел готовить ужин.

А я отправилась в ванную проверить прокладку. Крови было совсем немного, но мне все равно было плохо. Я побоялась вытираться бумагой после того, как пописала, так что я решила подождать, пока все высохнет. Через какое-то время раздался стук в дверь.

— У тебя все в порядке? — спросил папа.

— Да, — ответила я, застегивая джинсы.

Дверь, конечно, была закрыта, но я все равно боялась, что он как-нибудь зайдет внутрь.

— У тебя что, месячные? В этом все дело?

— Да, — помедлив секунду, ответила я.

— Ты приняла обезболивающее?

— Нет.

— Так прими, — велел он. — И нечего расслаиваться тут и страдать.

— Хорошо.

После ужина мне стало немного полегче. Конечно, таблетка подействовала, но к тому же папа после ночевки у Тэны был в хорошем настроении. Он рассказал, какую еду она приготовила. Запеканку “муссакка” — восхитительную — и пахлаву — несъедобную.

— Я, конечно, сказал, что у нее отличная пахлава, но она вместо меда добавляет сироп. Это ее главная ошибка.

Потом он предупредил меня, что она может на днях позвонить и пригласить меня пройтись вместе по магазинам и что мне придется отказаться.

— Скажи, что тебе много задали, ну или еще чего.

— Хорошо, — согласилась я, хотя мне очень хотелось бы с ней пойти.

— Пусть ищет друзей своего возраста, — сказал папа.

Позже папа разрешил мне поваляться на диване, пока он будет мыть посуду. Потом он пришел и начал читать газету. Вдруг раздался звонок в дверь. Я поднялась, чтобы открыть, но папа велел мне остаться на месте, сложил газету и пошел к двери. За ней оказались миссис Вуозо и Зак.

— О-о, — промолвил папа. — Приветствую.

Я приподнялась с дивана, пытаясь высмотреть, пришел с ними мистер Вуозо или нет.

— Здравствуйте, Рифа-ат, — сказала миссис Вуозо. Папино имя она произносила с долгим “а”, хотя тянуть “а” совсем не надо. — Не уделите нам минутку?

— Разумеется, — согласился папа и отодвинулся, чтобы они могли пройти.

Тогда-то я и увидела, что мистера Вуозо среди них нет. Зак на меня старался не смотреть, а вот

миссис Вуозо плялилась что есть сил, и глаза у нее были цвета стали, совсем как волосы.

— Итак, — начала миссис Вуозо, как только они прошли в гостиную. — Мы пришли, чтобы отдать Джасире ее последний чек. Боюсь, больше мы не позволим ей сидеть с Заком.

— Что, он может уже сам за собой приглядывать? — удивился папа.

— Нет, — ответила миссис Вуозо. — То есть да. То есть мы найдем ему другую няньку.

— Она меня ударила, — сообщил Зак папе.

— Кто тебя ударил? — уставился на него папа.

— Джасира, — ответил Зак.

Папа повернулся ко мне и спросил:

— Ты мне объяснишь, что тут происходит, или нет?

Я встала, но прежде чем успела вымолвить хоть слово, Зак встрял:

— Она очень больно ударила меня по руке.

— Это правда? — поинтересовался папа.

Я кивнула.

Он помолчал секунду.

— А почему ты это сделала?

— Знаете, — протянула миссис Вуозо, — я не думаю, что могут быть хоть какие-то оправдания подобным действиям.

Папа, не обращая на нее внимания, продолжал смотреть на меня.

— Ты это в игре сделала? — спросил он.

Я помотала головой.

— Да она просто так меня ударила! — заявил Зак.

— Понимаете, мне кажется, что Джасира — очень несчастная девочка, — продолжила миссис Вуозо. — Знаете, мне неприятно вам это говорить, но это не первая неприятность, которая у нас из-за нее случается.

— Что вы имеете в виду? — спросил папа.

— Он назвал меня чуркой, — поспешила я встать, опасаясь, как бы миссис Вуозо не начала рассказывать про тампоны.

Папа посмотрел на меня.

— Как-как?

— Чуркой.

— Чуркой? — переспросил папа, потом повернулся к миссис Вуозо и сказал: — Вы в курсе, что ваш сын называл мою дочь чуркой?

Тогда уже миссис Вуозо начала смотреть на Зака так, будто не понимала, о чем это говорит мой папа.

— А еще верблюжатницей, — добавила я.

Папа снова повернулся ко мне.

— И песчаной ниггершей, — уточнила я.

— Ничего себе, — засмеялся папа.

— Не думаю, что тут есть над чем смеяться, — заявила миссис Вуозо. — Зак, конечно, не должен был так говорить, и я за него извиняюсь, но насилие — это насилие, и мне правда кажется, что Джасира очень несчастна.

— Так где чек? — спросил папа.

— Что-что? — растерялась миссис Вуозо.

— Вы сказали, что принесли Джасире ее зарплату, — объяснил папа. — Так где она?

— О, — промолвила миссис Вуозо и после секундной заминки полезла в кошелек. — Вот, пожалуйста.

Папа взял чек, изучил и передал мне.

— Тут столько, сколько надо?

Я взглянула мельком на чек и подтвердила, хоть из-за волнения даже не видела, что там написано.

— Ну, тогда все в порядке, — подытожил папа. — Думаю, на этом мы и расправляемся.

— Нет, вы не понимаете, — возразила миссис Вуозо. — Как это — расправляемся?

— Спасибо, что зашли, — сказал папа, подошел и распахнул входную дверь.

— Ну, как знаете, — помедлив, сказала миссис Вуозо, и они с Заком ушли.

Я думала, что папа ударит меня, как только они скроются из виду. Мне казалось, что он просто хочет казаться милым перед Заком и его мамашей. Но он меня и пальцем не тронул.

— Так что она имела в виду, когда говорила, что ты им уже доставляла неприятности? — поинтересовался он.

— Не знаю я.

— Так что ты сделала? — настаивал он.

— Ничего.

— Наверняка что-то было.

— Ну, один раз я оставила Зака дома одного, когда ходила к Мелине забирать воланчики, — наконец сказала я.

Папа взглянул на меня.

глава третья

— Ну, к миссис Хайнс.

Он кивнул.

— И это все?

— Да.

— Ерунда какая.

Потом папа прошел во двор и спустил наш флаг, чтобы нас не заподозрили в непатриотичности.

— Угадай, чей флаг до сих пор висит? — спросил он, когда вернулся.

— Чей?

— А ты как думаешь?

Я прошла в столовую и, отодвинув штору, увидела, что флаг мистера Вуозо уныло висит в неподвижном воздухе. Я вспомнила, как он вел себя со мной тогда вечером. Очень непатриотично.

— Наверное, надо бы пойти сказать ему о флаге, — подумав, сказал папа, но с места так и не сдвинулся. Вместо этого он свернул наш флаг и убрал его в шкаф, уселся в кресло и снова развернул газету. А я вытянулась на диване и, наверное, уснула, потому что когда открыла глаза, то увидела папу, насвистывающего свою противную песенку, которой он меня обычно будил. Как ни странно, лицо его не внушало мне такого отвращения, как обычно.

глава четвертая

Кровотечение остановилось на следующий день. А через пару дней ушла и грусть. Я проверила, могу ли я все еще испытывать оргазмы, убедилась, что да, и успокоилась. Я обрадовалась, что у меня там все в порядке, но оргазмов мне больше не хотелось. Они уже не приносили мне такой радости.

Начались месячные, и тампоны теперь входили гораздо легче, чем раньше. Правда, оставалось их совсем мало, так что скоро они должны были кончиться. У меня как-то возникла мысль попросить мистера Вуозо купить мне тампонов — может, он и согласился бы, учитывая то, как он со мной поступил. Но, когда однажды я смотрела из окна столовой, как он спускал флаг, я передумала. Он совсем не выглядел таким уж расстроенным.

Новой нянькой Зака стала Мелина. Теперь они играли на заднем дворе в бадминтон, совсем

как мы когда-то. Она не очень-то много бегала, из-за ребенка, наверное. Просто стояла, пока Зак пулял в нее воланчиками. Иногда попадал в живот, и тогда она начинала на него кричать. Я хотела было рассказать ей о том, что со мной сделал мистер Вуозо, чтобы ей стало противно на него работать, но не смогла. Мне было слишком стыдно.

Теперь я с нетерпением ждала возвращения папы с работы. Когда он приходил, то начинал обзывать Вуозо. Говорил, что они поганые сукины дети и деревенщина, что мистера Вуозо скоро призовут, и Саддам отравит его газом, и что так ему и надо. Я поинтересовалась у папы, что происходит, когда тебя травят газом.

— Ты падаешь на землю, ослепленный, и ничего не чувствуешь. И ужасно хочется пить. Но вот только вся вода в округе тоже отравлена, так что, если выпьешь, станет еще хуже, — рассказал папа.

— А я думала, ты ненавидишь Саддама, — сказала я.

— Конечно, ненавижу, — согласился он. — Я просто излагаю тебе факты.

Я кивнула. Мне нравилось, что я сблизилась с папой. С тех пор как миссис Вуозо меня уволила, он все время пытался меня приободрить. Даже позвонил маме, чтобы рассказать, что случилось.

— А она взяла и ударила его, — говорил он ей в трубку. — Прямо по руке.

Потом, когда подошла моя очередь говорить с мамой, она сказала, что проблемы нельзя решать насилием и что сперва надо пытаться договориться.

— Хорошо, — согласилась я.

— Что она там сказала? — сразу спросил папа, стоявший тут же рядом.

— Что сначала нужно попытаться решить проблему мирным путем, — ответила я.

— Дай-ка ее мне, — потребовал он и взял у меня трубку.

Потом он начал ругаться, говоря, что она ирландка и ни черта не понимает. Когда он повесил трубку, мы отправились в пиццерию “У Панжо” и уселись за столик на террасе, хотя на дворе стоял ноябрь.

— Твоя мама приедет в Хьюстон на Рождество, — сообщил папа.

— Правда? — удивилась я. Эту часть разговора я не слышала.

Он кивнул.

— Она хочет пожить у нас, чтобы не платить за отель.

— Ну, хорошо, — сказала я, подумав, что папе нужно мое согласие.

— Что значит “хорошо”? — возмутился он. — Разве это твой дом?

— Нет.

— Вот именно, — сказал он, пытаясь разрезать ножом корочку пиццы. — Это мой дом, и я решаю, кого в него пускать, а кого нет.

глава четвертая

Я промолчала.

— Я сказал, что она может пожить в моем кабинете, хоть это и против моих принципов.

Я кивнула.

— С твоей матерью очень сложно, — добавил папа. — Она считает, что знает все на свете.

— И сколько она пробудет? — поинтересовалась я.

— Долго, — буркнул папа. — Неделью.

— Ого.

— Я сказал, что, если она будет выделяться, я выставлю ее вон.

Я не знала, какие чувства испытываю по поводу маминого приезда. Мы с июля не виделись, и я уже не так сильно по ней скучала. Меня беспокоило, что если она это заметит, то ужасно разозлится. Она и так уже бесилась из-за того, что я перестала ей без конца названивать.

— Что там у вас происходит? — кричала она в трубку, когда звонила сама. — Куда ты пропала?

Я отвечала, что ничего у нас не происходит, но она не верила. И правильно делала — вот только я не могла рассказать ей, что происходит на самом деле. Слишком уж необычными вещами я занималась.

Однажды я попробовала рассказать ей про Мелину, но ей это было неинтересно.

— Зачем мне выслушивать истории про беременную тетку, которая даже не может дойти до магазина и купить себе приличной одежды? — спросила она.

- У нее муж раньше жил в Йемене, — сообщила я.
- Ну и что?
- Я подумала, может, тебе интересно.
- Знаешь, — сказала мама, — мне интересна ты. Так что рассказывай лучше о себе. О школе, например.
- А чего о ней рассказывать?
- У тебя есть там друзья?
- Да.
- И кто?
- Томас Брэдли.
- Прекрасно, вот и расскажи мне о нем.
- Мы вместе обедаем, а потом он относит за меня поднос.
- Ты что, сама не в состоянии это сделать? — удивилась мама.
- В состоянии, но он всегда меня опережает.
- Ты еще слишком маленькая, чтобы у тебя был парень, — заявила она. — Не забывай об этом.
- Он не мой парень, — возразила я.
- Да ну? — не поверила мама.
- Правда.

Хотя, может, и мой. Ребята в школе постоянно нас из-за этого дразнили, но Томас, когда они начинали над ним издеваться, почему-то ни капли не злился. Иногда мне хотелось все всем объяснить, но я не решалась — боялась, что меня опять начнут обзывать. Обзываться мои одноклассники перестали, как только стали считать, что я — девушка Томаса. Не

глава четвертая

понимаю почему, ведь Томас не пользовался такой уж популярностью в школе. Правда, он был на голову выше других ребят и благодаря ему команда Молодежной христианской организации выиграла большинство соревнований по плаванию.

В начале декабря он пригласил меня к себе домой на ужин.

— Мои предки хотят с тобой познакомиться, — сказал он.

— Зачем?

— А ты как думаешь?

— Не знаю, — пожала я плечами.

— Ну, так ты придешь или нет?

— Мне надо спросить разрешения у папы.

— Ладно, — согласился Томас. — Только узнай до завтра, а то маме надо за едой ехать.

Вечером за ужином я спросила у папы, можно ли мне пойти в гости.

— Нет, — отрезал он. — Ты еще слишком маленькая.

— Но там же будут его родители, — попробовала переубедить его я.

— Меня это не волнует. Если хочешь ходить к друзьям в гости, дружи с девочками.

Назавтра я сообщила Томасу, что не смогу прийти.

— А давай, моя мама позвонит твоему папе? Может, она его переубедит?

— Не стоит, — покачала головой я.

— Почему?

— Папе это не понравится, — сказала я, хоть и не была в этом уверена.

Но мама Томаса все равно позвонила папе. Я об этом не знала до тех пор, пока папа не завопил: “Джасира!” Я была в ванной, стирала лифчики порошком для шерстяных вещей, который купил мне папа. Когда я пришла на кухню, папа меня ударил. Впервые с тех пор, как меня уволили, он себя так грубо повел, поэтому я тут же разрыдалась. Потом, когда я немного успокоилась, папа заговорил:

— Мне звонила миссис Брэдли. Ты знаешь, кто это?

Я кивнула, хоть лично я с ней знакома и не была.

— Она позвонила, чтобы убедить меня отпустить тебя к ней на ужин в эти выходные. Ты хоть понимаешь, в какое положение меня поставила?

Я кивнула еще раз.

— Когда я говорю “нет”, это значит “нет”. Это не значит “скажи своему другу, чтобы его мама позвонила и попробовала меня переубедить”.

— Но я сказала Томасу, чтобы он ее не просил, — встрепенулась я. — Я ему сказала, что тебе это не понравится.

— Как это так получается, что, когда ты говоришь “нет”, все вокруг воспринимают это как “да”? — поинтересовался папа.

— Не знаю, — призналась я.

— Зато я знаю. Потому что ты одинаково говоришь и “да” и “нет”. И никто не может

глава четвертая

понять, что ты на самом деле думаешь. Тебе надо учиться говорить с убеждением в голосе, понимаешь?

— Да, — ответила я, надеясь, что мой голос звучит достаточно убедительно.

— Так-то лучше, — кивнул папа.

— Извини, что миссис Брэдли тебе позвонила.

— Чтобы это было в последний раз, — пригрозил папа.

— Обещаю.

— И не смей заходить в комнату этого мальчика вместе с ним. Его маму я уже предупредил.

Я не знала, как мне на это реагировать. Я-то думала, что никуда не пойду.

— Сиди там, где все будут, — велел папа.

— Хорошо.

В субботу мы с папой поехали в торговый центр, чтобы купить миссис Брэдли коробку конфет “Годива”. Меня смущало, что придется дарить подарок совершенно незнакомому человеку, но папа заявил, что так делают все приглашенные на ужин гости. Потом мы купили ей еще и бутылку вина.

Вечером, когда я вышла из комнаты, папа взглянул на меня и сказал:

— У тебя что, кроме джинсов ничего нет?

Я помотала головой.

— Нельзя идти в гости на ужин в джинсах.

— А Томас носит джинсы.

— Мне наплевать, что носит Томас, — заявил папа и прошествовал в мою спальню. Когда я его

догнала, он уже держал в руках одну из моих юбок.

— Ты же сказала, у тебя кроме джинсов ничего нету?

Я посмотрела на него.

— А это что такое? — спросил он, потрясая юбкой.

— Юбка, — призналась я.

— Надень, — велел он.

— Не могу.

— Почему?

— Потому.

— Почему “потому”? — настаивал папа.

— Слушай, ну давай я лучше пойду в джинсах, — попросила я.

— Слушай, давай ты лучше пойдешь в юбке, — стоял на своем папа.

— Пап, — наконец решилась я. — У меня ноги слишком волосатые.

Он внимательно взглянул на мои ноги, хоть я и была в джинсах.

— Ладно, — сказал папа. — Подожди секунду.

Передал мне юбку и ушел. Через минуту он вернулся, держа в руках крем для бритья и свою новенькую бритву.

— Иди в ванную и опробуй ее, — велел он. — А потом надень юбку.

— Хорошо, — согласилась я.

— Давай побыстрее, — поторопил он меня.

Я поверить не могла, что наконец-то смогу побриться. Ноги я обработала очень быстро,

а потом поднялась выше, до того места, где начинается бикини. Папа об этом никогда не узнал бы, ведь бассейн на зиму закрыли.

— Сколько можно копаться? — закричал он из-за двери.

— Я стараюсь не порезаться! — завопила я в ответ.

К счастью, слив в ванной был крестообразный и широкий, так что я смогла смыть все волосы.

— Ну вот, теперь ты опоздаешь, — заявил папа, как только я вышла. — Какой смысл так прихорашиваться, если ты опоздаешь?

— Извини.

— Опаздывать — неприлично, — изрек папа, схватил ключи и пошел к задней двери.

По дороге в гости он сказал, чтобы я не смела говорить с набитым ртом, и велел хвалить еду, даже если она будет несъедобной.

— Ладно, — согласилась я.

— И не сиди там такая прибитая, — добавил он. — Улыбайся.

Я кивнула.

— Я не хочу снова выслушивать всякий бред про то, что ты несчастная маленькая девочка, понятно?

— Да.

— Попробуй улыбнуться, — попросил папа, и я попробовала.

— Молодец, так держать, — обрадовался он.

Брэдли жили в двух кварталах от нас. Мы осматривали эти дома, когда переезжали. Хотя

они тут были посимпатичнее нашего, папа решил, что они не стоят таких денег.

— Они выложили за дом тысяч на двадцать больше меня, и что они получили? Еще одну спальню? Идиоты! — возмущался он, сворачивая на нужную нам улицу. Он остановился на подъездной дорожке, рассчитанной на две машины. Правда, сейчас там стояла только одна. Я вспомнила, что цвет кирпича, которым выложен фасад дома, называется “шампань”.

— Ну все, — сказал папа, затормозив. — Выметайся.

Он всегда так говорил, когда хотел быть милым, не используя приятных слов. Я вдруг почувствовала себя счастливой. Даже подумала было наклониться и поцеловать его на прощанье, но вовремя одумалась. Это бы все испортило.

— Спасибо, что подвез, — поблагодарила я.

— Позвони, когда соберешься домой, — велел он.

— Ладно, — сказала я, вытаскивая шоколад и вино.

— Не позже десяти, — напомнил он.

— Ладно, — повторила я и вылезла из машины. В этот момент дверь дома открылась, и вышел Томас.

— Привет, — поздоровался он, тоже принарядившийся по случаю в штаны-хаки и серую водолазку.

— Привет, — ответила я.

— Это твой папа? — спросил он, взглянув поверх моего плеча.

Я обернулась и увидела, что папа еще не уехал. Я ему помахала, но он не отреагировал. Он смотрел не на меня, а на Томаса.

— Может, он зайдет? — поинтересовался Томас.

— Нет, не стоит.

Через секунду папа завел машину и тронулся. Я помахала ему еще раз, но он снова меня проигнорировал.

— Хорошо выглядишь, — заметил Томас, когда я повернулась к нему.

— Спасибо.

— У тебя кровь на ноге.

Я взглянула вниз, чтобы убедиться, так ли это. Он был прав. На правой лодыжке виднелся небольшой порез, прямо над туфлей.

— Пошли, я дам тебе пластырь.

Я прошла за ним в дом и подождала в гостиной, пока он ходил за пластырем. В комнате у них стояли длинный бежевый диван с высокими сиденьями, прямо как в самолете, и наряженная елка. Мне понравилось, что они поставили ее около лестницы. Удобно, наверное, было наряжать самые верхние веточки.

Томас вернулся и присел на пол, заматывая мне ногу куском марли и приклеивая пластырь.

— Как это ты так порезалась? — спросил он.

— Я брилась, — ответила я, — и очень спешила.

— В следующий раз брейся помедленнее, — посоветовал он, вставая с пола.

Потом мы пошли на кухню знакомиться с его мамой. Она нас сначала не заметила из-за включенного блендера, но потом, когда Томас заорал во всю глотку «Мам!», обернулась.

Высокая и симпатичная, она носила такую же прическу, как Томас — короткое афро. Мне ужасно понравилось, что в левом ухе у нее два золотых гвоздика.

— Это Джасира, — представил меня Томас, и миссис Брэдли подошла пожать мне руку.

— Рада с тобой познакомиться, — сказала она. — Добро пожаловать в наш дом.

— Спасибо, — поблагодарила ее я и достала вино и конфеты. — А это вам.

— Как это мило с твоей стороны, — восхитилась она, принимая подарки.

— Это папа выбирал, — созналась я.

— Правда? — удивилась она и засмеялась. — Он же, кажется, сначала не хотел тебя отпускать?

Я кивнула.

— Он считает, что мне нужно дружить с девочками.

— А ты не дружишь? — спросила она.

— Не-а.

— Хм...

— Девочки у нас в школе — все, как одна, дуры, — пояснил Томас.

Потом повернулся ко мне и спросил, не хочу ли я посмотреть его комнату. Я взглянула на миссис Брэдли, думая, что она сейчас скажет

“нет”, но она промолчала. Вместо этого она сказала:

— Томас, раз уж вы идете наверх, загляни к отцу, пусть спустится и откроет вино.

Мистер Брэдли сидел в кабинете за компьютером.

— Пап, — позвал его Томас. — Это Джасира.

— Джасира! — воскликнул мистер Брэдли, вставая, чтобы пожать мне руку. — Рад с тобой познакомиться.

На нем были такие же штаны-хаки, как на Томасе, правда, он отличался упитанностью, так что ремень у него скрывался под животом.

— Я слышал, твой папа работает в НАСА, — сказал он.

Я кивнула.

— Как интересно! — продолжил он. — Хотел бы я с ним побеседовать. Я что-то вроде астронома-любителя.

— Я ему скажу.

— Джасира, пойдем, — позвал меня Томас. — Моя комната вон там.

— Томас, дверь не закрывай! — крикнул мистер Брэдли нам вслед.

— Ладно, — ответил Томас.

Кровать у Томаса была двуспальная, а не узкая, как у меня, с голубым лоскутным одеялом. Над столом висели наградные ленточки за успехи в плавании, а в углу стоял маленький телевизор. Стены покрывали постеры с разными группами, но я ни одну из них не знала.

Мои родители слушали в основном классическую музыку.

— Может, присядешь? — предложил Томас.

— Конечно, — согласилась я, устраиваясь на краю кровати.

— Смотри! — сказал он и схватил с пола гитару. Пристроив ее на плече, он начал играть. Правда, расслышать я почти ничего не смогла, потому что он играл без усилителя. Закончив, он поинтересовался, узнала ли я песню, и я призналась, что нет.

— Это же “Эй, Джо!” Джимми Хендрикса.

— А-а, — протянула я.

Потом он спросил, не хочу ли я попробовать поиграть, и я согласилась. Привстав с кровати, я позволила Томасу надеть на себя гитарный ремень. Меня немного смутило, что ремень передавил мне левую грудь, но Томас не обратил на это никакого внимания.

— Пальцы поставь вот так, — начал он расставлять за меня пальцы по струнам. Наконец, закончив, велел мне провести рукой по струнам.

— Узнаешь? — спросил он, и я помотала головой. — Это же Нил Янг!

— Сейчас, погоди, — сказал он, взял гитару в руки и сыграл ту же мелодию. — А так?

Я закивала, делая вид, будто узнаю песню.

Потом Томас доиграл, снял гитару, и мы сели на краешек кровати. Через минуту он откинулся назад, на спину, правда, ноги у него все равно касались пола. Я не знала, надо мне сидеть или

глава четвертая

можно лечь, как он. Наконец я тоже откинулась назад.

— А ты все бреешь? — спросил Томас.

— В смысле?

— Ну, ты лобковые волосы тоже сбрываешь?

— Да.

— Все? — уточнил он.

— Нет, только по бокам.

— Мне нравится, когда у девушек там все выбрито, — признался он.

Я промолчала.

— Может, тоже как-нибудь попробуешь так сделать.

— Может быть.

Мы повалялись еще пару минут, а потом миссис Брэдли позвала нас ужинать. В столовой она подала нам хумус, баба-гануш, кебаб из барашка, салат, питу, рис и табулех. Я сказала, что все очень вкусно, и не соврала, хотя обычно такую еду не ела. За столом мистер Брэдли задавал мне всякие вопросы про мою семью из Ливана, и меня очень нервировало, что ответить я ему не могу. Я не знала, когда умер мой дедушка или чем он занимался при жизни, даже имени своего дяди не могла назвать. Я пыталась перевести разговор на свою маму-ирландку, но эта страна мистера Брэдли не интересовала.

На десерт мы ели сливочное мороженое, которое сами украсили вишенками, орехами, ломтиками бананов, сиропом, конфетками “M&M’s”, взбитыми сливками и карамельной

крошкой. Когда мы приступили к мороженому, миссис Брэдли поинтересовалась, кем работает моя мама, и я ответила, что учительницей. Она кивнула.

— И ты предпочитаешь жить с папой?

— Нет, — ответила я. — Я хотела бы жить с мамой.

— О, — промолвила миссис Брэдли, и я заметила, как она через весь стол посмотрела на мистера Брэдли.

После десерта мы с Томасом пошли в гостиную слушать музыку, а его родители остались на кухне убираться. Я думала, что они присоединятся к нам, но они так и не пришли. Только мистер Брэдли просунул голову в дверь и сказал, что они пойдут вверх и чтобы мы убавили музыку.

Мы слушали Джимми Хендрикса, и Томас, стоя у камина, играл на воображаемой гитаре. Каждый раз, когда звучало соло, он делал такое лицо, будто ему больно. Потом он пришел, сел ко мне на диван и начал шлепать по бедрам, будто играл на барабанах. Когда в музыке вступали тарелки, он шлепал по моему бедру.

Началась медленная песня, Томас повернулся и начал гладить мою грудь сквозь рубашку. Затем просунул руку под нее и дотронулся до бюстгальтера. Он откуда-то знал, что надо ласкать соски, и я кончила. Я начала плакать, и он разволновался.

— Тебе было больно? — спросил он. — Я не хотел...

глава четвертая

— Нет, — ответила я.

— А что случилось?

— Ничего, — сказала я и скрестила перед собой руки.

Томас поднялся и вышел, а когда вернулся, в его руках был платок.

— Держи.

Я взяла платок и утерла слезы.

— Я точно тебе не сделал больно?

— Точно.

— Тогда почему ты плачешь?

— У меня был оргазм, — призналась я.

— Правда?

Я кивнула.

— Впервые?

— Нет.

— О-о, — разочарованно протянул он. — А когда раньше?

— Ну, сама с собой, — объяснила я.

— О-о, — повторил он.

— Но я больше не хочу.

— Почему?

— Просто не хочу, и все.

— Тебе не нравится?

— Нет.

— Я думал, всем нравится, — удивился Томас.

— А мне нет.

— Это плохо, — заключил он.

Я пожала плечами.

— А мне нравится.

Я промолчала.

— Я бы не против сейчас испытать оргазм, — продолжил он.

— Ну, можешь кончить, если хочешь, — сказала я.

— А ты будешь смотреть?

— Не знаю.

— Тебе не надо ничего делать, — сказал он. — Просто посиди со мной.

— А как же твои родители? — удивилась я.

— Они не спустятся.

— Почему ты так уверен?

— Они не любят Джимми Хендрикса.

Я задумалась на секунду.

— Просто посмотри, — сказал он, расстегивая штаны и высвобождая член.

Он обхватил его пальцами и начал двигать туда-сюда рукой.

— Я сейчас кончу, — скоро сообщил он и взял меня за руку, чтобы кончить в нее.

Он так тяжело дышал, что я подождала минутку, прежде чем спросить, что мне теперь делать.

— Иди вымой руку, если хочешь, — сказал он.

Я поднялась и пошла в ванную, стараясь ничего не расплескать. Прежде чем пустить воду, я понюхала сперму, а потом и попробовала ее кончиком языка. Из "Плейбоя" я знала, что мужчинам нравится, когда девушки пьют их сперму. Я думала, что она по вкусу будет похожа на мочу или клей, но оказалось, что это не так. Просто густая жидкость.

глава четвертая

Вымыв руки, я заглянула в шкаф под раковиной и нашла там коробку тампонов. Мне некуда было их спрятать, так что я просто взяла их и вышла из ванной.

— Можно, я возьму? — спросила я Томаса. Он все еще сидел на диване, но уже с застегнутыми штанами.

— Конечно, — пожал он плечами.

— А ты не принесешь их мне в школу в понедельник?

— А почему ты не хочешь забрать их прямо сегодня? — спросил он.

— Да понимаешь, — протянула я, — папа не разрешает мне ими пользоваться.

— Почему?

— Не знаю.

— Это потому, что ты девственница?

Я взглянула на Томаса.

— Ты что, не девственница?

— Я не знаю, — призналась я.

— Как это, ты не знаешь? — удивился он.

Я промолчала.

— Я могу определить, так это или нет, — предложил Томас.

— Нет, я не хочу.

— Ладно, — согласился он, — это не обязательно.

— Не говори своей маме про тампоны, — попросила я.

— Да ей на это наплевать.

— Все равно не говори ей, — повторила я, и он согласился.

Когда наступило девять, я еще не звонила папе, так что он позвонил сам и заявил маме Томаса, что он уже едет, так что я должна быть готова. Миссис Брэдли дала мне пакет с разными вкусностями с ужина и сказала:

— Передай папе: я надеюсь, что ему понравится, хоть это, конечно, не сравнится с тем, как готовят у него на родине.

Потом она обняла меня на прощанье, хоть мы и только познакомились.

Пока мы, стоя на крыльце, ждали папу, Томас стал меня целовать. Он приоткрыл губы и схватил ими мою губу. Пока мы целовались, он снова начал сжимать мою грудь и ласкать сосок. Я пыталась оттолкнуть его руку, но он ее крепко прижал. И впервые за весь вечер он мне действительно понравился.

Через несколько минут к дому подъехал папа.

— До понедельника, — попрощался Томас, наклоняясь и снова целуя меня, на этот раз в щеку.

— До встречи, — ответила я, забираясь в машину.

— Это тебе миссис Брэдли просила передать, — сказала я, показывая папе пакет.

Он кивнул и начал выезжать на дорогу. Мы отъехали, и я помахала Томасу, а он замахал мне в ответ. Когда их дом скрылся из виду, папа заговорил:

— Мне нужно с тобой кое-что обсудить.

— Хорошо, — ответила я.

глава четвертая

— Тебе больше нельзя встречаться с этим мальчиком.

— С Томасом? — уточнила я.

Он кивнул.

— Когда ты рассказывала мне про ужин, то не дала мне всей информации, и я не смог принять правильное решение.

Я не знала, как на это реагировать.

— Ты понимаешь, о какой информации я говорю? — спросил папа.

— Кажется, да, — сказала я, хотя, на мой взгляд, он нес полную бессмыслицу.

— Хорошо, — произнес папа, — потому что, если ты и дальше будешь ходить к нему в гости, тебя никто не будет уважать. Уж поверь мне.

По машине начал распространяться запах еды из пакета миссис Брэдли, и я глубоко вдохнула его.

— Ты меня слушаешь? — спросил папа.

— Да.

— Тогда так и скажи, — потребовал он.

— Я тебя слушаю.

— Вот и правильно.

Когда мы вернулись домой, папа сказал мне пока не идти спать, потому что со мной хотела поговорить мама. Набрав номер, он передал трубку мне.

— Джасира? — услышала я мамин голос.

— Да.

— Твой папа рассказал мне про твоего друга, Томаса. Ты должна слушаться папу и вести себя с ним так, как он говорит. Понимаешь?

- Нет, — призналась я.
- Чего ты не понимаешь?
- Мне нравится Томас, — сказала я.
- Это хорошо, — ответила мама, — я за тебя рада. Но домой к нему больше не ходи, потому что в будущем у тебя будут с этим неприятности.
- Что она говорит? — поинтересовался папа.
- Что у меня будут проблемы, если я буду ходить к Томасу, — ответила я.
- Все верно, — кивнул он.
- Скажи ему, пусть заткнется, — потребовала мама. — Передай, что сейчас я с тобой разговариваю.
- Ну хорошо, хорошо, — согласилась я. — Я тебя слушаю.

Она секунду помолчала, и я поняла, что она злится из-за того, что я не повторила папе ее слова насчет того, чтобы он заткнулся. А я злилась на нее, потому что, если бы я так сделала, папа бы мне врезал.

- Твой отец даже не черный, а меня все равно обзывали всякими словами, — наконец заговорила она.
- Какими, например?
- Например, подстилкой черномазого.

Я не очень поняла связи, тем более что в школе меня уже обзывали песчаной ниггершей. Наверное, это делало Томаса любовником черномазой. Хотя я не была уверена, что мы с ним вообще друг друга любим.

глава четвертая

— Ты что, хочешь, чтобы тебя так называли? — спросила меня мама.

— Не знаю.

— Поверь мне, ты этого не хочешь.

— А что мне сказать Томасу? — поинтересовалась я.

— О чем? — не поняла мама.

— О хождении к нему в гости.

— А он что, еще раз тебя пригласил?

— Нет.

— Ну, может, и не пригласит вовсе. Тогда и беспокоиться не о чем.

— Он пригласит, — сказала я.

— Да неужели? — засмеялась мама. — Какие мы самоуверенные, это что-то!

Я промолчала.

— Если он опять позовет тебя в гости, скажи, что ты не можешь прийти. Скажи, твои родители думают, что ты еще маленькая, чтобы ходить к мальчишкам в гости.

— Но он же поймет, что я вру, — возразила я.

— Ну, — протянула мама, — раньше надо было думать. В следующий раз будь добра заранее сообщать нам все подробности. Пусть это послужит тебе уроком.

— Ну, она все? — спросил у меня папа.

— Папа спрашивает: ты все? — повторила я.

— Вот как, значит! От него ты сообщения передаешь, а от меня нет? — возмутилась мама.

— Даю папу, — сказала я и протянула ему трубку. Они сразу начали ругаться и орать, что невежливо перебивать людей.

Я поднялась в ванную и села на приступку душевой кабины. Посмотрела вниз на лодыжку, увидела пластырь, который наклеил мне Томас, и поняла, что сегодняшний вечер прошел у меня не так уж плохо. Еще я поняла, что мои родители несли полный бред. Дружба с Томасом нисколько мне не повредила, даже наоборот — помогла. И даже если когда-нибудь в будущем у меня из-за этого возникнут неприятности, мне глубоко наплевать. Я все равно ни за что не повторю ему фигню, которую трындели мои родители. Ни за что на свете.

В понедельник за обедом Томас протянул мне пакет с тампонами.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Да не за что.

— Томас? — произнесла я.

— Чего?

— А у твоей мамы нет бритв?

— Зачем тебе?

— Ну, мне бритва тоже нужна, — призналась я.

— А папа тебе купить не может?

Я покачала головой.

— Но ты же тогда брилась.

— Это был особенный случай.

Он глотнул молока.

— Ладно, притащу тебе бритву, — сказал он, допив.

— Спасибо, — повторила я.

— А много ты собираешься сбрить?

- Еще не знаю.
- Обязательно сбрей все, — посоветовал он.
- Ладно, я подумаю.

Когда Томас отнес мой поднос, мы вместе пошли к его шкафчику, а потом к моему. По пути туда и обратно мы держались за руки, и я заметила, что многие вокруг нас пилились. В школе уже было несколько парочек, которые ходили держась за руки, но на них никто не обращал внимания, потому что они были белые.

Когда я пришла домой, заняться мне кроме домашнего задания и телевизора было нечем. Делая уроки по литературе, я услышала, как Мелина и Зак играют во дворе в бадминтон. Я встала, обулась и вышла на улицу, прошла через дорожку и встала в месте, где наш асфальт переходил в газон Вуозо. Скоро меня заметила Мелина.

- Джасира! — закричала она. — Иди к нам! Зак стоял ко мне спиной.
- Ни за что! — завопил он, обернувшись. — Мне с ней нельзя играть!

Но Мелина уже бросила ракетку и шла ко мне.

- Привет, незнакомка, — сказала она и взъерошила мне волосы.
- Мелина! — орал Зак, не сходя со своего места. — Вернись, нам надо доиграть!

Она не обращала на него внимания.

- Ну, что новенького? — поинтересовалась она.

- Да ничего, — пожала я плечами.
- Как в школе?
- Нормально, — ответила я. — У меня появился парень.
- Правда? — улыбнулась она. — Вот здорово.
- Спасибо.
- Мелина! — не унимался Зак.
- Наконец она обернулась к нему и сказала:
- Зак, я разговариваю с Джасирой, так что будь добр, замолкни на секунду. Понял?
- Зак ничего не ответил, так что она повернулась ко мне и закатила глаза.
- Миссис Вуозо меня уволила, — сообщила я.
- Я знаю, — кивнула Мелина. — Она ко мне приходила.
- Ты отняла у меня работу.
- Ничего подобного.
- Нет, отняла.
- Ты что, шутишь? — сказала она, понижая голос. — Я не хочу нянькаться с этим мальчишкой. Просто оказываю услугу его матери, пока она не найдет настоящую няню.
- А почему ты ей помогаешь?
- Не знаю. Мне ее жалко. Она боится оставлять Зака совсем одного.
- Я хотела было сказать, что я целыми днями сижу дома одна и никого это не пугает, но не стала.
- Я иду домой! — завопил Зак, показывая на меня ракеткой. — Мне нельзя находиться рядом с ней!

— Ну и отлично! — закричала в ответ Мелина. — Проваливай!

— Ты не имеешь права разговаривать со мной в таком тоне! — возмутился он.

— Да брось, что ты как маленький, — отмахнулась она.

Зак прошествовал через весь двор и открыл стеклянную дверь. Постарался хлопнуть ею как можно громче, но у него не очень-то получилось.

— Мне тоже пора домой, — сообщила я.

— Зачем?

— Уроки делать.

Она вздохнула.

— Ты все еще злишься на меня из-за тампонов?

— Нет, — соврала я.

— Потому что, если бы ты разозлилась, я бы тебя поняла.

— Мне Томас тампоны принес, — сказала я.

— А кто это, Томас?

— Мой парень.

— О, — промолвила она.

— Он мне сегодня в школу целую пачку притащил.

— Ну, — заключила она, — он, похоже, клевый парень.

— Точно, — согласилась я.

Я подумала было рассказать ей все, но не стала. Слишком злилась. Я не понимала, почему сама она отказалась дать мне тампоны, а когда это сделал кто-то другой, сказала про него, что он клевый. Бессмыслица какая-то.

Мы попрощались, и я вернулась домой делать уроки. Папа, придя с работы, первым делом поинтересовался, сообщила ли я Томасу, что больше не буду с ним встречаться, и я соврала, что да.

— Ну вот и хорошо, — сказал папа. — Так-то оно лучше.

После ужина мы убрались в его кабинете, готовясь к приезду мамы. Как только папа убрал со стола свои бумаги, у него испортилось настроение. Он заявил, что не понимает, почему маме обязательно жить у нас. У нее ведь прекрасная работа, говорил папа, она спокойно может позволить себе снять номер в отеле. Наконец он решил позвонить и высказать ей все это, и они начали ругаться. Я услышала, как он сказал маме: “И не думай, что тебе удастся пробраться ко мне в постель”. Не знаю, что она ему ответила, но, что бы это ни было, он тут же бросил трубку.

На следующий день в столовой Томас передал мне упаковку одноразовых станков.

— Спасибо, — обрадовалась я.

— Ты будешь сегодня бриться? — спросил он.

— Нет, я же только в субботу брилась.

— Ну, я имею в виду... Ну, ты же понимаешь.

— А, — вспомнила я. — Понимаю.

— Я бы мог сам тебя побрить, — предложил Томас.

Я посмотрела на него.

— Я осторожно, обещаю.

Я отказалась, но, пока сидела на уроке французского, его слова никак не шли у меня из головы. Я вспоминала, как Барри брил меня у нас дома в Сиракьюсе, и между ног у меня становилось приятно и хорошо. Сначала я пыталась не обращать внимания на это ощущение, но оно было таким сильным, что мне пришлось начать сжимать ноги.

После урока я пошла к своему шкафчику. Ко мне подошел Томас и поинтересовался, что это такое я делала под партой.

— Ты это о чем? — прикинулась я дурочкой.

— Ты там сжимала ноги.

— Неправда.

— Ты что, хотела писать или еще чего?

— Нет.

— Я читал, что некоторые девушки от этого кончают, — сообщил он.

— От чего?

— От того, что сильно сжимают ноги.

Я промолчала.

— Ты этим там занималась?

Мы подошли к моему шкафчику, и я начала набирать шифр.

— Джасира, — позвал Томас, облачиваясь на соседний шкафчик.

— Что?

— Позволь мне побрить тебя.

— Нет, — ответила я, но это прозвучало неубедительно, так что, когда после школы я подня-

лась в автобус, Томас уже сидел там и стерег для меня местечко.

На улице возле дома Зак и Мелина играли в футбол.

— Эй! — окликнула нас Мелина, как только мы вышли из автобуса. Она подтолкнула мяч к Заку и подошла к нам с Томасом поздороваться. Я представила их друг другу, и они обменялись рукопожатиями, а Мелина обернулась ко мне и изобразила на лице восхищение.

— Это ваш сын? — спросил у нее Томас, кивая в сторону Зака. Тот с момента нашего появления не сдвинулся с места. Просто стоял посреди улицы, поставив ногу на мяч.

— Упаси боже, — ужаснулась Мелина.

— Это Зак, — объяснила я. — Наш сосед.

— Эй, Зак! — позвал его Томас, но тот никак не отреагировал.

— Ну, ребята, куда направляетесь? — спросила Мелина.

— Никуда, — ответила я.

— Просто слоняемся, — добавил Томас.

— Хотите поиграть с нами в футбол?

— Мне нельзя с ними играть! — тут же закричал Зак.

— Что это с ним? — удивленно взглянул на него Томас.

— Не обращай внимания, — посоветовала я.

— Да я просто пытался быть вежливым.

— Он придурок, — объяснила я. — Забей.

Но Томас, кажется, меня не слушал.

— Какой же мальчишка откажется поиграть в футбол? — удивлялся он.

— Странный мальчишка, — ответила Мелина.

Томас взглянул на нее.

— Да, но с вами-то он только что играл.

— Ко мне он привык, — сказала Мелина. — Если бы он тебя узнал получше, то и с тобой бы согласился поиграть.

Томас промолчал. Как и я. Я-то знала, что даже если бы Зак с Томасом познакомились поближе, он бы не стал гонять с ним мяч.

— Вот ведь жарища, — посетовала Мелина, обмахивая себя руками. — Вам не жарко?

— Да не очень, — сказала я.

— Наверное, это мне так кажется, — произнесла она, прикладывая руку к животу.

Меня ужасно бесило, что она всегда находит способ перевести разговор на своего ребенка.

— Мальчик, девочка? — поинтересовался Томас.

— Девочка, — ответила Мелина. — Дорри.

— Дорри? — удивился он.

Она кивнула.

— Что это за имя такое?

— Ну, это в честь моей бабушки.

— А-а...

— А еще так зовут ведьму, — добавила я.

— Да, — согласилась Мелина. — Верно.

— Какую ведьму? — не понял Томас.

— Ведьма Дорри, — пояснила я. — Героиня книжной серии.

— Ну, она ведь добрая ведьма? — уточнила Мелина.

— Не знаю, — соврала я.

— Наверняка добрая, — решила Мелина.

— Нам пора, — заявила я, взяв Томаса за руку и направившись в сторону дома.

Зайдя внутрь, я попросила его разуться.

— Интересно, как она умудряется заниматься спортом, она ведь беременная, — задумался он, развязывая шнурки.

— Да она же не серьезно играет, — ответила я. — Просто стоит и пинает мячик.

— А когда ей рожать?

Я пожала плечами. Не желала я думать о ребенке Мелины.

Потом Томас попросил принести ему чего-нибудь попить, и я достала из холодильника коку.

— Ты только ненадолго, ладно? — сказала я, вернувшись из кухни.

— Почему?

— Потому что я не спросила разрешения у папы.

— Ну и что? — удивился он. — Мы же друзья.

— Это не имеет значения. Все равно я должна спрашивать у него разрешение.

Томас допил коку и попросил меня показать ему дом. Сначала я не собиралась вести его в папину комнату.

— А что там? — поинтересовался он, и я чуть-чуть приоткрыла дверь, чтобы Томас туда загля-

нул. Я думала ее сразу же закрыть, но он захотел зайти внутрь.

— Лучше не надо, — сказала я.

— Почему?

— Потому что, — ответила я, тщетно пытаюсь выдумать причину.

— Всего на секундочку, — попросил Томас и вошел в комнату.

Там не на что было смотреть. Мой папа — чистюля. Всегда застилает постель по утрам, аккуратно складывает одежду, а обувь расставляет аккуратными рядами вдоль стены. Для каждой пары у него своя распорка из кедра, и по всей комнате пахнет этим деревом.

В ванной Томас подвигал туда-сюда створку душевой, потом приоткрыл дверь туалета. Мне стало интересно, заметит ли он, что там пахнет мочой, но он промолчал. Проглядев папины костюмы в гардеробной, он изучил шкафчик под раковиной и достал оттуда крем для бритья. — Вот, — обрадовался он. — То, что нам нужно.

Наконец мы пошли в мою часть дома. Я показала Томасу свою ванную и кабинет, где будет жить мама на Рождество, а потом проводила его в комнату.

— Ну и ну! — поразился он.

Я пожала плечами. У меня и правда на стенах не висело ни постеров, ни картин. Из всей мебели в комнате стояли только кровать на металлическом каркасе, большое деревянное кресло с подушками, шкаф и тумбочка.

— Покажи, что у тебя в шкафу, — попросил Томас, и я открыла дверцы. — Маловато у тебя тряпок...

— Да.

Он протянул руку и дотронулся до юбки, в которой я была у него в гостях.

— Вот эта мне нравится.

— Спасибо.

— А что у тебя еще есть? — поинтересовался он.

Я оглянулась. Потом собралась с духом, залезла под матрас и достала оттуда "Плейбой".

— Откуда это у тебя? — спросил Томас.

— Нашла.

Он подошел и взял журнал.

— Где?

— В мусоре, — задумавшись на секунду, ответила я.

— Ха.

Томас сел на кровать и начал листать "Плейбой". Я пристроилась рядом. Вдруг он замер.

— Видишь? — спросил он, показывая мне фото девушки с тоненькой полоской волос на лобке, — мне кажется, тебе тоже надо так побриться.

Я видела эту фотографию раньше миллион раз, но теперь уставилась на нее как баран на новые ворота.

— Обещаю, я буду очень осторожен.

— Ладно, — согласилась я.

— А где у тебя бритвы? — спросил он, и я пошла за рюкзаком в гостиную. Вернувшись, я обнаружила Томаса в ванной комнате.

— Готова?

Я кивнула, и он велел мне снять джинсы.

— Может, мне купальник надеть? — предложила я.

— А как же я смогу тебя побрить, если на тебе будет купальник? — удивился он.

Я пожала плечами. С Барри я всегда надевала купальник.

— Да ладно тебе, — сказал Томас, протягивая руки и расстегивая мои джинсы. Он спустил их до щиколоток и подождал, пока я не высвобожусь из каждой штанины. Затем он снял с меня трусики. На секунду мы замерли. Он просто смотрел на меня голую.

— Ты красивая, — наконец сказал он.

— Спасибо.

— Ты сядешь или постоишь? — спросил он.

— Наверное, лучше стоя, — сказала я, думая о Барри.

— Ладно, давай попробуем.

Я зашла в душ, а Томас достал папин крем для бритья, встряхнул его и выдавил немножко пены на ладонь. Он не стал намазывать на меня ее всю, сначала обработал только краешки. Затем пустил воду и начал меня брить. После каждого движения бритвой он ополаскивал ее под водой, и из нее вымывалось много волос. Потом наносил еще пены. Через несколько минут взял новую бритву, сказав, что первая уже затупилась.

Он делал все очень осторожно, как и обещал. Совсем как Барри. Я начала чувствовать себя так

же, как тогда, с Барри. Мне нравилось, что меня подвергают опасности. Но совсем не так, как с мистером Вуозо. Он тоже делал со мной всякие опасные вещи, но вовсе не был осторожен, так что получалось больно и шла кровь, а мне потом больше не хотелось сжимать ноги. А теперь из-за Томаса мне стало немного лучше. Я вспоминала все те ощущения, которые мне так нравились.

Брил он меня долго, и в конце концов у меня там получилась такая же тонкая полосочка, как и у девушки в журнале. И ни одного пореза. Томас зачерпнул руками воду и смыл с меня все остатки крема и волос. Потом взял полотенце и насухо меня вытер.

— Нравится? — спросил он.

Я кивнула. Теперь я выглядела совсем как взрослая, хотя в то же время стала похожа на маленькую девочку.

— А тебе нравится?

— Да, — ответил он. — Очень.

— Спасибо, — поблагодарила его я.

— Не за что.

Я собиралась уже выйти из душа, но он меня остановил:

— Погоди, не одевайся пока.

— Почему? — уставилась на него я.

— Потому что, — начал он расстегивать джинсы, — я хочу кончить.

— А это надолго? — спросила я.

— Да нет, не волнуйся, — сказал он, вытаскивая член, — я быстро. — Он начал трогать себя

так же, как тогда вечером, и все время смотрел на мой бритый лобок.

— Ты там теперь такая красивая, — сказал он, и выстрелил белой жидкостью себе в руку.

Я подождала с минуту, пока он не отдышится, а потом вышла из душа и оделась. Я начала ужасно волноваться. В каждом шорохе мне слышался скрежет ключа в двери.

Когда мы окончательно все убрали, было уже около шести.

— Тебе правда пора идти, — сказала я и проводила его в гостиную.

— Скажи, когда снова отрастет, я тогда еще раз приду, — предложил он, завязывая шнурки.

— Хорошо.

Мы поцеловались, и я открыла дверь. Как только он ушел, я прошла по дому, надеясь, что все выглядит как обычно. Я поставила папин крем обратно к нему в ванную, проверила, не застряли ли волосы в сливе, спрятала под матрас "Плейбой". Я старалась смотреть на все папиными глазами — максимально придирчиво, выискивая любые оплошности. Когда мне показалось, что все идеально, я пошла в столовую делать уроки. Но, как только я села, раздался звонок в дверь. Пришел мистер Вуозо.

— Ты что, черт возьми, делаешь? — заявил он.

Волосы у него спереди все растрепались, а рукава у куртки перекрутились, словно он одевался в страшной спешке. Я попыталась захлопнуть дверь, но он выставил вперед ногу.

— Ты чем тут занималась с этим черномазым? — спросил он.

— Не называйте его так.

— Как “так”? — переспросил мистер Вузо.

Я не стала повторять за ним это слово.

— Ты же репутацию себе испортишь, — продолжил мистер Вузо. — Хотя это ты понимаешь? Если будешь общаться с этим негром, то никому никогда не будешь нужна.

— Это вы мне репутацию испортили, — ответила я.

Он взглянул на меня.

— Моей репутации уже конец, — объяснила я и попробовала снова закрыть дверь, но он не сдвинулся с места.

— Джасира, — позвал он.

Я продолжила давить дверью на его ногу.

— Джасира, — повторил он и рукой придержал дверь.

— Что?

— Тебе нужно к доктору?

— Зачем это? — удивилась я.

Он промолчал.

— Так зачем? — еще раз спросила я.

— Ну, ты знаешь, — ответил он, понизив голос.

Я сделала вид, словно его не понимаю.

Наконец он заговорил:

— Ну, в тот день, когда я к тебе приходил...

— Нет, — ответила я.

— Уверена?

— Оставьте меня в покое, — потребовала я.

глава четвертая

- Послушай, я же пытаюсь тебе помочь.
- Оставьте меня в покое или я расскажу папе, что вы со мной сделали!

На это он ничего не ответил, просто стоял и тяжело дышал. Я боялась, что он мне не поверит и догадается, что я никогда в жизни не смогу сама рассказать папе про то, что случилось. Наконец он убрал ногу, перестал придерживать дверь, и я смогла захлопнуть ее прямо у него перед носом. Затем я прошла в столовую, чтобы посмотреть, как он будет спускать флаг. Но сегодня он не стал этого делать. Протопал мимо флага прямо в дом.

глава пятая

В субботу, после того как мистер Вуозо обозвал Томаса черномазым, я помогала сажать папе персидские цикламены. Растения украшали красные и белые цветы, и девушка в магазине пообещала папе, что они перенесут и более холодную погоду. Для начала мы выкопали для них ямки вдоль каждой стороны дорожки, потом высвободили из горшков и осторожно посадили, стараясь не повредить корни. Папа заявил, что к приезду мамы все вокруг должно выглядеть красиво. Еще он сказал, что, если она думает, будто только у нее может быть приличный сад, она глубоко заблуждается.

Пока мы копались в саду, явились Зак и мистер Вуозо. Мы стояли на коленках спиной к их дому, так что не заметили, как они подошли.

— Доброе утро, — поздоровался мистер Вуозо.

Папа поднял голову. Его зеленые перчатки все перемазались в земле, а в руках он держал совок.

— Да?

Мистер Вуозо кашлянул.

— Мы с Заком хотели бы поговорить с вами и Джасирой, — объявил он.

Папа взглянул на меня, а потом снова на мистера Вуозо.

— Вы, по-моему, уже с нами разговариваете, — усмехнувшись, сказал он.

Мистер Вуозо обиделся.

— Зачем же так говорить? — сердито проговорил он. — Мы пришли сюда как друзья. Вот и все.

— Друзья? — поразился папа, оглядываясь вокруг. — Где это тут друзья? Не вижу никаких друзей.

— Мы пришли извиниться, — сказал мистер Вуозо. — Верно, Зак?

Зак взглянул на него.

— Давай, — подтолкнул его мистер Вуозо.

Через секунду Зак глубоко вдохнул и выпалил:

— Извини, что я назвал тебя чуркой.

— Ты не мне это говори, — сказал мистер Вуозо, с которого Зак не спускал глаз, — а Джасире.

Зак отвернулся от отца и повторил те же слова.

— Молодец, — похвалил его мистер Вуозо. — А дальше?

Зак помедлил.

— Ты будешь опять со мной сидеть? — наконец решил он.

Я не знала, что ему ответить. Посмотрела на папу, но тот только пожал плечами.

- Делай, как считаешь нужным, — сказал он. — Только, раз уж они так тебя зовут, я бы потребовал прибавки.
- Конечно, — согласился мистер Вуозо, — мы увеличим ей зарплату.
- На сколько? — поинтересовался папа.
- Доллар в час, — предложил мистер Вуозо.
- Папа промолчал.
- Полтора, — сказал мистер Вуозо.
- А как же Мелина? — спросила я.
- Это была временная мера, — объяснил мистер Вуозо.
- Ну, что ты думаешь? Полтора доллара и извинения — этого достаточно?
- Не знаю, — призналась я.
- Мистер Вуозо перевел взгляд на меня.
- Я бы тоже хотел перед тобой извиниться, — произнес он.
- За что? — спросил папа.
- За то, что выражался неподобающим образом. Возможно, Зак услышал это слово от меня, запомнил его и обозвал тебя.
- Возможно? — рассмеялся папа.
- Ну ладно, ладно, — замахал на папу руками мистер Вуозо. — Скорее всего. Скорее всего, именно я ненароком научил его этому слову.
- Не удивился бы, — заметил папа.
- А вас никогда не учили, как нужно принимать извинения? — разозлился мистер Вуозо. — У вас это не очень-то получается.

— С чего бы это должно у меня получаться?! — гаркнул на него папа и стянул перчатки. — Ну-ка, объясните мне!

— Не хочу я быть нянькой Заку, — сказала я.

Меня никто не услышал, поэтому мне пришлось повторить еще раз, погромче.

— Что? — повернулся ко мне мистер Вуозо.

— Я после школы занята.

— Чем же это ты занята? Что ты делаешь после школы? — заинтересовался он.

— Что вы имеете в виду?! — взбесился папа. — Она делает уроки, вот чем она занята! Она умная девочка.

Мистер Вуозо вперил в меня тяжелый взгляд, а я в ответ уставилась на него.

— Хорошо, — сдался он. — Ладно.

— Пап, пошли домой? — попросил его Зак.

— Конечно, — согласился мистер Вуозо, и они ушли.

Папа сказал, что очень мной гордится. И что ему совершенно ясно — Вуозо поняли, как они ошиблись, уволив меня, и теперь просто пытаются прикрыть свои задницы. Я не стала говорить папе, что это полная чепуха. И что мистер Вуозо засовывал в меня пальцы, и что после этого у меня шла кровь, и что именно поэтому он хочет меня вернуть. Чтобы проделать это со мной еще раз.

Когда мы закончили сажать цветы, папа сказал, что наш двор теперь похож на ливанский флаг —

такой же красно-бело-зеленый. А потом добавил, что во всех арабских странах флаги таких же цветов, ну, иногда еще добавляют черный. Он объяснил, что цвета флагов — единственное, о чем арабы смогли договориться. Потом вздохнул и сказал, что это очень печально.

В тот же день я начала беспокоиться за мистера Вуозо. Я переживала, что обидела его. Иногда я так же чувствовала себя после того, как папа меня бил. Я его ненавидела, но не хотела, чтобы ему было плохо. Не знаю, почему так получалось. Мне казалось, что ему сейчас еще хуже, чем мне.

Я зашла к папе, когда он одевался, чтобы идти на свидание с Тэной. Он уже надел брюки и майку и теперь выбирал рубашку.

— Голубую или бежевую? — спросил у меня он, стоя в дверном проеме и держа по рубашке в каждой руке.

— Бежевую, — посоветовала я, и он согласно кивнул.

Потом убрал голубую в шкаф и снял с плечиков бежевую рубашку.

— Может, мне и стоило согласиться на предложение мистера Вуозо, — начала я.

Папа просунул руку в рукав.

— Я уже похвалил тебя за отказ. Если ты передумаешь, этот комплимент я аннулирую.

Я задумалась. Мне совсем не хотелось лишиться папиной похвалы.

— Мы не меняем своих решений, — провозгласил он, застегивая рубашку. — Сказано — сделано.

— Но он же извинился.

— Он задолжал тебе это извинение. А ты ему ничего не должна.

— Ладно, — сказала я.

— Постарайся не быть такой размазней, — посоветовал он, отворачиваясь, чтобы я не увидела, как он заправляет рубашку в штаны.

После того как он ушел, я пошла на кухню и сунула в микроволновку макароны с сыром. Папа покупал латук, чтобы я делала себе салат, но мне всегда было лень. Я только отрывала несколько листиков, заворачивала в бумажное полотенце и выбрасывала в мусорное ведро.

Когда я смотрела телевизор, раздался звонок в дверь. Это был мистер Вуозо.

— Привет, — поздоровался он.

Гладковыбритый, с зачесанными на одну сторону волосами, он выглядел так, словно собрался куда-то.

— Привет.

— Не беспокойся, — успокоил меня он. — Я не собираюсь к вам заходить.

Я промолчала.

— Зак с мамой уехали к бабушке.

— А-а...

— У них там кошка родила котят. Хорошенькие, наверное.

Я кивнула.

— А твой папа у своей девушки? — поинтересовался он.

— Да.

— Ну, и какая она?

— Папа больше не хочет приглашать ее к нам, потому что она уделяет мне слишком много внимания.

— Еще бы, — произнес мистер Вуозо.

— Она думает, что из меня получилась бы модель.
Он рассмеялся:

— Могу поспорить, твой отец в восторге от этой идеи.

— Нет, — возразила я. — Совсем наоборот.

— Да я шучу. Конечно, я знаю, что он не в восторге.

— Ну и что?

— Ладно, не важно, — отмахнулся он. —
Вообще-то мне довольно скучно.

Я взглянула на его манжеты. Они высовывались из-под пиджака на абсолютно одинаковое расстояние.

— А тебе скучно? — спросил он.

— Нет, — сказала я, хотя на самом деле томилаь от безделья.

— Наверняка скучно. Тебе же нечем заняться, — настаивал он.

Я пожала плечами.

— Может, сходим куда-нибудь вместе?

— Нет, спасибо.

— Я мог бы тебя куда-нибудь сводить, — предложил он.

- Я должна быть дома, — отказалась я.
- Почему?
- Вдруг папа вернется.
- Ты же сказала, он у своей подружки, — удивился мистер Вуозо.
- Ну да.
- Ну и? — не понял он.
- Он может передумать и вернуться домой, — объяснила я, — и я должна быть дома.
- Мистер Вуозо пожал плечами.
- Ну, Зак с мамой тоже могут вернуться домой. Но скорее всего не вернутся.

Я взглянула на него. Голос у него стал мягче, а руки он засунул в карманы. Я старалась не быть размазней, как советовал папа, но это трудно давалось, когда мистер Вуозо вел себя так мило.

- А куда мы пойдем? — сдалась я.
- Ну, можно в кино. Ты любишь фильмы?
- Нет, — соврала я.
- Тогда можем сходить куда-нибудь поесть. Ты голодная? — предложил он.

Я помотала головой.

- Давай поедим в мексиканском ресторане, — продолжил он. — Я знаю одно отличное место.

Странно, но с тех пор как я переехала в Техас, я так и не попробовала мексиканскую кухню. Я питалась либо пиццей, либо папиной ближневосточной стряпней. Ну, и еще ела ближневосточные блюда мамы Томаса.

- Давай, — подзадоривал меня мистер Вуозо. — Пошли поедим.

алисия эриан как на ладони

Я молчала.

— Как тебе, а? — сказал он, вытаскивая из кармана какую-то штуку, которую я сначала не разглядела.

— Что это? — спросила я.

Он чем-то щелкнул, и я увидела, что это нож.

— Видишь? — спросил он, показывая мне лезвие. — Это тебе.

Быстрым движением он сложил нож обратно.

— Это из армии? — уточнила я. Нож был зеленый.

Он кивнул.

— Можешь взять его на этот вечер. Для самообороны, — продолжил мистер Вуозо.

Я позволила ему вложить нож мне в ладонь. Потом взяла его и попробовала открыть и закрыть несколько раз.

— Положи его в карман, — посоветовал он, и я послушалась. — А теперь возьми куртку, и пойдем. А то я проголодался.

В машине мы в основном молчали. Я переложила нож из кармана джинсов в куртку. Оттуда его можно было легко достать, и я развлекалась, открывая и закрывая его.

— Осторожно, — предостерег меня мистер Вуозо. — Он очень острый.

Я думала, что никуда мы не поедem и что он просто сделает со мной то, что хочет. Нож бы тут совершенно не помог. Я и представить себе

не могла, что вонзаю его в кого-нибудь. В чье-то тело. Моя мама как-то встречалась с одним диабетиком, так вот ему приходилось каждый день делать себе уколы. Мне от одной мысли о таком становилось плохо.

— Может, музыку включить? — спросил мистер Вуозо.

— Мне все равно.

Он включил радио и настроился на станцию кантри, подпевая песенке. Но потом она закончилась, и пошла бесконечная реклама, громкая и пронзительная, так что он прикрутил звук.

— Это вообще-то противозаконно, — заявил он.

— Что именно?

— Делать рекламу громче, чем сами песни. Но все равно все так делают, — пояснил он.

Я подумала, что с его стороны довольно глупо рассуждать о том, что противозаконно, а что нет, но промолчала.

До ресторана мы добирались очень долго, и последние полчаса поездки я была абсолютно уверена, что он мне наврал. Особенно когда мы пересекали неблагополучный район в пригороде. Я удивилась, когда мы все-таки подъехали к ресторану. Он весь переливался световыми рекламами, рядом стояло множество машин. У черного входа ошивались два мексиканца с сигаретами. Изнутри доносилась громкая музыка.

— Вот и приехали, — сказал мистер Вуозо, заглушая мотор.

— Ого, — оценила я.

— Нравится? — спросил он.

Я кивнула. Все вокруг напоминало карнавал, только маленький.

Мы прошли внутрь, и мужчина на входе попросил нас немного подождать, пока освободится столик.

— Пока вы с дочерью можете пройти к бару, — предложил он, и мистер Вуозо его не поправил.

— Я же не ваша дочь, — сказала я, как только мы взобрались на стулья. С потолка свисали пиньяты¹, и все вокруг так и сверкало разноцветными огнями. Казалось, мексиканцы — самые счастливые люди на свете.

— Это уж точно, — согласился мистер Вуозо, — но как-то же ему надо было тебя назвать.

Бармен подал нам две “Маргариты” — одну взрослую и одну детскую. Я пригубила из своего стакана. Похоже на лаймовый “Сноу-кон”. Ободок бокала был весь посыпан солью, но я так и не поняла, зачем ее надо лизать — а именно так поступал мистер Вуозо.

— А кто я? — спросила я.

— В каком смысле? — не понял он.

— Ну, раз я не ваша дочь.

Он на секунду задумался.

— Ты моя соседка.

— А еще кто? — Хмель ударил мне в голову, или мне хотелось так думать.

1 Пиньята — игрушка, набитая конфетами.

- Это все.
- Я няня Зака, — напомнила я.
- Больше нет, — бросил он.
- Я промолчала.
- Извини. Я знаю, что сам в этом виноват, — вздохнул он.
- Я — ваша девушка, — заявила я. Хотела бы я сказать, что я его жена, но, к сожалению, это место уже было занято.
- Ты слишком маленькая, чтобы быть моей девушкой.
- Ну, вы же сделали со мной ту вещь, — настаивала я, — значит, я ваша девушка.
- Он сделал большой глоток.
- Ту вещь, — пробормотал он.
- Я не сводила с него взгляд.
- О господи, — сказал он и потер глаза.
- Когда мы прикончили напитки и мистер Вуозо заказал еще, к нам подошел тот мужчина и сказал, что столик готов. Мы сели возле крошечного фальшивого водопада с пластиковыми растениями вокруг. Мистер Вуозо заявил, что из-за всей этой выпивки он теперь в туалет будет бегать всю ночь. Затем пошел в ванную комнату, и, пока его не было, я поменяла местами бокалы. После нескольких глотков его коктейля у меня закружилась голова, и мне это понравилось. Когда он вернулся за столик, я еще не поменяла бокалы обратно.
- Ты уже посмотрела меню? — поинтересовался он.

— Да, — соврала я.

— Ну, и чего ты хочешь?

— Я не знаю, что это за еда такая, — сказала я.

— Как это? — удивился он. — В каком смысле? Тут есть энчилада, буррито, тамале. Ты не пробовала мексиканскую еду?

Я покачала головой.

— Ну, — решил он, — тогда тебе стоит взять цыпленка-энчилада. Он всем нравится.

Подошел официант, и мистер Вуозо сделал заказ. Затем отхлебнул пару раз из бокала и уставился на него с дурацким видом. Потом перевел взгляд на мой, протянул руку и отпил из него.

— Господи, Джасира, — сказал он, меняя бокалы обратно.

— Я напилась, — призналась я.

— С чего ты взяла?

— Я счастлива.

— Да что ты? — улыбнулся он. — Ты думаешь, что, напиваясь, становишься счастливым?

Я кивнула.

— Ну, наверное, так оно и есть. Иногда.

— Можно еще из вашего бокала попить?

— Нет, — запретил он. — Хватит с тебя.

И на долю секунды его нога под столом дотронулась до моей.

— А почему я вам нравлюсь? — спросила я.

— Почему? — вздохнул он. — Ох, я не знаю.

— А я знаю, — заявила я.

— И почему же?

— Из-за моих сисек.

Он пригубил “Маргариту”.

— Возможно, — согласился он, — но не только из-за них.

— Еще из-за волос.

Он кивнул.

— У тебя прекрасные волосы.

— Когда я вырасту, я хочу сняться для “Плейбоя”, — призналась я.

— Не стоит.

— Почему? — расстроилась я.

— Потому что “Плейбой” — для шлюх, — объяснил он. — А ты разве шлюха?

— Не знаю, — сказала я. Я не считала себя шлюхой, но полной уверенности у меня не было.

— Так знай, ты не такая, поэтому ни для какого “Плейбоя” сниматься не будешь.

Нам принесли еду, так что мы положили салфетки на колени и принялись за дело. Через пару минут мистер Вуозо заговорил:

— А вот если ты будешь гулять с тем черным парнем, то станешь шлюхой.

— Неправда.

— Правда.

— Он лучше вас, — обиделась я. — Он меня трогает только тогда, когда я не против.

На это мистер Вуозо не нашелся что ответить. Даже есть перестал. Сидел как истукан. Я знала: он хочет, чтобы я посмотрела на него и почувствовала себя виноватой за то, что ему так плохо и стыдно. Но мне было наплевать. Я напилась, ела вкусную энчиладу, а в кармане у меня лежал

нож, и после коктейля мистера Вуозо я даже начала думать, что могла бы пустить его в ход.

На десерт я заказала жареное мороженое — растаявшее и с корочкой сверху. Мистер Вуозо заявил, что ничего не будет, но, как только принесли мой десерт, попросил кусочек.

— Не дам, — отказала я. Такой вкуснятиной я не собиралась делиться.

Я думала, что он все равно попробует кусочек, раз уж он за все платит и формально мороженое принадлежит ему, но ошибалась. Он только посмотрел на меня расстроенным взглядом и опустил ложечку обратно в чашку кофе.

По пути домой я переложила нож обратно в карман джинсов.

— Он тебе нравится? — поинтересовался мистер Вуозо.

— Да.

— Это хорошо, — сказал он. — Я рад.

— Думаю, вы можете его забрать.

— Ты мне доверяешь?

Я пожала плечами.

— Да мы почти доехали.

— Вот когда доедем, тогда и вернешь, — решил он.

Внезапно я забеспокоилась, что сейчас все и начнется. Что в обмен на ужин, нож и то, что он не попробовал мое мороженое, он будет делать со мной всякие неприятные вещи. В обмен на мое молчание. Я хорошо провела вечер и теперь боялась, что больше такое никогда не повторится.

— Я все еще могу на вас донести, — заявила я. — Я еще не до конца решила.

— Я понимаю, — кивнул он.

Когда мы доехали до дома, он остановился и выключил двигатель. Мы посидели еще немного, не отстегивая ремни.

— Скоро война с Ираком начнется, — подал наконец голос мистер Вуозо.

— Я знаю.

Папа в последние дни только об этом и говорил. И как глупо ждать, пока пройдут праздники. И что Кувейт горит, а президент хочет удостовериться, что люди потратят деньги на рождественские подарки. Папа заявил, что в знак протеста не будет никому в этом году покупать подарки. И что его подарок мне — осознание того, что мой отец не пешка в руках режима.

— Меня, наверное, призовут, — продолжил мистер Вуозо.

— Это плохо.

— Ты будешь мне писать?

— Конечно.

— Хорошо бы, — кивнул он.

— Вот ваш нож, — сказала я, вытаскивая его из кармана.

— Вот видишь? Ты можешь мне доверять, — произнес он, забирая нож себе.

— Мне пора, — решила я и вылезла из машины. Улицу освещали только фонари. У нас в квартале оставалось еще много незаселенных домов, и по вечерам ни в одном из окон не горел свет.

Как только я подошла по тропинке к дому, то услышала, как меня кто-то зовет. Я обернулась и увидела Гила, который выносил мусор.

— Привет, — поздоровался он, разглядывая грузовичок мистера Вуозо. Тот все еще сидел внутри.

— Ты что, была в его машине? — спросил Гил.

— Нет.

— Не была?

— Я вышла прогуляться, — объяснила я.

— А я думал, ты в машине.

— Да я же на тропинке стояла, — сказала я.

Он промолчал.

— Ну, спокойной ночи, — попрощалась я.

— Спокойной, — ответил он.

Я немножко разнервничалась из-за того, что он меня увидел, но еще больше меня волновал вопрос, звонил ли папа. Когда я зашла в дом и проверила автоответчик, то обнаружила только одно сообщение от мамы. Я набрала ее номер.

— Ты где была? — спросила она.

— В душе.

— Что, целый час? — не поверила она.

— Я просто забыла проверить автоответчик, когда вышла.

— А где отец? — поинтересовалась она.

— У Тэны.

— Он что, там ночует? Он ведь не остается у нее ночевать, нет?

— Нет, — соврала я. — Конечно, нет.

— Ты еще слишком маленькая, чтобы бросать тебя на ночь одну.

- Он никогда там не ночует.
- Это в его же интересах.
- Да ты не волнуйся, — успокоила ее я.
- Не надо меня успокаивать, терпеть этого не могу.
- Извини.
- Ты рада, что скоро Рождество?
- Да.
- Что-то не похоже.
- Да рада, рада.
- Надеюсь, тебе понравятся подарки, — сказала мама. — Я на них целое состояние просидила.
- Конечно, понравятся.
- Мне ничего не покупай, — заявила она. — Мне ничего не надо.
- Ладно, — согласилась я. Я не стала говорить ей, что, даже если бы я хотела сделать ей подарок (а я не хотела), то папа бы мне не позволил. Он даже не стал покупать елку, в знак протеста против того, что война откладывается. Вместо этого взял и украсил маленькими белыми лампочками большой фикус у окна.
- Послушай, — заговорила мама, — тебе нравится там жить? Ну, с твоим отцом?
- Да ничего, — осторожно сказала я. Я старалась, чтобы мой голос звучал как можно равнодушнее, потому что еще не поняла, какой ответ она хочет услышать.
- Мы с Барри расстались, — добавила она.
- Что?
- Он забрал свои вещи.

— О-о... — Я не хотела выдавать своего огорчения, но на секунду мне стало очень больно от мысли, что я его теперь никогда не увижу.

— И, знаешь, тут без тебя немного одиноко, — призналась мама.

— Ну, мне жаль, — ответила я. — В смысле, по поводу Барри.

— А знаешь что? — встрепелась мама. — Мне вот совершенно не жаль. Потому что он — говнюк. Надо сказать, Джасира, я себя ужасно чувствую из-за того, что произошло прошлым летом. Из-за того, что приняла его сторону, а не твою.

— Да все в порядке.

— Нет, — возразила он, — не в порядке. Совсем не в порядке.

— Ну, — протянула я, — наверное, мне сначала нужно год этот доучиться. Мне нравится местная школа.

— О, — произнесла она, — я об этом не подумала.

— Я тут многому научилась.

— А я думала, она тебе не нравится, — удивилась мама.

— Нет, нравится.

— Я думала, тебе не нравится папа.

Я не знала, что на это ответить. С одной стороны, она была права. Мне не нравился папа. Но я к нему привыкла. И я не хотела переезжать к маме и привыкать к ней. Это все слишком трудно.

— Ну, — сухо сказала мама, — наверное, я тебя неправильно поняла. Что ж, увидимся на следующей неделе. Спокойной ночи. Пока.

И она повесила трубку.

Я знала, что она разозлилась и хотела, чтобы я это знала. Она хотела меня напугать. Обычно такое срабатывало. Но сегодня я чувствовала себя счастливой. Из-за того, что папа не позвонил, пока меня не было дома. Из-за того, что мама разозлилась и теперь перестанет донимать меня просьбами вернуться. Из-за того, что обнаружила застрявший кусочек карамели между зубов, достала его языком и вспомнила, каким сладким был этот вечер.

Когда назавтра папа вернулся от Тэны, я рассказала ему, что мама хочет вернуть меня обратно.

— Что? — возмутился папа. — Кем она себя, черт возьми, возомнила?

— Не знаю.

— Тебя надо хотя бы этот год доучиться.

— Я ей так и сказала.

— Тебе же тут нравится, — добавил он.

— Я знаю.

— Ты никуда не поедешь, — продолжил папа. — Поверить не могу, что она до такого опустилась. Звонит за моей спиной и пытается тебя выкрасть.

— Да я не хочу уезжать, — попыталась я его успокоить.

— Конечно, не хочешь! — воскликнул он. — С чего бы тебе этого хотеть?

Это был один из самых чудесных дней, что мы провели вместе. Папа рассказал мне немножко про его свидание с Тэной — они собирались поехать вместе на мыс Канаверал. Там в марте собирались запустить шаттл, некоторые детали которого разрабатывали в том числе и папа с Тэной, поэтому их пригласили посмотреть. Я испугалась, что они и меня захотят взять, но папа спросил, смогу ли я пожить одна пару дней, и я с радостью согласилась.

Позже он поинтересовался, что бы я хотела съесть на рождественский ужин, и я выбрала индейку.

— Отлично, так и поступим.

Папа ушел к себе работать, а я решила прогуляться, втайне надеясь, что встречу на улице мистера Вуозо. Но его там не оказалось, и даже то, что я ждала на дорожке у его дома и сверлила глазами дверь, не заставило его выйти. Зато вскоре показалась Мелина.

— Джасира! — позвала она меня, выйдя на крыльцо.

— Да? — перевела я взгляд.

— Иди сюда, — потребовала она таким тоном, словно я сама должна была об этом догадаться.

Я подошла к ее дому.

— Ты что, вчера сидела в машине мистера Вуозо? — спросила она.

— Что? — Я постаралась изобразить удивление.

— Гил сказал, что видел тебя вчера в его машине.

— Меня там не было, — возразила я, глядя ей прямо в глаза. Я слышала по телику, что вруны никогда не смотрят в глаза собеседнику.

— Н-да?.. — протянула она, явно мне не поверив.

— Правда не было, — повторила я.

— Иди сюда, — позвала она, заходя в дом.

Я прошла внутрь, и мы поднялись на второй этаж, куда я раньше не заходила, а потом спустились в холл. Кругом висели пейзажи, изображающие Йемен и туалетные дырки, которые рыл Гил.

Ванная комната Мелины совершенно не походила на ванную Вуозо. Простая и современная, а на кранах написано по-французски: “Горячая вода” и “Холодная вода”.

— Держи, — сказала Мелина, залезая в шкафчик и доставая оттуда пачку тампонов. — Извини, что раньше не дала. Я была не права.

— Да у меня уже есть тампоны.

— Рано или поздно они кончатся, — заявила она, — тогда возьмишь мои. А когда закончатся и эти, просто приди и скажи мне об этом, ладно?

Я взглянула на упаковку.

— Пожалуйста, — попросила она, — возьми их.

— Ладно, — согласилась я, — спасибо.

— А ты точно не сидела у него в машине? — через секунду уточнила Мелина.

— Да, — на этот раз я уже могла и не смотреть ей в глаза.

— Мистер Вуозо — свинья, — сказала она. — Даже не сомневайся в этом. Любой мужчина, который хочет дружить с девочкой твоих лет, — свинья. Понимаешь?

— Не сидела я в его машине.

Она проигнорировала мои слова.

— Если он захочет с тобой дружить, сразу скажи об этом мне, хорошо?

— Хорошо.

— Я серьезно, Джасира.

— Честное слово.

Вернувшись домой, я убрала Мелинины тампоны под раковину и положила их рядом с теми, что дал мне Томас. Потом пошла и развалилась на кровати. Я думала о том, как прошлым вечером Гил увидел меня в машине. Представляла, как он идет и рассказывает об этом Мелине. И как та начинает злиться и беситься, совсем как сегодня. Думала, как они беспокоятся обо мне, решают, что же им делать. Я никогда раньше не испытывала такого странного чувства. Я лежала и улыбалась, хоть и была в комнате одна.

Назавтра за обедом Томас поинтересовался, не нужно ли меня опять побрить.

— Можно, — протянула я.

— Сильно уже отросли? — спросил он.

— Не очень, пару дней можно и подождать.

— А, — промолвил он, — ну ладно. А можно, я приду посмотрю, как у тебя все отросло?

— Я у папы разрешения не спросила.

— Да я уйду до того, как он вернется.

Я на секунду задумалась.

— Ладно, — решила я.

Томас мне нравился. И я не думала, что общение с ним делает меня шлюхой, или портит репутацию, или еще чего-нибудь. Он очень напоминал мне Барри — тот тоже всегда хотел меня брить.

Из автобуса мы вылезли в конце нашего квартала. На дороге тут почти нет движения, так что мы прямо по проезжей части дошли до самого моего дома. В автобусе мы держались за руки, и на улице Томас не выпустил мою ладонь, даже когда увидел Зака, пинающего футбольный мяч.

— Привет, Зак! — изображая поддельную радость, заорал Томас.

Зак на секунду оставил в покое мяч и посмотрел на нас. Я не очень поняла, заметил ли он наши руки, но, кажется, все-таки заметил. Взглянув на нас, он снова вернулся к мячу.

— Да что за хрень творится с этим ребенком? — удивился Томас, отпуская мою руку.

— Не знаю.

— Знаешь, — сказал Томас, подходя к моему дому. — Прекрасно ты все знаешь.

— Эй, Зак! Пасуй сюда! — завопил он.

Зак сделал вид, что ничего не услышал, и продолжил пинать мяч. Он постепенно уходил от нас, двигаясь в сторону дома Мелины.

Через секунду Томас пошел следом за ним. Он его не догонял, но шел очень близко, и в какой-то момент ловко отобрал у Зака мяч и передал пас мне.

— Эй! — закричал Зак. — Отдай!

— Поздоровайся со мной, тогда и отдам, — предложил Томас.

Я заметила, что он отлично управляется с мячом, хотя любимым его видом спорта все же было плавание.

— Ладно, — согласился Зак. — Привет!

— А теперь поздоровайся с Джасирой.

Зак взглянул на меня.

— Поздоровайся с Джасирой, и я верну тебе мячик, — повторил Томас.

— Привет, — процедил Зак.

— Привет, — ответила я.

— Верни мяч, — потребовал Зак, повернувшись к Томасу.

Тот не обратил на него внимания. Он подкатил мяч поближе к Заку, но ноги у него двигались так шустро, что тот никогда бы не смог его отнять.

— А где твоя нянька? — поинтересовался Томас.

— Отдай мой мячик, — потребовал Зак.

— Скажешь, где твоя няня, тогда отдам.

— У меня больше нет няни, — ответил Зак.

— Она уволилась? — удивилась я.

— Я уже взрослый, мне не нужна няня, — перевел на меня взгляд Зак.

- Да неужели? — поразился Томас. — И сколько же тебе лет?
- Одиннадцать.
- А я думала, тебе десять, — произнесла я.
- У меня недавно день рождения был.
- Ну надо же, — встрял Томас. — И что тебе подарили?
- Отдай мой мячик! — завопил Зак.
- Скажи сначала, что тебе подарили, — потребовал Томас. Он взобрался с мячом на бордюр и оказался на дорожке перед домом Зака.
- Я не обязан перед тобой отчитываться, — возмутился Зак.
- Конечно, нет, — согласился Томас. — А я не обязан возвращать тебе мячик.
- Нет, обязан, — заявил Зак.
- Так что тебе подарили? — настаивал Томас. — Такой простой вопрос! Ответишь на него, и мячик — твой.
- Я тебе уже отвечал, — сказал Зак, — ты еще пять вопросов назад пообещал, что отдашь мне мячик, а сам все врешь! Я так и знал!
- Томас прекратил пинать мяч.
- Что это ты знал?
- Зак промолчал.
- Так что? — повторил Томас, подхватив мяч и подойдя поближе к Заку.
- Ничего.
- Так что тебе подарили? — спросил опять Томас, нависая над Заком. Очень непривычно было видеть его таким грубым.

Зак обернулся ко мне, ища поддержки. Мне хотелось его пожалеть, но еще больше мне хотелось увидеть, что же сделает Томас.

— Скажи ему, что тебе подарили, и получишь свой мячик, — посоветовала я.

У Зака был такой вид, словно он сейчас расплчется. Он смотрел на меня так, будто думал, что я такая же плохая, как и Томас. Наконец он повернулся обратно.

— Мне подарили котенка.

— Какого такого котенка? — спросил Томас, пододвигаясь еще ближе к Заку, хоть это и казалось невозможным.

— Отстань от меня! — воскликнул Зак.

— Мы хотим посмотреть на котенка, — заявил Томас.

— Ну и что? — возразил Зак. — Мне нельзя никого пускать в дом.

— Так вынеси его сюда, — предложил Томас.

— Не могу, он домашний котенок.

— Ничего с ним не случится, если ты его на секундочку нам покажешь, — сказал Томас.

В эту самую секунду Зак наконец дотянулся до мяча и выбил его из рук Томаса. Мяч упал и медленно покотился по земле, и Зак его быстро подхватил. Томас стоял и спокойно смотрел на него, всем своим видом показывая: стоило Заку попросить, и он тут же получил бы свой мяч.

Как только Зак заполучил обратно свой трофей, он тут же убежал домой и громко захлопнул за собой дверь.

- Вот ведь придурок, — пробормотал Томас.
Я кивнула.
- Хочу посмотреть на его кота, — заявил Томас. — Обожаю кошек.
- Посмотрим в следующий раз. Пошли лучше ко мне, — попросила я.
- Он не тронулся с места.
- Ну пошли, — повторила я.
Томас глазами указал мне на дом Зака.
- Пошли позвоним им в дверь.
- Нет, я не хочу.
- Видела, как он испугался, когда я с ним заговорил? Какого черта он так меня боится?
- Не знаю, — ответила я.
- Знаешь, — возразил Томас.
- Мы зашли в дом, я угостила Томаса кока-колой, и мы поднялись ко мне. Он улегся на кровать, а я сняла джинсы и подошла поближе. Томас протянул руку и начал меня трогать.
- Я ужасно хочу тебя побрить, — признался через минуту он, — но не буду, а то еще занервничаю и порежу.
- Ладно, — согласилась я, вставая, чтобы надеть штаны.
- Нет, погоди, — попросил он, доставая член. Он начал себя трогать, но ничего не произошло. Он просто смотрел и ласкал себя, но его член все никак не становился таким же большим, как обычно. Наконец он сдался и убрал член обратно.
- Я могу теперь одеться? — спросила я.

алисия эриан как на ладони

— Да.

Я поднялась и взяла одежду.

— Кажется, я перевозбудился, — признался он, застегивая молнию.

— Ничего, — успокоила его я. Подумала было сесть рядом с ним на кровать, но, кое-что вспомнив, направилась к шкафу. Открыв верхнюю дверцу, я вытащила оттуда серебристый ключ.

— Смотри, — сказала я, протягивая его Томасу.

— Что это?

— Вуозо, когда меня увольняли, забыли забрать свой ключ.

— Серьезно? — удивленно вскинул брови Томас.

Я кивнула.

— Можем пойти посмотреть на их котенка.

Он взял ключ и внимательно его рассмотрел.

— Но мы только на котенка посмотрим, и обратно, ладно? Я не хочу больше так пугать Зака.

— Да нам больше ничего и не надо, — ответил Томас. — Только посмотреть на котенка.

— Ну ладно, — согласилась я, и мы пошли обуваться.

Когда мы прокрались в дом, Зака в гостиной не было. Я подумала, что, может, он перекусывает на кухне, но, когда мы на цыпочках прошли туда, то никого там не обнаружили. На полу у холодильника стояла плошка с водой, а рядом — миска, вокруг которой валялись кусочки еды.

Но это было еще не все. В комнате стоял очень странный запах. Я прошла сквозь кухню и заглянула в маленькую ванную комнату позади нее. Там-то я и нашла источник запаха — кошачий лоток, засыпанный скомканным наполнителем, который сверху украшала какашка. На туалете неподалеку примостился баллончик освежителя воздуха.

Вскоре ко мне присоединился Томас. Он грыз яблоко, которое стащил из миски на кухонном столе.

— Фу-у... — протянул он, хрустя яблоком и заглядывая мне через плечо.

— Зак, наверное, у себя, — шепотом произнесла я. Томас кивнул.

— Иди ты первая, — предложил он и пропустил меня вперед.

Мы тихонько поднялись по лестнице. По пути я заглянула в спальню родителей Зака и увидела, что армейский вещмешок мистера Вуозо все так же стоит возле кровати.

— Смотри, — прошептала я Томасу, — этот мешок он возьмет, когда его призовут.

— Куда призовут? — не понял он.

— На войну, он же резервист.

— А.

— У него там презервативы, — поделилась я.

— Откуда ты знаешь?

— А я подсмотрела.

Томас помолчал.

— А как же его жена? — наконец произнес он.

Я пожала плечами.

— Вот ведь дерьмо, — сказал Томас.

Мы прошли по коридору и заглянули в комнату Зака. Я думала, он корпит там над уроками, но ничего подобного. Он устроился в гостевой спальне с “Плейбоем” в руках. Сидел он к двери спиной, так что нас заметил не сразу.

А вот котенок нас увидел. Он пристроился на постели рядом с Заком — крошечный белый комочек с голубыми глазами. При виде меня он мяукнул, но так тихо, что мы почти ничего не слышали.

— Привет, Зак, — окликнул Томас.

Зак от неожиданности подпрыгнул. Как и котенок, который мигом спрыгнул на пол и залез под кровать.

— Ну куда же ты? — расстроено ахнула я и легла на пол, чтобы вытащить его обратно.

Зак выронил журнал и слез с кровати. Лицо у него все покраснело, и он заревел.

— Чего вам от меня надо? — рыдал он, глядя на Томаса. — Вы что, убить меня хотите? Убирайтесь! Катитесь отсюда!

— Заткнись! — прикрикнула я, не вставая с пола. — Котенка напугаешь.

— Не трогайте моего котенка! — завопил Зак. — Оставьте его в покое!

— Зак, — произнес Томас, — успокойся. Просто успокойся, ладно?

Но Зак не собирался успокаиваться. Прижавшись к стене, он зарыдал пуще прежнего.

— Как вы вообще сюда попали? Вы что, дверь выломали?

Я поднялась с пола, так и не сумев дотянуться до котенка.

— Зак, — попросила его я, — давай ты помолчишь, а? Не болтай ерунду.

— Мы же просто хотели посмотреть на котенка, чувак, — протянул Томас. — Вот и все.

— Вам нельзя, — захлебываясь слезами, сказал Зак. — Он вас боится.

— Неправда, — возразил Томас, — это он тебя боится. Это же ты подпрыгнул.

— Потому что вы меня напугали, — заявил Зак.

— А бояться тебе совершенно нечего, — уверил его Томас.

— Вы вломились в мой дом!

— Ничего мы не вламывались, — не согласился Томас.

— Тогда как вы вошли?

— Дверь была открыта, — сказала я.

— Врете! — не поверил Зак. — Не может такого быть.

— Она, правда, была открыта, — произнес Томас.

Зак перевел взгляд на меня.

— У тебя что, до сих пор наши ключи? — помолчав секунду, произнес он.

— Нет, — соврала я.

— Верни их!

— Нет у меня ваших ключей, — настаивала я.

— Я все папе расскажу, — пригрозил он.

— А тут и рассказывать нечего, — сказал Томас. — Мы просто пришли посмотреть на котенка. Вот и все. Непонятно, чего из-за такой фигни шум поднимать.

Зак зашмыгал носом.

— И мы подождем, пока он не вылезет наружу, — продолжил Томас.

— Пока вы тут, он не выйдет, — заявил Зак. — Вы ему не нравитесь.

Томас оставил его слова без внимания. Взглянув на “Плейбой”, он спросил:

— Это что, твой?

— Нет, папин, — признался Зак.

— Там в шкафу еще есть, — поделилась я, и Томас пошел посмотреть.

— Ни хрена себе! — сказал он, глядя на стопку журналов. — Думаю, ты позволишь мне позаимствовать парочку?

— Ни за что! — воскликнул Зак.

Но Томас уже взял несколько журналов.

— Я завтра их верну, — пообещал он. — Может, тогда и котенок уже вылезет.

— Не смейте сюда снова приходить! — завопил Зак.

— Ну как хочешь, — согласился Томас. — Только журналы тогда я оставлю себе.

Зак уставился на него.

— Пошли, Джасира, — позвал Томас и вышел из комнаты.

— Верни ключи, а не то хуже будет, — пригрозил мне Зак.

— Дверь лучше закрывай! — бросила я и вышла вслед за Томасом.

Уже дома Томас захотел, чтобы я снова сняла штаны, а он бы еще раз попробовал кончить, но я отказалась.

— Но я же больше не злюсь, — удивился он, присаживаясь на край кровати. — Думаю, на этот раз все получится.

— Уже слишком поздно, — возразила я. — Папа скоро придет.

— И что? Чего в этом такого? Он же знает, что мы друзья.

— Ну вот такой он, что тут поделать.

— Мы же даже ничего такого не делали.

— Это не важно.

— А если твой папа вернется прямо сейчас и увидит, что мы просто болтаем?

Я задумалась на секунду.

— Разорется.

— И все?

— Ну да.

— Он ударит тебя?

— Нет.

Томас помолчал. Я не поняла, поверил он мне или нет. Кажется, я слишком быстро ответила на его вопрос.

— Ладно, я пойду, — наконец произнес он.

— Правда? — обрадовалась я.

— Да, — сказал он, вставая с постели. — Не хочу, чтобы у тебя были неприятности.

— Спасибо.

Я проводила его до входной двери, и мы поцеловались. Он просунул свой язык мне в рот, и я сделала то же, и мы долго так стояли. Мы исследовали языки друг друга целиком, лаская их по сторонам, снизу и сверху. Мы прижимались ртами все ближе и ближе, чтобы поцелуи стали еще глубже. Это было немного больно и грубо, но в то же время очень нежно, ведь мы пытались стать как можно ближе.

Вечером к нам пришли мистер Вуозо с Заком.

— Ну, за что вы хотите извиниться на этот раз? — посмеиваясь, поинтересовался папа.

— Мы не собираемся извиняться, — сказал мистер Вуозо. — Мы хотим, чтобы нам вернули ключ.

— Какой еще ключ? — не понял папа.

— Который мы дали Джасире, когда она сидела с Заком.

— Она уже вернула его вам, — заявил папа. — Вернее, вашей жене.

— Нет, не вернула, — возразил мистер Вуозо.

— Ты ведь отдала им ключи? — спросил у меня папа.

Я кивнула, не зная, что мне еще делать.

— Врет она! — возмутился Зак. — Они со своим дружком вломились к нам сегодня и испугали мою кошку.

— Каким еще дружком? — спросил папа.

— Черным таким, — объяснил Зак.

— Это правда? — повернулся ко мне папа.

Я промолчала.

— С мальчиком или девочкой? — уточнил он.

— С мальчиком, — призналась я.

Я подумала, что он меня ударит, поэтому отпрянула в сторону. Но папа просто стал тереть рукой лоб. Мистер Вуозо заметил мой испуг.

— Мы никому не хотим неприятностей, — заявил он. — Ничего страшного не случилось. Просто верни нам ключи.

А папа все смотрел на меня. Он поднял руку, и я опять инстинктивно отшатнулась.

— Что с тобой? — вдруг заорал он. — Что ты все время дергаешься?

— Не знаю, — проямлила я.

— Так прекрати!

Я взглянула на мистера Вуозо. Я хотела попросить, чтобы он не уходил. Потому что как только он уйдет, для меня настанет настоящий ад.

Мистер Вуозо глубоко вздохнул.

— Не думаю, что у них в мыслях было что-то дурное, — примиряюще сказал он. — Это же дети! Они постоянно что-нибудь вытворяют.

— Это как это?! — воскликнул Зак. — Это было проникновение со взломом!

— Зак, — произнес мистер Вуозо, — ты можешь идти домой.

— Но я... — начал Зак.

— Увидимся дома, — с нажимом сказал ему мистер Вуозо.

Зак взглянул на него, медленно повернулся и побрел к выходу. Как только он ушел, папа повернулся ко мне и сказал:

— Принеси этот ключ.

Я сделала, как он велел. На обратном пути я услышала, как они с мистером Вуозо разговаривают, и остановилась на кухне, чтобы послушать.

— Вы ударите ее, — сказал мистер Вуозо, — и я тут же позвоню в социальную службу.

— Воспитание моего ребенка вас не касается, — отрезал папа. — Воспитывайте сына, а своей дочерью я займусь сам.

— Посмейте только пальцем ее тронуть, — повторил мистер Вуозо. — Я узнаю об этом и позвоню в органы опеки. Вы меня поняли?

В этот момент я вошла в комнату и передала мистеру Вуозо ключ.

— Спасибо, — поблагодарил он.

— А теперь уходите, — велел ему папа.

— Не забудьте, что я вам сказал, — предупредил его мистер Вуозо, посмотрел на меня и ушел.

Папа захлопнул за ним дверь. Потом повернулся и поднял руку, словно собирался меня ударить. Но не ударил. Он только поднес руку так близко к моему лицу, что я была уверена, что он меня ударит. Он сделал так три раза, и каждый раз я отшатывалась назад. Потом он остановился.

— Ты под домашним арестом, — объявил он. — После школы идешь прямиком домой и носу

глава пятая

отсюда не высываешь. Я буду звонить и проверять. Если узнаю, что ты нарушила приказ, уж поверь мне, я найду способ бить тебя так, чтобы никто ничего не заметил. Поняла?

Я кивнула.

Он повернулся и ушел в спальню. Как и я. Лежа в кровати, я постоянно думала о том, что сказал мистер Вуозо. Социальная служба... Что это за служба? Может, это часть армии? Я не знала. Но мне казалось, что я понимаю, чем они занимаются, и была уверена, что папе эта служба очень бы не понравилась.

глава шестая

За три дня до Рождества мы поехали в аэропорт и встретили маму. В машине папа молчал. Мы не очень-то много разговаривали с ним с того дня, когда мистер Вуозо приходил за ключами. Я не могла понять, о чем он думает. В чем-то это было даже хуже, чем обычно. Раньше, когда наорет или отлупит, я хотя бы знала, что на этом все и закончится.

Я не была в аэропорту с прошлого лета, когда прилетела в Хьюстон. Когда мы доехали до рекламных вывесок, я заметила, что они стали другие, но все равно с сексуальным подтекстом. Я старалась не чувствовать себя виноватой, но это давалось нелегко. Хорошо бы папа что-нибудь про них сказал, пусть даже какую-нибудь гадость. Хорошо бы не делать вид, будто их не существует.

Папа поставил машину на парковке аэропорта, выключил двигатель и посмотрел на меня.

— Если хочешь вернуться в Сиракьюс к своей матери, я не буду возражать, — сказал он. Кажется, он даже не злился на меня, просто выглядел очень уставшим.

— Я не хочу обратно в Сиракьюс, — ответила я.

— Ну, может, передумаешь, когда увидишь маму.

— Не передумаю.

— Ладно, — произнес он, отстегивая ремень. — Делай, как знаешь. Похоже, я тебя контролировать не в состоянии.

По видеоэкрану в аэропорту мы поняли, что мамин самолет должен приземлиться вовремя. Мы подошли к нужному выходу и стали ждать ее в толпе других людей. Скоро самолет сел, и начали выходить пассажиры. Мама шла где-то в середине. Когда я ее увидела, то даже удивилась. Не то чтобы она изменилась или что-то еще — нет, она выглядела точно так же, как раньше. Просто я поняла, как давно ее не видела. И что я даже вроде как по ней соскучилась.

Я замахала рукой, она увидела меня, улыбнулась и помахала в ответ. Когда она дошла до нас, то нагнулась и обняла меня. Потом она встала, и я увидела, что она плачет, поэтому я тоже заплакала.

— Да успокойтесь вы, — сказал нам папа.

— Заткнись, Рифат, — ответила мама, вытирая слезы, потом обняла и поцеловала его. Папа приобнял ее за талию и скривился, будто ему это не нравится, но я-то знала, что это не так. Лицо

у него немножко расслабилось, как бывало, когда он говорил по-арабски со своей мамой по телефону.

— Где тут выдают багаж? — поинтересовалась мама, и папа повел ее за собой.

Мама шла рядом со мной, размахивая сумочкой и придерживая маленький чемоданчик. На ней были бледно-голубое вязаное платье и длинная черная шерстяная кофта. Я представила себе, как она зажарится на улице, и пожалела ее.

— Бог ты мой! — воскликнул папа, снимая с ленты три огромных чемодана, на которые ему показала мама. — Ты же всего на неделю приехала!

— Тут подарки на Рождество, — сказала мама. — Не будь таким нытиком.

— Просто чтобы ты знала, — ввернул папа, — мы с Джасирой решили на этот год обойтись без подарков.

— Почему? — удивилась мама.

— Потому что мы протестуем против решения Буша начать войну только после праздников. Это отвратительно.

— Делай, что хочешь, — отмахнулась мама.

На улице она сняла кофту и отдала ее мне.

— Так вот, значит, каков Хьюстон, — протянула она, хотя на улице стемнело и смотреть было не на что.

— Да, — подтвердил папа.

— Ну, — улыбнулась она мне, — я бы с радостью посмотрела город.

— Слушай, — начал папа, — если у тебя отпуск, это еще не значит, что и я могу отлынивать от работы. — Он поставил ее чемоданы на тележку, аренда которой стоила доллар в час.

— Ты ведь одолжишь нам с Джасирой свою машину, правда?

Папа ничего не ответил.

— И мы сами посмотрим город, — продолжила мама.

— Хьюстон — большой город, — произнес папа. — Вы тут легко можете заблудиться.

— Ничего, справимся, — уверила его мама.

По дороге домой, когда мы проехали все клубы для мужчин с их рекламными вывесками, я наконец смогла расслабиться. Как раз незадолго до того мама изумилась:

— Господи боже, сколько же в этом городе стриптиз-клубов?

— Много, — бросил папа.

— Похоже на то, — рассмеялась мама.

Дома, когда мы подъезжали к гаражу, она спросила:

— А флаг зачем?

— Я — гражданин Америки, — сказал папа, — и имею полное право вывесить флаг, если мне того хочется.

— А с чего бы тебе этого хотеть?

— Чтобы показать, что я поддерживаю войну.

Мама засмеялась:

— Ты же только что говорил, что протестуешь против войны!

— Я протестую против одного аспекта войны и поддерживаю другой, — отрезал папа. — Способность удерживать в голове две противоположные идеи — это, знаешь ли, признак высокого интеллекта.

— Ага, — хмыкнула мама.

— И я не нуждаюсь в твоём разрешении, чтобы вывешивать флаг.

— Да я ничего такого и не говорила, — удивилась мама, а потом повернулась ко мне и скорчила рожу, показывая, что папа совсем свихнулся.

Я изо всех сил старалась делать вид, будто не считаю папу чокнутым. Даже не скорчила рожу в ответ. Какой-то частью души я уже начала беспокоиться, как бы он, несмотря на мои протесты, не отослал меня с мамой. Его молчание ясно показывало — я его достала.

Мама сказала, что у нас очень красивый дом. Мы ей показали все вокруг. Единственное, что ей не понравилось — фикус, который мы украсили гирляндами.

— Завтра купим настоящую елку, — заявила она. — Решено.

— Нет, — возразил папа, — не купим. Это — часть протеста.

— Слушай, — сказала мама. — Я накупила всем подарков, истратила кучу денег, и я хочу положить их под настоящую елку. Никто же не просит тебя тратить на нее свои деньги, так что не беспокойся.

— Я так полагаю, за елкой ты отправишься на моей машине? — осведомился папа.

— А на чьей же еще? — парировала мама, и он не нашелся, что ей ответить.

У нас с мамой была общая ванная. Я убрала из-под раковины все свои захоронки и перенесла их в комнату. И правильно сделала, потому что мама первым делом заглянула именно туда.

— Отличное место для тайника, — отметила она, и я кивнула.

Вечером, после того как мы почистили зубы и умылись, мама пришла ко мне в комнату.

— Ты не думала над тем, чтобы вернуться ко мне? — спросила она.

— Думала, — соврала я.

— И?

— Мне сначала надо этот год в школе доучиться.

Она вздохнула.

— Прости, — сказала я.

— У меня никого нет. И мне очень одиноко, — призналась мама.

— Я вернусь следующим летом, — пообещала я, хоть мне этого совсем не хотелось. Она весь вечер была такой ласковой, что я чувствовала необходимость пообещать ей что-нибудь в этом роде.

— Следующим летом? — повторила она. — Но ведь это еще так не скоро!

Потом она встала и ушла к себе. Даже не поцеловала и не обняла меня на прощанье, даже

свет мне не выключила. Через пару минут я поднялась с постели и постучалась к ней.

— Да?

Я приоткрыла дверь. Мама уже лежала в кровати с книжкой.

— Ты злишься? — спросила я.

Мама перевела взгляд с книжки на меня.

— С чего мне злиться?

— С того, что я не вернусь домой.

— Переживу как-нибудь, — ответила мама.

Я не очень поняла, что она имеет в виду. То ли она и правда спокойно это переживет, то ли я должна чувствовать себя виноватой и тут же сказать ей, что я согласна ехать с ней домой.

— Спокойной ночи, Джасира, — попрощалась мама.

— Можно, я тебя поцелую? — спросила я.

— Конечно.

Я подошла к ее кровати и нагнулась. Я думала, что вот сейчас она меня обнимет, но не тут-то было. Я просто чмокнула ее, а она уже уткнулась обратно в свою книгу.

Следующим утром мама попросила папу приготовить нам его фирменные блинчики, но он отказался, сославшись на то, что ему некогда. Я их не ела со дня знакомства с Тэной.

— Тогда сделаешь нам их утром на Рождество, — решила мама.

— Посмотрим, — отозвался папа.

Папа сел в машину вместе с нами, чтобы мы его подбросили до работы. В присутствии мамы мы с ним вроде как отдыхали друг от друга. Он не мог у нее на глазах злиться и бить меня, поэтому мне не приходилось особенно следить за тем, что я говорю или делаю. Я просто сидела на заднем сиденье и смотрела на выведенные черной краской номера домов, мимо которых мы проезжали.

Вдруг папа приглушил радио и сказал:

— Если увижу хоть одну царапину, то очень-очень разозлюсь.

— Да ну? Если бы не эта твоя война, ты бы не бойкотировал Рождество, сам бы поехал за елкой и сам бы оцарапал свою машину. Так что заткнись.

Папа промолчал. Это было восхитительно — слушать, как мама так с ним говорит, а он даже не может ей ничего ответить.

— И чтобы никакой липкой смолы, — добавил папа. — Ее потом ничем не отмоешь.

— Может, хоть на секунду перестанешь всех третировать? — поинтересовалась мама, потом повернулась ко мне и спросила: — Как ты можешь с ним жить?

Я бы предпочла, чтобы она так не делала. Не вынуждала бы меня говорить папе в лицо всякие гадости. Я в таких ситуациях всегда жутко нервничаю, а тут еще папа пялился на меня через зеркальце, предвкушая, как я сейчас облажаюсь.

Наконец я проямлила:

— Я не знаю.

Папа закатил глаза и уставился на дорогу.

- Фирменный ответ, — пробурчал он.
- Как это ты не знаешь? — допытывалась мама. Я пожалала плечами.
- Прекрасно! — бросила она, разворачиваясь обратно. — Раз вы тут так спелись, можешь забрать его себе.
- Я ничего не сказала. Сидела и смотрела на дорогу между их сиденьями.
- Ты удивишься, когда узнаешь, с кем я еще спелся, — заметил папа.
- Да? — переспросила мама. — И с кем же? С твоей девушкой?
- Да, с моей девушкой.
- Рада за нее, — съязвила мама.
- Вот и хорошо, — поддакнул папа.

Оставшуюся дорогу они не проронили ни слова. Чтобы показать, как она разозлилась, мама, когда мы высадили папу у его офиса, тут же газанула, хотя он продолжал еще что-то говорить ей через водительское стекло.

- Придурок, — пробурчала она.

Я пересела на переднее сиденье и изо всех сил старалась не оборачиваться и не смотреть на папу. Я боялась, что мне станет его жалко.

Мы взяли карту, которую он нарисовал нам вчера вечером. На ней он указал базар, где, по его мнению, продавались хорошие елки, и магазин, где мы могли купить кое-что из мелочи. Скрепкой он прикрепил к карте три двадцатки, и мама велела мне положить их ей в сумочку. Когда я открыла ее кошелек, то обнаружила там фотографию Барри.

— Что это? — спросила я.

Она взглянула на меня:

— В смысле?

— Я думала, он тебе больше не нравится.

— Это я ему больше не нравлюсь, — вздохнула мама. — А это две большие разницы.

— О...

Я очень давно не видела Барри. Его растрепанные каштановые волосы и ямочку на подбородке. Я подумала, что эта фотография должна принадлежать мне, ведь я знала, что все еще нравлюсь ему.

— Убрала деньги? — спросила мама.

— Да.

— Тогда закрой кошелек, — велела она, и я послушалась.

На елочном базаре мама выбрала дорогую елку — дугласовую пихту. Продавец сказал, что иголки с нее не будут осыпаться очень долго. Он пристроил нам дерево на крышу машины, и мы отправились в магазин. Мама купила все из папиного списка, а потом спросила, не нужно ли мне чего-нибудь.

— Нет, — сказала я.

— Может, прокладки или еще чего? Ну, для месячных.

— Нет, — повторила я. — У меня есть.

Мы встали в очередь в кассу. Мама взяла со стойки журнал "Пипл" и начала читать. Меня ее визит уже начал утомлять.

По пути из магазина мама остановила тележку напротив ксерокса с сервисом самообслу-

живания. Расстегнула сумочку, достала оттуда какие-то бумаги, потом открыла крышку ксерокса и положила их туда.

— Что это ты копируешь? — поинтересовалась я.

Мама бросила в приемник несколько монеток.

— Квитанции о начислении зарплаты твоего отца, — объяснила она.

Я ничего не ответила. Просто стояла и смотрела, как копии падают в лоток для бумаги. Всего получилось три штуки, и, когда аппарат замолк, мама подняла их и сложила вдвое. Убрала их в сумку, подняла крышку ксерокса и забрала оригиналы.

— Ну, — произнесла она, — вот и все.

На парковке мы поставили все сумки на заднее сиденье. Мама села в машину, а я откатила пустую тележку в сторону. Через минуту, когда я уже сидела внутри и пристегивала ремень, она сказала:

— Только не говори об этом папе. Я понимаю, конечно, что вы с ним довольно близки, но я была бы тебе очень признательна, если бы ты держала рот на замке.

Я знала: она хочет, чтобы я начала протестовать, говорить, что вовсе мы с ним не близки, но промолчала. Вместо этого спросила:

— А откуда у тебя его квитанции?

— Из его стола, — ответила мама.

— Но там же все ящики заперты, — удивилась я.

— Заперты-то заперты, — протянула она, — но замки на них не больно-то надежные.

Я промолчала, и тогда она сказала:

— Послушай, Джасира. Мне нужно защищать себя. Твой отец, если ты еще не заметила, очень скупой человек. А если ты все-таки решишь ко мне вернуться, мне придется доказывать, что он получает хорошую зарплату. Содержание под-
ростка обходится дорого.

Я кивнула.

— Значит, будешь молчать?

— Да.

Приехав домой, мы отвязали елку и занесли ее внутрь. Подставку мы тоже купили, и я придерживала ствол, пока мама смотрела, ровно ли все стоит. Как только установили елку, то сразу сняли гирлянды с фикуса и украсили нашу пихту. Остаток дня мы провели, делая попкорн и нанизывая его на веревочки. Потом мама заявила, что она устала, и пошла спать. А я села на диван и стала есть оставшийся попкорн, глядя на елку. Я вспомнила, какая елка стояла у Томаса, — гораздо больше нашей и симпатичнее. Интересно, подумала я, есть ли у елок чувства? Если да, то наверняка наша елка не захотела бы проводить Рождество с нами.

Около четырех в дверь позвонили, и я, поставив миску с попкорном на пол, пошла открывать. Это была Мелина, и в руках она держала подарок. — Привет! — поздоровалась она. — Вот, пришла вручить тебе маленький подарок на Рождество.

— О, — произнесла я, — спасибо! — Мне стало неудобно, потому что для нее у меня подарка

не было. — Я положу его под елку, — сказала я, беря в руки коробку.

— Нет-нет, не надо. Открой прямо сейчас.

— Сейчас? — переспросила я.

— А почему бы и нет?

— Хорошо, — я начала снимать упаковку.

— Да сорви ты ее! — улыбаясь, посоветовала Мелина. Внутри оказалась большая книга под названием “Меняется тело — меняется жизнь”. На обложке красовалась фотография толпы улыбающихся подростков.

— Это чтобы ты понимала, что происходит с твоим телом, — пояснила Мелина.

— Спасибо, — поблагодарила я, листая страницы. Книжка показалась мне интересной.

— Джасира? — раздался сзади голос мамы.

Я обернулась.

Она, совсем сонная, вышла из гостиной.

— С кем ты говоришь?

— Это Мелина. Наша соседка.

— О, — сказала Мелина, — извините. Я думала, Джасира одна дома.

— Мама приехала к нам на Рождество, — объяснила я ей.

— О, — промолвила Мелина. Она, кажется, нервничала.

— Я — Гэйл, — представилась мама, протягивая руку.

— Мелина.

— Что это? — поинтересовалась мама, увидев у меня под мышкой зажатую книгу.

- Это подарок. От Мелины.
- Надеюсь, это ничего? — быстро спросила Мелина. — Я просто подумала, что такая книга будет ей полезна.
- Можно, я посмотрю? — спросила мама.
- Я не сдвинулась с места, тогда мама сама подошла и взяла у меня книгу.
- Хм, — сказала она, увидев обложку.
- Я не хотела вмешиваться, — забеспокоилась Мелина, — правда. Просто я знаю, что иногда у Джасиры возникают кое-какие вопросы.
- Неужели? — удивилась мама, потом повернулась ко мне и спросила: — У тебя возникают вопросы?
- Иногда, — призналась я.
- А почему ты мне с ними не звонишь?
- Не знаю.
- Кажется, я все испортила, — пробормотала Мелина. — Извините, пожалуйста.
- Нет-нет! — воскликнула мама, но я была уверена, что она лжет. — Вы так заботливы, это прекрасный подарок. Правда, Джасира?
- Да, — выдавила я.
- Очень, очень заботливы, — повторила мама.
- Ну, — протянула Мелина, — я, пожалуй, пойду.
- Когда у вас срок? — бодро спросила мама.
- В апреле.
- Ну, я очень за вас рада. Вы, похоже, будете чудесной мамой. Как бы то ни было, рада с вами познакомиться, — выдала тираду мама, развернулась и ушла.

- Верни мне книжку, — попросила Мелина.
- Нет, — запротестовала я. Мне хотелось оставить книгу себе.
- Отдай, — повторила она, забирая ее из моих рук.
- Но она же моя.
- Да, — согласилась Мелина, — твоя. Но давай она полежит у меня дома? А ты сможешь приходить и читать ее в любое время, когда только захочешь. Ладно?

Я знала, что она права. Просто расстроилась, ведь книжка показалась мне даже интереснее “Плейбоя”. Не по фотографиям, а по тексту.

- Ладно, — согласилась я наконец.
- Счастливого Рождества, — пожелала Мелина, наклонилась и поцеловала меня в лоб. — И прости меня.

После того как она ушла, я заглянула к маме, чтобы посмотреть, не легла ли она снова спать.

- Да? — отозвалась она на мой стук в дверь. Я вошла, и она спросила:
- А где твоя книжка?
- Мелина ее забрала.
- Почему?
- Сказала, чтоб я лучше приходила ее читать к ней домой.
- Какая разница, где ее читать? — не поняла мама.
- Не знаю.
- Нет никакой разницы, — пробормотала она.

— Нам пора забирать папу с работы, — напомнила я.

— Время еще есть, — сказала мама, взглянув на часы.

По тому, как быстро она склонилась к книжке, я поняла, что ей хочется побыть одной, и сразу же ушла.

В комнате я растянулась на постели. Рождество уже почти наступило, но мне было наплевать. Для меня Рождество ничем не отличается от других поганных выходных. Поганные они потому, что я не вижу ни Томаса, ни мистера Вуозо и выбиваюсь из привычного графика жизни. В выходные я заперта целыми днями в доме с папой, ну, или заперта с ним где-нибудь снаружи.

Теперь, с мамой, ничего особенно не изменилось. Она только и делала, что валялась на кровати и читала. Такая зануда. Непонятно, почему она мне вообще когда-то нравилась. Может, это из-за того, что мне нравился Барри, а она его со мной познакомила? Барри, по крайней мере, хотел со мной заниматься всякими делами, хоть и не самыми правильными.

Я бы хотела, чтобы Мелинина книжка оказалась сейчас у меня. Я даже представить не могла, каково это — читать про свое тело. Все, чем бы я хотела заняться, все, что мне было интересно, было мне недоступно. Я думала о том, как я ненавижу Дорри и как ей повезло, что она родится у Мелины и Гила. Все, что ей нравится,

будет у нее под рукой, в ее собственном доме. А когда она подрастет, то даже сможет читать мою дурацкую книгу.

Спустя какое-то время я услышала, как мама встала и прошла в ванную.

— Готова? — спросила она, открыв мою дверь.

— Угу, — ответила я, сидя на кровати.

— И что он за комнату тебе дал? — поразилась мама, глядя на мои пустые стены, кровать с металлической рамой и окна с белыми жалюзи. Она потрясла головой. — Это не комната для девочки!

— Мне все равно, — сказала я.

Мама скорчила рожу.

— Знаешь, Джасира, твои выступления в стиле “ах, как я люблю своего папочку” меня уже немного утомили. Хватит, слышишь? — Она развернулась и ушла.

Мы встретились в гостиной и пошли на улицу заводить машину. В тот же момент из своего дома вышел мистер Вуозо и начал снимать флаг.

— Кто это? — заинтересовалась мама, застыв у водительской двери.

— Мистер Вуозо, — объяснила я. — Помнишь? Я раньше сидела с его сыном.

— Да-да, точно, — произнесла мама, не прекращая на него смотреть. Он не надел куртку, и каждый раз, когда он дергал за канат, все его мускулы рельефно напрягались.

— Папа его не любит, — призналась я.

— Твоего отца крайне легко напугать, — сказала мама, и в этот момент мистер Вуозо заметил, что мы на него пялимся.

— Привет! — поздоровалась мама.

Он кивнул и улыбнулся.

— Пошли, — позвала меня мама, отходя от машины. — Познакомишь меня.

Я подождала секунду, а потом пошла за ней через двор Вуозо.

— Привет, — сказала я. — Это моя мама.

Мистер Вуозо смотрел на меня. Мы не виделись с тех пор, как ездили вместе в мексиканский ресторан. Иногда мы здоровались, когда встречались возле дома, но на этом все и кончалось. Я скучала по нему, ровно с того дня, когда он грозился, что вызовет социальную службу. Я все еще надеялась, что как-нибудь он снова придет и мы поедем ужинать.

— Гэйл Монахан, — представилась мама, протягивая руку.

— Трэвис Вуозо, — ответил мистер Вуозо, пожимая ее.

— Рада с вами познакомиться, Трэвис, — сказала мама, а я стала ревновать — она была достаточно взрослой, чтобы называть его по имени.

— Взаимно, — произнес он, затем повернулся ко мне и сказал: — Привет, Джасира.

— Привет.

— Как дела?

— Хорошо, спасибо.

— Точно? — переспросил он. — Все в порядке?

алисия эриан как на ладони

Я кивнула.

— Хорошо, рад слышать, — помолчав секунду, произнес он.

— Я приехала на Рождество, — заявила мама, хоть ее никто об этом и не спрашивал.

— Правда? — сказал мистер Вуозо, поворачиваясь обратно к ней.

Она кивнула.

— Мы с Джасирой не виделись с прошлого лета.

— Вы, наверное, соскучились.

Мама кивнула еще раз.

— Я пытаюсь уговорить ее вернуться вместе со мной домой.

Мистер Вуозо перевел взгляд на меня:

— Ты уезжаешь?

Я помотала головой.

— Мне сначала надо год доучиться.

— О, — произнес он.

— Ну, у нас в Сиракьюсе школы тоже есть, — заметила мама.

— Посреди учебного года, наверное, тяжело переходить в новую школу, — ответил мистер Вуозо.

— Все постоянно так делают, — пожала плечами мама.

Похоже, она снова стала такой же, как и обычно, и мне сразу полегчало. Когда она вела себя так, любить ее было гораздо труднее.

— Мы опаздываем, надо забрать папу, — напомнила я.

— Ладно, поехали, — сказала мама, взглянув на часы.

— Рад был познакомиться, — произнес мистер Вуозо.

— И я тоже, — ответила мама, развернувшись и пошла к машине.

По пути к НАСА мама начала выяснять, что же имел в виду мистер Вуозо.

— Когда это? — не поняла я.

— Когда спрашивал сто раз, все ли у тебя в порядке. Что у тебя может быть не в порядке?

— Ничего, — ответила я. — Он просто хотел быть вежливым. Люди в Техасе вообще очень дружелюбны.

— Не думаю, что он настолько дружелюбен, — заявила мама и включила радио. Через минуту она переключила новости Эн-пи-ар и настроилась на станцию классической музыки. Я усилием воли заставила себя молчать и не сказала, что папа не любит, когда трогают его радио.

Когда мы доехали до папиной работы, он уже стоял на улице вместе с Тэной. Как только он нас увидел, он схватил ее и начал целовать. Через пару секунд, когда он ее отпустил, она замахала мне рукой. Я хотела было помахать ей в ответ, но, даже не глядя, поняла, как разозлилась мама, так что я просто улыбнулась. Наконец Тэна повернулась и вошла обратно в здание.

— Как мило, — сквозь зубы сказала мама, когда папа плюхнулся на сиденье.

— Что мило? — спросил папа, хотя, дураку ясно, он все понял.

— Пошел ты, Рифат.

Папа рассмеялся:

— Не надо себя так вести, Гэйл. Я уверен, что у тебя-то куча поклонников. Ты очень красивая женщина.

Мама сделала вид, будто его не слышит. Чтобы ее развеселить, папа предложил отвести нас в пиццерию.

— Я не хочу пиццу, — заявила мама, — хочу мексиканской еды. Глупо приезжать в Техас и есть пиццу, когда можно поехать в мексиканский ресторан.

— Я не знаю тут ни одного мексиканского ресторана, — признался папа.

— Как это? Их же повсюду кучи.

— Да, но это наверняка какие-нибудь дыры.

— А я знаю один ресторан, — подала голос я.

— Что? — удивился папа.

— Где? — заинтересовалась мама.

— Он называется “У Нинфы”, — продолжила я, — но это довольно далеко.

— Нинфа? — произнес папа, опуская предлог “У”. — Откуда ты про него знаешь?

— Прочитала. В газете.

— В какой еще газете?

Я задумалась, пытаюсь вспомнить название хоть одной из папиных газет.

— В “Кроникл”.

— В ресторанном разделе?

— Да.

— Никогда не видел, чтобы ты его читала.

— Да какая разница? — не вытерпела мама. — Поехали уже.

— погоди, — сказал папа, показывая на парковку. — Я пойду позвоню и узнаю адрес.

Папа пошел к платному телефону, а вернувшись, показал нам на карте Хьюстона, где находится ресторан. Он сказал, что это и правда довольно далеко, но поехать все же стоит. Они с мамой поменялись местами, и за руль сел папа.

По пути в ресторан настроение у мамы вроде исправилось. Она заявила, что наконец-то у нее есть возможность почувствовать истинный дух Техаса. Потом они с папой поговорили про работу. Мама рассказала про конфликт, который у нее возник с одним учителем. Он плохо учил свой класс, и, когда его ученики перешли к маме, ей пришлось не только давать им свой материал, но и доучивать их за него. Папа сказал, что, по его мнению, этот учитель полный идиот и что маме надо пожаловаться на него директору. Мама ответила, что все не так просто, а папа заинтересовался, неужели ей так хочется надрываться. Мама вздохнула и призналась, что нет, не хочется.

Потом папа рассказал маме, что в марте он пойдет смотреть на запуск космического корабля, одну из деталей которого он проектировал. — Рифат! — воскликнула мама. — Это же потрясающе!

Кажется, она и правда так думала. А потом мама спросила, пойдет ли с папой Тэна, и папа не ответил.

— Она пойдет? — переспросила мама, а папа все так же молчал. — Да тебе без меня даже колледж не светил! — перешла она на крик. — А на запуск этой гребаной ракеты пойдет она?!

— Успокойся, — попробовал усмирить ее папа, но она послала его в задницу.

Когда мы приехали в ресторан, там как раз начался “счастливый час”¹, так что папа заказал себе с мамой по “Маргарите”, и мне тоже, только безалкогольную. Как я хотела, чтобы они вдвоем пошли в туалет, а я бы отпила у них из бокалов! Но, к сожалению, в туалет они выходили только по одному.

— Твоя мать такая зануда, — заявил папа, как только мама вышла из-за стола. — Не понимаю, как меня угораздило тогда на ней жениться.

А когда папа пошел в туалет, завелась мама:

— Богом клянусь, если он заставит меня заплатить половину суммы по счету, я ему в лицо брошу его чертовы квитанции.

— А ты их разве еще не вернула на место? — спросила я.

— Не беспокойся. Сегодня спрячу, — заявила она, попивая “Маргариту”.

Мамины слова заставили меня ужасно нервничать. Конечно, папа не должен бы требовать

1 Время, когда алкогольные напитки в баре продаются со скидкой.

с нее половину, ведь он сам сказал, что угощает нас, но, может, это касалось только пиццы?

Принесли еду, но я совершенно не могла на ней сосредоточиться.

— Что с тобой? — спросил папа. — Тебе не нравится?

— Нет, нравится.

Я заказала энчиладу, как и тогда, когда ужинала с мистером Вуозо.

— Тогда ешь, — велел он, и я кивнула.

Через пару минут мне попался страшно жгучий перец. Из глаз покатились слезы, и все лились и лились.

— Выпей, — сказала мама, протягивая мне стакан воды, но это не помогло.

Она велела официанту принести еще воды, но и это не сработало. Сколько бы я ни пила, рот у меня все равно горел огнем.

Родители смотрели на меня.

— Может, уже возьмешь себя в руки? — поинтересовался папа.

— Я пытаюсь, — прохрипела я севшим голосом.

— Господи, это же просто перец, — сказала мама.

— Что я могу поделать, — оправдывалась я.

Они взглянули друг на друга и скорчили рожи. Стало ясно, что они считают, будто я веду себя как ребенок и раздуваю из мухи слона, хотя даже официант ушел, чтобы позвать менеджера, и та явилась с извинениями. Эта была пожилая дама с черными с сединой волосами, и я подумала, а уж не она ли та самая Нинфа.

— Такое иногда случается, — объяснила она родителям. — Повара очень осторожны, но все равно иногда бывают промашки.

Потом она положила руку мне на спину, как будто с того момента, когда из-за нее мне стало плохо, она взяла меня под защиту.

Когда принесли счет, выяснилось, что за ужин платить не надо — ресторан взял расходы на себя.

— Посмотрите-ка, — удивился папа, расплываясь в улыбке.

— Как это мило с их стороны, — заметила мама, и папины квитанции остались лежать в сумке.

По пути домой я придерживала на коленках пакет со своей недоеденной энчиладой. Жар во рту потихоньку угасал, но, как ни странно, меня это не радовало. Мне хотелось, чтобы рот у меня по-прежнему горел огнем, ведь с ним я как будто ощущала на своей спине руку Нинфы, которая хотела, чтобы мне стало легче.

В рождественское утро папа испек нам блинчики. Потом я открыла подарки от мамы. В основном там оказалась одежда — красивая и как раз мне впору. Когда мама поняла, что у нас и в самом деле нет для нее подарков, она очень расстроилась. Она сказала папе, что думала, будто он шутит, а он удивился, с чего бы это ему шутить. Мама заявила, что уж я-то могла бы сделать ей что-нибудь хотя бы на уроке труда. Я хотела было ей напомнить, что она просила ей ничего

не дарить, но потом подумала, что это ей не очень-то понравится.

Я не знала, как мне поступить. Мне понравилась новая одежда, и я хотела бы уже что-нибудь примерить, но раз я ничего не подарила маме, у меня возникло чувство, будто и одежда эта вовсе не моя. Я бы с радостью пошла почитать к Мелине, но у нее перед домом столпилась куча незнакомых мне машин, так что я не решилась постучать к ней.

Мама поднялась к себе в комнату. Я подумала, что она опять уляжется в постель читать, но тут она вернулась с какими-то бумажками.

— Ты скупой ублюдок! — заорала она, потрясая ими перед папиным лицом. — Да без меня не видать бы тебе ни магистратуры, ни такой зарплаты! А ты мне даже сраных духов купить пожалел!

Мама швырнула бумаги на пол, и я увидела, что это папины квитанции о зарплате. Папа тут же нагнулся, чтобы их поднять.

— Где ты это взяла? — спросил он.

— Что значит “где взяла”? Там, где ты их держишь! Ты что, уже не помнишь, куда кладешь чеки на зарплату?

— Размер моего оклада тебя не касается, — заявил папа.

— Еще как касается! У нас ребенок общий! И он дорого обходится!

— Откуда у тебя ключ от моего стола?

— Мне он не нужен.

алисия эриан как на ладони

Папа перевел взгляд на меня.

— Это ты дала ей ключ? Ты нашла ключ и отдала его ей?

— Нет, — ответила я. — Я даже не знаю, где ты его хранишь.

— Я тебе не верю! — закричал папа. — Ни одному твоему слову!

— Да не давала она мне ключ! — отмахнулась от него мама. — Говорю тебе, он мне не нужен. Я пилочку для ногтей использовала.

— Нет, там хорошие замки! Их пилочкой не вскроешь! — не унимался папа.

— А я вот вскрыла. Так что отстань от нее.

— Это уже не первый раз, когда она нарушает право частной собственности, между прочим.

— Что? — не поняла мама.

— Она со своим черным дружкой вломилась в дом наших соседей.

Мама посмотрела на меня.

— О чем это он?

— Пап, — повернулась я к нему. — Я не давала ей твой ключ.

— Ей? — возмутилась мама. — Не смей говорить обо мне “ей” в моем присутствии.

— Я не давала маме твой ключ, — повторила я.

— В чей дом ты вломилась? — поинтересовалась мама.

— Вуозо, — ответил папа и рассказал ей, как все было, за исключением той части, где мистер Вуозо угрожал папе вызвать социальную службу.

— Но ты же не должна видаться с этим мальчиком, — сказала мама.

Я промолчала.

— Она делает что хочет, — развел руками папа. — Я ее контролировать не в состоянии.

— Это как это не в состоянии? А для чего еще я ее сюда отослала?

— Я не могу ее контролировать, — повторил папа. — Это все месячные, поверь мне. Она прямо как с цепи сорвалась.

— Прекрати, ты же взрослый человек! — возмутилась мама.

Папа ничего на это не сказал, только пожал плечами.

— Ну, тогда пусть возвращается домой вместе со мной, — предложила мама.

— Нет, — возразила я. — Мне надо этот год доучиться.

— Да что у тебя за навязчивая идея?

Папа вздохнул:

— Пусть живет, где хочет.

— Я хочу жить тут, — уточнила я.

— Но ты же ненавидишь своего отца! — завопила мама. — Ты сама мне говорила, по телефону.

— Неправда!

Мама повернулась к папе и заявила:

— Ты, наверное, в курсе, что, как только она сюда переехала, то только и делала, что жаловалась на тебя.

— Я не ненавижу тебя, — сказала я папе. — Такого я никогда не говорила.

Он взглянул на меня.

— Какая выборочная память, — съязвила мама.

Я была уверена, что вот сейчас папа мне врежет. И я знала, что мама тоже так думала. Но он этого не сделал. Только повернулся к маме и сказал:

— Ты вторглась в наше частное пространство.

Потом он заявил, что отправляется к Тэне, и ушел. Мама сразу же ушла к себе в комнату.

Я не хотела с ней разговаривать. Я злилась на нее за то, что она начала размахивать квитанциями, но в большей степени за то, что она соврала папе. Да, я действительно ненавидела его, когда только переехала в Хьюстон. Но я держала эти мысли при себе и никогда не произносила их вслух. А теперь я вообще передумала. Не то чтобы я полюбила папу или он мне понравился — такого я вообще себе представить не могла. Все было гораздо сложнее. Я поняла, что папе очень трудно оставаться милым и приятным. Но он все-таки пытался, и я это ценила.

Вот бы мама перестала быть такой ревливой. Я могла понять, когда ее бесило, что мы с Барри нравимся друг другу, но папа? Он же мой собственный отец. И по идее я должна ему нравиться. По большей части в это трудно верилось, но вот сегодня, например, в нем промелькнуло что-то такое, совсем малюсенькое, когда он сказал, что я могу жить там, где захочу. А мама взяла и все испортила.

Хотела бы я отправиться с папой к Тэне. Но вместо этого пошла и постучала в мамину дверь.

— Может, займемся чем-нибудь? — спросила я.

— Заходи, — позвала она.

Я открыла дверь и увидела, что она пакует чемоданы.

— Куда это ты? — удивилась я.

— Как — куда? Домой.

— У тебя же самолет только через два дня!

— Я поменяю билет.

Я молча смотрела, как она складывает одежду.

— Вызови мне такси. Справишься?

— Конечно.

— Выльется это, конечно, в копеечку, — пробормотала она, запихивая свое бледно-голубое платье в чемодан.

— Извини, — сказала я.

— Это твой последний шанс, — проронила она, — чтобы отправиться обратно домой.

Я попыталась придумать, что же мне сказать, но кроме стандартного ответа про учебу ничего в голову не шло.

— Знаешь что? — произнесла мама. — А, не важно. Просто имей в виду: я не желаю жить с тем, кто не желает жить со мной. Вызови мне уже это чертово такси.

Я спустилась на кухню и взяла телефонный справочник. Сначала посмотрела на слово “Вызов”, но там стояло “См. Такси”. В списке оказалась целая куча компаний, так что я выбрала

ту, что специализировалась на поездках в аэропорт. Когда я позвонила, мужчина на том конце провода попросил меня подождать минутку, а потом спросил наш адрес. Я ответила, и тогда он спросил, куда нужно отвезти маму.

— Такси будет через двадцать минут, — сообщил он и повесил трубку.

Я хотела пойти и рассказать маме, что справилась с поручением, ведь я раньше никогда в жизни не вызывала такси, но я знала, что ей на это наплевать. Так что я просто доложила ей, что такси приедет через двадцать минут.

Она присидела все это время у себя наверху, а потом сама отволокла вниз чемодан. Подарки мама привезла в полиэтиленовых пакетах, которые теперь, по всей видимости, уложила в один большой чемодан. Я хотела ей помочь отнести сумку или чемодан, но она отказалась. А когда вышла на улицу, то с радостью приняла помощь от водителя такси.

Я стояла на дорожке, хотя и знала, что мама не подойдет обнять или поцеловать меня. Она просто села в машину, громко хлопнув дверью. Окно было приоткрыто совсем чуть-чуть, но она не стала его трогать. На меня она даже не смотрела. Уставилась куда-то в пустоту. Я понимала, что это для нее главное — делать так, чтобы мне было плохо. Я это понимала, поэтому и не уходила в дом, а стояла и смотрела на отъезжающее такси. Мама ни разу не оглянулась и не помахала мне на прощанье.

Когда машина скрылась за горизонтом, я пошла домой и примерила кое-что из новой одежды. Там было много всяких шмоток цвета хаки, а еще юбка и несколько красивых кофточек. Я хотела позвонить папе и сказать, что мама уехала, но потом вспомнила, что он разрешил звонить Тэне только в случае экстренной необходимости. Когда вечером зазвонил телефон, я подумала, что это папа, но ошиблась.

— Джазира? — раздался женский голос.

Так странно было слышать свое имя, произнесенное через “з” вместо “с”.

— Oui? — ответила я, даже не задумываясь.

— Bonne Noël, Jasira! — поздравила меня бабушка.

— Merci, — поблагодарила я.

— C'est votre grand-mère!

— Oui, — сказала я, — je sais.

Она рассмеялась.

— Comment ça va?

— Je vais très bien, — так забавно было произносить все слова из диалогов, что мы учили на уроках по книжке “Разговорный французский”. Зубря диалоги, я была уверена, что они никогда в жизни мне не пригодятся.

— Bon, bon, — обрадовалась она.

— Ээ, — сказала я, — mon père n'est pas ici maintenant.

— Ah non?

— Non.

— Et ta mère?

— Non, — повторила я, смутившись. Я понятия не имела, знает бабушка о визите мамы или нет. А может, она вообще до сих пор уверена, что они по-прежнему женаты. Я занервничала, боясь, что ляпнула что-нибудь не то.

— Mais, tu es seule à Noël?

— Они скоро вернутся, — от переживаний я перешла на английский.

— Eh? — переспросила бабушка.

Я задумалась, а потом сказала:

— Vous pouvez téléphoner Daddy à¹, — и продиктовала номер телефона Тэны.

Бабушка все записала, а потом заявила, что не понимает, почему папы нет дома на Рождество. Я решила сделать вид, будто я ее не поняла. Она повторила еще несколько раз, но я продолжала говорить “Je ne comprends pas”². Наконец она сдалась и решила позвонить папе. Бабушка сказала,

1 — Да?

— С Рождеством тебя, Джасира!

— Спасибо.

— Это твоя бабушка.

— Да, я знаю.

— Как поживаешь?

— Хорошо.

— Чудесно.

— Папы нет сейчас дома.

— Нету?

— Нет.

— А мама дома?

— Нет.

— Как, ты осталась одна на Рождество?

— Позвоните папе по этому телефону.

2 “Я не понимаю” (фр.).

что любит меня, и я ответила, что тоже ее люблю. Не знаю, насколько это было правдой, но я просто была счастлива, что мне есть с кем поговорить.

Однако, повесив трубку, я начала нервничать. Звонок бабушки уж точно нельзя было назвать экстренным случаем. Зря я дала ей телефон Тэны. Я почти не спала той ночью, все думала, что со мной сделает папа. Правда, когда он на следующий день вернулся домой, то, кажется, совсем не злился. Особенно когда понял, что мама уже уехала.

— Скатертью дорога! — сказал он.

— Она опять пыталась заставить меня поехать с ней, но я отказалась.

Папа кивнул и наклонился, чтобы развязать шнурки.

— Бабушка тебе звонила? — спросила я.

— Да.

— Извини, что дала ей телефон Тэны.

— Не бери в голову, — сказал он, разгибаясь. — Я же знаю, какая бабушка зануда.

— Я просто не знала, что делать.

— Не бери в голову, — повторил папа.

Я подошла, чтобы обнять его. Ничего не могла с собой поделать. Не только сейчас, но и вчера, когда мне показалось, что он даже немного защищает меня от мамы. Но как только я протянула к нему руки, он ударил меня по лицу. Я упала на пол.

— Мы не обнимаемся с теми, кого ненавидим, — бросил папа и ушел к себе, захлопнув дверь.

Проснувшись следующим утром, я обнаружила у себя под глазом фингал. Я взгляд не могла оторвать от своего отражения в зеркале. Меня охватил восторг. В школе я иногда видела парней с фингалами после драки. Только посмотрев на них, все понимали, откуда у них такие синяки. А теперь, думала я, люди будут знать, что и со мной что-то случилось.

Когда я спустилась завтракать, папа взглянул на меня, но промолчал. Позже, поедая кашу, он сказал:

— Ты учти, что если тебя кто-нибудь с этим увидит, то ты не сможешь больше тут жить.

Я взглянула на него.

— Тебе придется вернуться к своей матери, — добавил папа.

Я промолчала.

— Так что показывай кому угодно, — продолжал он, — если хочешь отправиться к ней.

Остаток этой недели я провела взаперти. Когда наступил понедельник, папа позвонил в школу и сказал, что я заболела. Домашние задания он забирал на обратном пути с работы. Когда мне позвонил Томас, чтобы узнать, почему я не хожу в школу, я сказала, что у меня грипп.

— Я приду тебя навестить, — пообещал он.

— Нет, нельзя! — испугалась я. — Ты заразишься.

— Не-а, я никогда не болею.

— Тебе ко мне нельзя.

— Почему?

— Потому что, — отчаялась я. — Потому что ты черный.

— Ха-ха.

— Я серьезно, — попыталась я его убедить. — Мои родители не хотят, чтобы я дружила с черным мальчиком.

Томас замолчал.

— Я очень надеюсь, что это шутка, — наконец сказал он.

— Нет, я же тебе уже говорила.

— Зачем ты их слушаешься, когда они говорят такую чушь?

— Затем, что они мои родители.

Через секунду он повесил трубку, даже не попрощавшись.

Ужасно было открывать ему такую правду, но что я могла поделать. Я слишком боялась, что папа разозлится. Я не хотела возвращаться к маме.

Из-за домашнего ареста делать было особо нечего. Я в основном смотрела CNN, там рассказывали о подготовке к войне. Иногда изучала в зеркале свой фингал и грустила, когда он начал исчезать. Фингал был лучшим доказательством того, каков на самом деле мой папа.

В начале третьей недели он купил мне тональный крем, чтобы я замазывала жалкие остатки моего синяка. Я вернулась в школу, и, когда в обеденный перерыв попыталась сесть вместе с Томасом, он сразу схватил свой поднос и ушел.

После школы я пошла к Мелине узнать, можно ли мне почитать книгу.

— Где ты была? — спросила она. — Я вам в дверь звонила, наверное, миллион раз.

Так оно и было, но я ей не открывала.

— Я болела.

— Чем?

— Гриппом.

— Хм...

— Можно почитать книжку?

— Конечно, — разрешила Мелина и пошла в дом.

Мы вместе устроились в гостиной — Мелина на диване, а я на полу. Она взяла книжку про детей, а я читала про свое тело. Когда я дошла до главы, где рассказывалось про девственную плеву и как может быть больно при ее разрыве, я не выдержала и заплакала. Особенно в той части, где описывалось, как партнер, чтобы уменьшить боль, может немного растягивать плеву, используя палец.

— Что случилось? — забеспокоилась Мелина.

— Ничего, — ответила я, захлопывая книгу, чтобы она не увидела, про что я читала.

— Нет, не ничего.

— Я просто вспомнила о маме, — соврала я. — Я по ней скучаю.

— Угу, — явно не поверив, сказала Мелина.

Протянув руку, она взяла платок и передала его мне. Я вытерла им глаза и высморкалась.

— А это еще что? — спросила вдруг Мелина.

глава шестая

— Что?

Она указала на правую сторону моего лица.

— Похоже на синяк.

— Где? — Я сделала вид, будто не знаю.

— Это же фингал, — поняла она.

— Нет, не фингал.

— Господи Иисусе.

— Это не фингал, — настаивала я. — Я просто накрашилась в школе, а тушь расплылась.

Мелина ничего не сказала. Только смотрела на меня.

— Спасибо, что купили мне книжку, — сказала я наконец. — Она мне очень нравится.

— Пожалуйста, — откликнулась она.

— Извините, что я вам ничего не подарила.

— Да ничего страшного.

Я не знала, что мне делать, так что опять принялась за чтение. Я поняла, что Мелина отложила свою книжку, потому что не слышно было шелеста страниц. Она только странно вздыхала — как-то она мне объяснила, что такое бывает, когда Дорри изнутри сдавливает ей легкие.

глава седьмая

В день, когда началась война, папа пребывал в отличном настроении.

— Наконец-то! — радовался он за завтраком.

На кухне он включил Национальное радио, а в гостиной — CNN и постоянно срывался со своего места за столом, когда ему казалось, что по телевизору сейчас могут показать что-нибудь интересное.

— Долго это не продлится, — уверял он. — Саддама прикончат уже через пару дней.

В школе все дети были в восторге. Они говорили, что мы выкурим чурок из Кувейта. За обедом я опять попробовала подсесть к Томасу, и на этот раз он мне позволил.

— Слышал про войну? — начала разговор я.

— Ага.

Я взяла вилку и отковыряла от одного из своих равиоли половину.

— Папа говорит, что через пару дней все закончится, — поделилась я.

— Меня не волнует, что там говорит твой папаша.

— Извини.

Больше до конца обеда мы не разговаривали, но я уже радовалась, что мы хотя бы сидим вместе.

Через пару дней, когда Саддам начал стрелять разрывными ракетами по Израилю, папа впал в депрессию. По CNN показывали, как ликуют палестинцы, а папа все твердил, что это чушь.

— Куча идиотов! — кричал он. — Все, что им хватает ума показывать, — это кучу идиотов!

Еще больше он разозлился, когда по телевизору показали, как Ясир Арафат обнимается с Саддамом.

— Предатель! — процедил папа. — Мне даже хочется тебе имя поменять.

— Почему это? — не поняла я.

— Почему? Потому что тебя назвали в его честь.

— О, — промолвила я. Я этого не знала.

— Эта дурацкая идея принадлежит твоей маме. Я хотел назвать тебя Эстель.

— Какое красивое имя.

— Французское, — кивнул папа.

— А можно мне сейчас поменять имя? — заинтересовалась я.

Папа помотал головой. Разговаривая со мной, он не отрывал взгляда от телевизора.

— Слишком поздно.

— Почему?

— Просто так, — пожал плечами он. — Никто не запомнит.

Я пошла к себе в комнату и взяла лист бумаги, который весь исписала именем Эстель, вдоль и поперек. Я чувствовала себя обманщицей. Так забавно было писать его снова и снова. Эстель — французское имя. Французское — а значит, более нормальное, чем арабское.

Папа продолжал смотреть одновременно телик и слушать радио. В ту субботу после начала войны мы поехали в “К-Март”¹ за подставкой для телевизора в гостиную. Конечно, из столовой и так было видно телевизор, но папе хотелось сидеть поближе, чтобы не пропустить ни единого слова.

Я ужинала в гостиной с папой и поэтому тоже смотрела новости, в основном довольно скучные, особенно когда там рассказывали про всякие модели самолетов или виды патронов. Зато я любила смотреть на Кристиан Аманпур, потому что папа сказал, что она сексуальная. Каждый раз, когда он это повторял, мне хотелось соскочить с дивана и пуститься в пляс. Я была так счастлива, что он говорил в моем присутствии о совершенно взрослых вещах!

Я начала подумывать о том, чтобы стать журналисткой. На этой неделе собирались провести заседание редколлегии школьной газеты, и я сообщила папе, что хочу на него сходить.

1 Крупная сеть торговых центров.

— Хорошая мысль, — согласился он. — В прессе мнение арабов почти не освещают.

За выпуск газеты “Лоун стар таймс” отвечали ученики средних классов, поэтому выходила она всего раз в месяц. Курировал этот процесс мистер Джоффри, мой учитель английского. Обычно он вел себя не очень-то активно, сидел у себя за столом, пожевывая сандвич и просматривая всякие бумаги. Главным редактором газеты был мальчик по имени Чарли, с жесткими каштановыми волосами и голубыми глазами. С начала собрания он стоял у доски и спрашивал по порядку у ребят, готовы ли их статьи и интервью. Потом он поинтересовался у новичков, как нас зовут и о чем мы хотим писать. Новеньких было всего двое — я и еще одна девочка, с которой мы вместе ходили на английский. Ее звали Дениз — очень хорошенькая блондинка, правда, немножко полная. Она постоянно изрекала своим высоким голосом какие-то странные сентенции, и я была уверена, что одноклассники считают ее дурочкой. Но потом как-то заглянула в ее тетрадки и тесты и увидела, что они пестрят пятерками с плюсами.

Я подняла руку, и Чарльз указал на меня.

— Меня зовут Джасира, — представилась я. — Я хотела бы писать о войне.

Несколько ребят рассмеялись, но только не Чарльз. Он спросил:

— Какого рода статьи о войне тебя интересуют?

— Ну, — протянула я, пытаюсь придумать хоть какой-нибудь ответ. — Может, написать о резервистах и о том, каково это — когда тебя призывают на войну?

Чарльз задумался на секунду, а затем кивнул: — Интересный аспект. Обсудим это после собрания.

Потом руку подняла Дениз и сказала, что хочет писать рецензии на книги.

— У нас уже есть люди на книжное обозрение, — разочаровал ее Чарльз.

— Да-а? — протянула она. — Ну, а какие вам нужны?

— Мы подумывали начать размещать гороскопы. Справишься?

— Конечно, — обрадовалась она.

Мы с Дениз остались после заседания, чтобы переговорить с Чарльзом.

— Как думаешь, через сколько у тебя будет готова эта статья про резервистов?

— Не знаю, — призналась я. — Недели через две?

— Если справишься за полторы, попадешь в мартовский выпуск.

— Отлично.

— То же касается и твоих гороскопов, — повернулся он к Дениз.

Она кивнула.

— А мне их что, просто выдумать, да?

— Конечно, — кивнул Чарльз, — только постарайся сперва разузнать что-нибудь о знаках

зодиака. Ну, то есть вот Девы, например, всегда нервничают, так что напиши, как им будет тяжело, но что в районе четырнадцатого числа случится что-то, что позволит им расслабиться. Понимаешь?

— Вроде того, — захихикала Дениз.

Переговорив с Чарльзом, мы с Дениз вместе пошли из школы. Я никогда раньше не задумывалась о том, чтобы дружить с ней, ведь у нее был такой странный голос и все вокруг постоянно над ней потешались. Но я и сама была не очень-то популярной в школе. А тут вдруг обнаружила, что с ней довольно легко общаться.

— А почему ты решила писать для газеты? — поинтересовалась она.

Я пожала плечами.

— Я подумываю о том, чтобы стать журналисткой, когда вырасту.

— О, — произнесла она и, помолчав секунду, сказала: — А знаешь, почему я туда пришла?

— Почему?

— Только не говори никому, — предупредила Дениз.

— Не буду.

— Я влюблена в мистера Джоффри. И я хотела бы заняться с ним сексом.

— Серьезно? — удивилась я.

Мистер Джоффри был коротышкой с маленькими глазками, которые он прятал за круглыми очками. За все сегодняшнее собрание он не сказал ни единого слова.

- Он такой сексуальный, — поделилась Дениз.
- Что-то я не заметила, — призналась я.
- Ну и хорошо, — нисколько не расстроилась Дениз. — Мне конкуренция не нужна.

Мы вышли на улицу, чтобы сесть на автобус. Я переходила через дорогу и заметила приближающуюся машину, только когда Дениз вдруг схватила меня за руку и заорала: “Стой!”

- Упс, — произнесла я, останавливаясь.
- Все, можешь идти, — разрешила она, как только машина проехала.

Я заметила, что она не выпускала мою руку еще пару секунд, отчего мне показалось, будто мы с ней знакомы уже сто лет.

У дома я увидела Зака с его кошкой. Он прогуливался туда-сюда по улице с котенком в ошейнике и на поводке. Правда, котенок не особо активно гулял. Когда Зак тянул поводок, он или останавливался, или ложился на землю.

- Может, дашь ему погулять без поводка? — поинтересовалась я.
- Не хочу, чтобы он сбежал.
- Не сбежит, он слишком маленький.
- Ты ничего не понимаешь, — заявил Зак.
- Отстегни поводок и дай ему погулять, а если убежит слишком далеко, ты сразу егохватишь.

Зак подумал минутку и согласился с моим предложением, чем чрезмерно меня удивил. Кошка наконец начала прохаживаться по лужайке и нюхать все вокруг. Я хотела было сказать что-то вроде: “Я же говорила!” — но

усилием воли сдержалась. Вместо этого я спросила:

— А твоего папу еще не призвали?

— Нет, — ответил Зак.

— Ну, — замялась я, — я просто пишу статью для школьной газеты, про резервистов. Мне бы надо взять у него интервью.

Зак промолчал. Он смотрел на котенка, который качал головой, следя за движениями маленькой птички.

— Как думаешь, он будет не против? — спросила я.

— Может, и нет. Если не очень занят будет.

— Клево.

Котенок прыгнул, пытаясь поймать птицу, и Зак, наступив на поводок, придушил его немного.

— Осторожно! — предупредила я. — Ты ему больно делаешь.

— Дурацкая идея, — пробурчал Зак, пристегивая поводок обратно.

Котенок в знак протеста тут же повалился на траву, так что Заку пришлось буквально тащить его за собой.

Дома я уселась за обеденным столом смотреть по телику сюжеты про войну. Заодно я составила список вопросов для мистера Вуозо.

1. Боятесь ли вы, что вас убьют?

2. Как вы думаете, вы убьете какого-нибудь иракца?

3. Что вы возьмете с собой из дома?

4. Будет ли к вам приезжать в гости жена?

5. Можно ли вам получать посылки?

6. Как вы считаете, это война за нефть?

Пока я писала, на экране возникла Кристиан Аманпур, и мне подумалось, как здорово было бы получить такой же желто-коричневый жилет с кучей кармашков.

Когда домой вернулся папа и я рассказала ему, как прошло собрание школьной газеты, он все одобрил. А когда я поделилась с ним идеей статьи о резервистах, он впал в бешенство.

— И как же это отображает арабский взгляд на проблему? — спросил он. — Вот ты живешь с отцом-арабом и при этом хочешь брать интервью у нашего соседа-подонка! Что это за идиотизм?!

— А вдруг мистера Вуозо призовут? — убеждала его я. — Я ведь тогда не смогу взять у него интервью. Поэтому я и хочу сделать это сейчас, пока это еще возможно.

— Делай что хочешь, — пробормотал папа и пошел к холодильнику за пивом.

— После него я у тебя интервью возьму, — пообещала я.

— Арабская перспектива, — произнес он, открывая банку “Хайнекена”, — вот чего нет в новостях. Ты могла бы это изменить, но ты предпочла не напрягаться.

Когда я вечером стояла у раковины и мыла тарелки, зазвонил телефон. Папа отложил полотенце и поднял трубку.

— Это тебя, — позвал он, и я стянула резиновые перчатки, чтобы взять трубку.

Судя по тому, какое злобное лицо стало у папы, я подумала, что звонит мама, но ошиблась.

— Джасира? — раздался мужской голос.

— Да?

— Это мистер Вузо, — представился он и, когда я никак не отреагировала, добавил: — Твой сосед.

— Да, я знаю. — Я боялась говорить с ним, пока папа стоял рядом и пялился на меня.

— Как поживаешь? — поинтересовался мистер Вузо.

— Спасибо, хорошо.

— Прекрасно, — обрадовался он, — а то я немного волновался. Давно тебя не видел.

— Я болела.

— Чем?

— Гриппом.

— О, — произнес он.

— Но мне уже лучше, — поспешила добавить я.

— Слушай, — продолжил он, — тут Зак что-то говорил насчет того, что ты хотела взять у меня интервью для школьной газеты...

— Да, — подтвердила я, — я хочу написать статью о резервистах.

— Отлично, я согласен. Когда тебе удобно?

— Даже не знаю.

— Может, в субботу? — предложил мистер Вузо. — Зак с мамой повезут котенка к ветеринару, так что ты приходи.

- Договорились.
- Давай где-нибудь в полдень, хорошо?
- Конечно.
- Надеюсь, меня до этого момента не призовут, — засмеялся он.
- Я тоже на это надеюсь.
- На что это ты надеешься? — поинтересовался папа, как только я положила трубку. Он все еще стоял со своим полотенцем в руках и не спускал с меня глаз.
- На то, что мистера Вуозо не призовут до нашего интервью, — объяснила я.
- Мне пришлось обойти его, чтобы добраться до раковины и помыть посуду.
- Ты следи получше за языком, когда с ним разговариваешь, — посоветовал папа.
- Да я просто задам ему пару вопросов, каково это — быть резервистом, и все.
- Он уж небось возомнил, что он защитник общественных устоев, — пробурчал папа.
- Я не совсем поняла, что это значит, но переспрашивать не решилась.
- На следующий день в школе Дениз спросила, не хочу ли я прийти к ней на выходных, чтобы поработать над статьями.
- Я не могу, — отказалась я, объяснив, что в субботу днем должна брать интервью у мистера Вуозо.
- Ну, тогда я к тебе приду, — предложила она, — после интервью. Могу остаться с ночевкой, если ты не против.

— Хм, — произнесла я, — мне надо спросить разрешения.

— Конечно, — согласилась она и записала свой номер телефона на бумажке, чтобы вечером я ей позвонила.

Обедала я в кафетерии снова с Томасом.

— Чего тебе надо? — спросил он, как только я отодвинула себе стул.

— Ничего.

— А чего это ты со мной сидишь, это же запрещено? — поинтересовался он.

— Мои родители же не знают, что я делаю в школе.

— Ого, — восхитился Томас, — какая ты храбрая. Нарушаешь запреты своих родителей, когда они не могут за тобой проследить. Я просто в восторге.

Он засунул полосатую трубочку в пакет с молоком и сделал большой глоток.

— Я могу поесть и за другим столом, — заметила я.

Томас поставил пакет на стол, так ничего и не ответив.

— Мне уйти?

— Иди ты знаешь куда, — отозвался он.

— Не ругайся на меня.

— Заткнись.

Я все-таки решила остаться. Я знала, что иногда, когда кто-нибудь на тебя сердится, нужно сидеть на месте и терпеть. Как, например, было с моей мамой, когда она заказывала такси в аэро-

порт. Я надеялась, что к концу обеда Томасу стало немножко легче оттого, что он помучил меня своим молчанием.

Вечером за ужином я поинтересовалась у папы, можно ли мне пригласить в субботу друга с ночевкой.

— Какого еще друга? — спросил папа, сидя в кресле перед низеньким столиком с едой. Он поджарил два стейка на решетке и сделал салат. У меня, в отличие от папы, вся тарелка была усыпана серыми комочками непрожеванных жилок. Правда, оставалось неясным, то ли это из-за того, что папа жует лучше, то ли из-за того, что он взял себе кусок получше.

— Девочку из газеты, — объяснила я и, подумав, добавила: — Белую.

— Не говори глупостей, мне не важно, какого цвета у нее кожа. Даже не смей делать из меня расиста, я ведь от всего сердца желаю тебе только добра.

Несомненный плюс столика был в том, что я сидела на диване, а папа в кресле, притом слишком далеко, чтобы дотянуться до меня и дать пощечину. Если бы не стол, папа бы вполне мог это сделать.

— Можешь сколько угодно приглашать к себе подружек, — кипятился он. — Я не расист!

— Конечно, извини.

До конца вечера мы смотрели новости, и папа все больше и больше бесился из-за “Скадов”¹,

1 “Скад” — баллистическая ракета, производившаяся в СССР.

которыми Саддам все стрелял и стрелял по израильтянам. По телевизору показали, как рады этому палестинцы.

— Это не арабская перспектива! — завопил папа.

Каждый день он просыпался с надеждой, что американцы убьют Саддама. Он думал, что тогда-то ракет больше не будет и у палестинцев не останется поводов для радости. Казалось, что смерть Саддама — единственное, чего он ждал от этой войны. Он швырялся скорлупками от фисташек в экран телевизора, когда там показывали танцующих счастливых палестинцев.

— Это не настоящие новости! — кричал он. — Все знают, что они ненавидят евреев! Покажите мне правду!

Я не очень-то понимала, в чем там дело между палестинцами и евреями. Я знала, что евреи пережили холокост и что это было просто ужасно, но что случилось у палестинцев, я не знала. Когда я спросила об этом у папы, он заявил:

— Если бы ты брала интервью у меня, я бы тебе все объяснил. Мне очень жаль, что ты приняла другое решение.

В субботу утром папа повез меня в магазин, чтобы купить еды для нас с Дениз. По дороге он слушал радиопередачу про войну и каждый раз, когда там говорили что-то, что его злило (как, например, то, что израильтяне хотели

вступить в войну), он выключал приемник. Через минуту он включал его обратно. Еще ему не нравилось, когда начинали обсуждать доктрину Пауэлла, которая призывала не убивать Саддама, а только выбить иракцев из Кувейта и вернуться домой.

— Колин Пауэлл, — злился папа, в сотый раз выключая радио, — самый выдающийся идиот, какой только может быть на свете. Он же все испортит! Он все делает не так.

— Может, тебе стоит написать об этом президенту? — предложила я.

— Вообще-то, — сообщил папа, — я уже писал президенту.

— Серьезно?

Он кивнул.

— А о чем ты писал?

— Ты что, берешь у меня интервью? Ты же собиралась беседовать с резервистом.

— Да, ну и что?

— А то, — протянул папа. — Вот когда решишь взять интервью у меня, тогда я тебе и расскажу, о чем писал президенту.

Я промолчала. Хорошо бы он прекратил так себя вести.

— Не сиди с надутым видом.

— Я не сижу.

Для нас с Дениз я взяла коку, чипсы “Доритос”, яблочный пирог, мороженое, шоколадки “Херши”, кукурузные чипсы “Баглз” и готовые макароны с сыром. Папа, глядя на это, заметил,

что нам будет плохо, но безропотно все купил. Когда, уже дома, мы разбирали сумки, позвонила мама.

— Привет, Гэйл, — поздоровался папа. — Что случилось?

Он помолчал секунду, пока она говорила, а потом переспросил:

— Джасиру? Она тут рядом, поговори с ней, если хочешь. Я-то не горю желанием с тобой болтать.

Он передал мне трубку, но когда я поднесла ее к уху, услышала, что мама все еще продолжает что-то говорить папе.

— Это я, — сказала я.

Мама умолкла на секунду.

— Вот ведь сукин сын, — продолжила она.

— Привет, мам, — поздоровалась я, стараясь говорить как можно приветливее.

— Привет.

— Хорошо долетела?

— Нормально.

Обо мне она ничего не спросила, так что я взяла инициативу в свои руки.

— А я теперь в школьной газете работаю, — похвасталась я.

— Неужели?

— Я хочу взять интервью у мистера Вуозо, о резервистах.

— Это его папа терпеть не может?

— Угу.

— Чудненько, — рассмеялась мама.

- Может, я когда-нибудь стану журналисткой, — поделилась я.
- Ну, это может быть очень почетной профессией.
- Я пришлю тебе копию статьи, когда она выйдет.
- Спасибо.
- Пожалуйста.
- А у меня теперь новый бойфренд, — призналась мама.
- Правда?
- Его зовут Ричард. Он работает психологом у нас в школе.
- О, — произнесла я.
- Он прекрасно ладит с детьми. Отлично подходит для такой работы.

Мы поболтали еще пару минут, и я заглянула к папе в гостиную, чтобы сказать, что я иду к мистеру Вуозо.

- Делай что хочешь, — буркнул он.

Чарльз одолжил мне школьный магнитофон, и я взяла его с собой вместе со списком вопросов. Кроме этого, он еще дал мне фотоаппарат из кабинета аудиовизуальных средств обучения и велел снять мистера Вуозо, желательно в военной форме и на фоне развевающегося флага.

На подходе к дому Вуозо я увидела Мелину — она вышла забрать почту. На ней были зеленые штаны, совсем как у врачей, вьетнамки и красная кофта с капюшоном, которая обтягивала ей живот.

— Приветик, — окликнула она меня.

Мелина всегда говорит “привет” вместо “здравствуй”.

— Приветик, — поздоровалась и я. Я мечтала стать такой же техасской девчонкой, как она.

Я уже подходила к дорожке у дома Вуозо, когда она сказала:

— А их, кажется, дома нет. Я видела, как пару минут назад машина отъехала.

— Это, наверное, миссис Вуозо и Зак, — объяснила я. — Они повезли котенка к ветеринару.

Мелина удивленно вскинула брови.

— Правда?

Я кивнула.

— А мистер Вуозо дома. Я как раз иду брать у него интервью для школьной газеты. О жизни резервистов.

— И ты будешь разговаривать с ним совершенно одна?

— Угу, — кивнула я и, встряхнув портфель, добавила: — У меня и магнитофон есть.

— А твой папа в курсе? — поинтересовалась Мелина.

— Да.

— Он знает, что ты идешь в дом к Вуозо, когда Зак и его мама уехали?

— Это же наилучшее время, чтобы взять интервью, — объяснила я. — В доме тихо.

— Это он тебе так сказал? — спросила Мелина.

Я кивнула, хоть и не помнила точно, как проходил наш с ним разговор. Даже если он кон-

кретно таких слов не говорил, он наверняка имел это в виду.

— Значит, твой папа не знает, — подвела итог Мелина.

— Он знает, что я пошла брать у него интервью, — повторила я. — Да что тут такого-то?

— Джасира, мистер Вуозо — взрослый мужчина. А взрослые мужчины не должны беседовать у себя дома наедине с тринадцатилетними девочками. Понимаешь?

— Но это же просто интервью, — вздохнула я. — Господи боже.

— Он взрослый мужчина, к тому же извращенец, и он читает “Плейбой”.

Я промолчала.

— А ты не можешь взять это интервью по телефону? — предложила она.

— Нет.

Я хотела добавить, что мне еще нужно его сфотографировать, но решила, что не стоит. Почему-то мне показалось, что если Мелина узнает о фотоаппарате у меня в сумке, то точно меня никуда непустит. Вместо этого я сказала:

— Магнитофон не сможет записать его слова по телефону.

— Ты заставляешь меня беспокоиться, — вздохнула Мелина.

— Почему?

— Потому что мне кажется, что ты врешь, вот почему.

— Я не вру.

— Если с тобой что-нибудь случится, я себе этого никогда не прощу.

— Ничего со мной не случится, — заявила я, подумав про себя, что это “что-нибудь” уже давно случилось.

Поднимаясь по ступенькам, я чувствовала, что Мелина смотрит мне в спину. Я постучала в дверь, и мне открыл мистер Вуозо, который, кажется, был очень рад меня видеть. Правда, когда он заметил Мелину на своем дворе, радость его куда-то улетучилась.

— Чего ей надо? — спросил он у меня.

— Понятия не имею, — ответила я и обернулась, чтобы взглянуть на Мелину.

— Привет, Трэвис, — поздоровалась она. — Удачи вам с интервью.

— Спасибо, — отозвался он, потом взглянул на меня и попросил: — Может, внутрь пойдём? Она меня нервирует.

Мистер Вуозо закрыл за мной дверь, и мы оказались напротив друг друга. Мне всегда хотелось схватиться за его бицепс, и чтобы он поднял меня в воздух одним движением руки. Я пару раз видела, как он проделывал такое с Заком, как будто тот был какой-нибудь гантелью. Как бы то ни было, я не дотронулась до его рук. Я вообще до него не дотрагивалась, как и он. Он только долго-долго смотрел на меня и мое тело.

Наконец он заговорил:

— Может, хочешь чего-нибудь выпить? Или поесть? Хочешь есть?

— Нет, спасибо, — отказалась я.

— А чем там твой папа занят?

— Смотрит войну по телику.

— А он знает, что ты тут? — поинтересовался мистер Вуозо.

Я кивнула.

— И он ревнует. Папа считает, что я должна была взять интервью у него, а не у вас.

Мистер Вуозо рассмеялся:

— Неужели? Это зачем же?

— Чтобы показать арабскую точку зрения.

— Арабскую точку зрения? — переспросил мистер Вуозо и покачал головой. — Вот в этом-то все и дело.

— В чем? — не поняла я.

— Давай не будем об этом.

— Почему?

— Ты же хотела поговорить про жизнь резервистов, — заметил мистер Вуозо.

— Да.

— Ну так давай начнем.

— Ладно, — согласилась я и уселась на конец дивана.

— Что это у тебя тут? — поинтересовался он, показывая на рюкзак.

Я вытащила оттуда магнитофон, микрофон и фотоаппарат и разложила все это на длинном прямоугольном журнальном столике.

— А, — понял мистер Вуозо, — орудия труда.

— Мне потом нужно будет вас сфотографировать в форме, — предупредила я.

— Конечно.

— У вас тут есть куда магнитофон включить?

— Угу.

Мистер Вуозо подошел, забрал у меня шнур и встал на колени рядом со мной, засунув голову под столик. Одной щекой он прикоснулся к моей ноге и, прежде чем я решила, убирать мне ногу или нет, уже вылез из-под стола.

— Проверь, работает? — попросил он, сидя на корточках.

Я нажала одновременно кнопки “Play” и “Record” и произнесла: “Раз-два-три” — так делал Чарльз в школе. Потом я перемотала кассету и услышала свой голос.

— Звучит неплохо, — одобрил мистер Вуозо, поднимаясь с колен.

Я кивнула.

— Где мне сесть? — поинтересовался он.

— Шнур у микрофона не очень длинный, к сожалению, — ответила я.

Он кивнул и подвинулся ко мне поближе.

— Но все-таки не настолько короткий, — заметила я.

Он отсел обратно.

Я взяла список вопросов и перечитала его. Мистер Вуозо попытался было заглянуть мне через плечо, чтобы их увидеть, но я велела ему не смотреть.

— Прости, — извинился он, отодвигаясь.

— Готовы? — спросила я.

— Готов.

Я наклонилась и включила магнитофон на запись.

— Вы боитесь идти на войну? — задала я первый вопрос, говоря в микрофон. Затем я протянула его мистеру Вуозо, чтобы он мог ответить.

Подумав секунду, он ответил:

— Нет, не боюсь.

Я поднесла микрофон обратно к себе и спросила:

— А почему? — И снова микрофон оказался у мистера Вуозо.

— Понимаешь, — заговорил он, — я ведь не в действующих войсках.

— А чем вы тогда там занимаетесь?

— Ну, это что-то вроде гуманитарной помощи. Мы доставляем воду и все в таком духе.

— А как же газ?

— А что газ? — не понял он.

— Саддам сказал, что отравит газом все войска.

Мистер Вуозо пожал плечами:

— Значит, я надену противогаз.

— А если он не поможет? — настаивала я.

— Поможет.

— А папа считает, что не поможет, — продолжала я, — он говорит, что газ слишком мощный.

— Ну, — протянул мистер Вуозо, — я не ожидал ничего другого от человека, который обожает Саддама.

— Папа не любит Саддама!

— Как скажешь.

— И то, что вы утверждаете обратное, — заявила я, — говорит о том, что вы сделали такое предположение, исходя из его национальности. А это — расизм. Так же, как называть нас чурками.

Мистер Вуозо нагнулся и выключил магнитофон.

— Послушай, я не знал, что ты будешь спрашивать меня о таких вещах. Тыставляешь меня в невыгодном свете.

— Не делайте так, — велела я и снова включила магнитофон на запись.

Мистер Вуозо сел обратно.

— Папа не любит Саддама, — произнесла я в микрофон и протянула его мистеру Вуозо.

— Ладно. Он не любит Саддама.

— Он мечтает о его смерти больше, чем вы сами, — добавила я.

— Ладно, — повторил он.

Не знаю, почему я бросилась так защищать папу. Скорее всего, мне просто нравилось командовать мистером Вуозо, ведь он-то мне ничего не мог сделать.

— Готовы ко второму вопросу? — поинтересовалась я.

— Да, пожалуйста, — кивнул он.

— Так, — задумалась я, — зачем вам презервативы в вещмешке, вы ведь женаты?

Мистер Вуозо выхватил микрофон из моих рук, наклонился и снова выключил магнитофон.

- Ты откуда, черт побери, об этом узнала?
- Я подсмотрела.
- Тебе кто-нибудь разрешал это делать? Копаться в моих вещах?
- Я промолчала.
- Господи Иисусе... — Он откинулся на спинку дивана и начал тереть лицо руками.
- Так зачем вы их с собой берете? — спросила я, несмотря на то что запись уже не велась.
- А с чего ты взяла, что я их с собой возьму? — парировал он.
- Я взглянула на него. В руках у него все еще был микрофон.
- Послушай, — решил он, — или задавай мне нормальные вопросы, или вообще все это прекратим.
- Ладно, — согласилась я, забирая у него микрофон и включая запись. После этого я задавала ему только “нормальные” вопросы, например, каково это — каждый день ждать призыва, или на кого он оставит свой магазин, и кто будет поднимать и опускать флаг перед домом. Когда вопросы у меня закончились, я выключила магнитофон.
- Мне пойти переодеться? — спросил мистер Вуозо.
- Да.
- Он помялся секунду и спросил:
- Хочешь со мной?
- Зачем?
- Не знаю, — ответил он. — Не важно.

Он поднялся с дивана и пошел наверх.

Пока его не было, я думала о том, как он в эту самую секунду стоит в своей комнате и раздевается. Интересно, чем бы мы занимались, если бы я согласилась подняться с ним наверх? Мы использовали бы его презервативы до того, как он уехал в Ирак. Из фильмов я знала, что, когда мужчина уходит на войну, его любимая девушка должна заняться с ним сексом. Он ведь может уже не вернуться домой, и секс станет для него приятным воспоминанием перед тем, как его убьют. С другой стороны, мистер Вуозо сам сказал, что никакого отношения к боям иметь не будет.

Я выключила магнитофон из розетки и убрала его в рюкзак, затем достала фотоаппарат. В нем использовалась тридцатипятимиллиметровая пленка, я с такими раньше не сталкивалась. Еще там был встроен датчик света, и, когда нужно было снимать со вспышкой, начинала мигать красная лампочка.

Пока я вставляла пленку, спустился мистер Вуозо, уже нарядившийся в зеленую форму, такую же, какую я видела у него в шкафу вместе со стопкой "Плейбоя".

— Ну, как я выгляжу? — поинтересовался он.

— Нормально, — ответила я, захлопывая заднюю крышку фотоаппарата.

— Нормально, — повторил он и засмеялся: — Ого.

— Пойдемте на улицу?

Он кивнул:

— Пошли.

Выйдя на крыльцо, мы увидели Мелину, которая сидела на лужайке перед домом, вытянув и скрестив ноги. С того момента, когда мы видели ее в последний раз, она уже успела немножко передвинуться в сторону.

— Привет, — сказала она. — Как прошло интервью?

— Э-э... — произнесла я, немного удивившись. — Хорошо.

Мистер Вуозо ничего не сказал, только посмотрел на нее секунду и пошел к флагу, который развевался на противоположном конце лужайки.

— Мне еще надо мистера Вуозо сфотографировать, — добавила я.

— Конечно-конечно.

— Джасира, тут хорошо? — окликнул меня мистер Вуозо, позирующий прямо перед флагштоком.

— Да, смотрится отлично! — отозвалась я.

— Какой хороший фотоаппарат, — заметила Мелина.

— Это мне в школе одолжили, — объяснила я.

— Здорово, — кивнула она.

Я пошла в сторону улицы и переступила через бордюр, чтобы в кадре уместились и мистер Вуозо, и флаг.

— На счет “три”! — крикнула я и начала считать.

На счет “три” мистер Вуозо выглядел точно так же, как и на “один”: руки по швам, рот сжат, ноги сдвинуты вместе. Я сделала пару снимков, а затем вернулась на лужайку.

— Все, я закончила.

Мистер Вуозо сразу расслабился, и я пожалела, что не могу снять его таким.

— Спасибо, — сказал он и повернулся, чтобы идти в дом.

— До встречи, Трэвис, — попрощалась Мелина, все еще восседая на лужайке.

Мистер Вуозо остановился и посмотрел на нее сверху вниз.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — поинтересовался он.

— Я жду Джасиру, — объяснила Мелина.

— Я сейчас, мне только магнитофон надо забрать, — поспешила сказать я.

— Не торопись, мне все равно без посторонней помощи не встать.

Мистер Вуозо направился к входной двери, а я проследовала за ним. Как только мы вошли, он, разъяренный, повернулся ко мне.

— Да что с ней, черт возьми, такое? Ты что, ей что-то рассказала?

— Нет.

— Тогда какого хрена она меня преследует?

— Я не знаю! — воскликнула я.

— В твоих же интересах ей ничего не рассказывать, — предупредил он.

— Хватит на меня орать!

Он умолк.

— И ничего я ей не говорила, — продолжила я, — я никому не говорила. Могла бы, но не стала. И вы не имеете права на меня кричать.

Мистер Вуозо вздохнул и потер лоб.

— Конечно, — произнес он, — извини.

— Я иду домой, — сообщила я, укладывая фотоаппарат в рюкзак.

— Эта сука все портит.

— Она не сука! — возмутилась я.

— Натуральная.

— Она мне нравится, и мы с ней дружим, — добавила я.

— У нас с тобой совершенно нет возможности побыть наедине, — пожаловался он. — И вот представился такой шанс, а она все портит.

Я взглянула на него:

— А зачем вы хотите быть со мной наедине?

— О господи, — вздохнул он. — Я не знаю.

— Чтобы опять сделать мне больно? — предположила я.

— Нет, конечно, нет.

Мне сразу стало хорошо. Оттого, что он понимал, насколько плохо поступил со мной. Я захотела сделать ему что-нибудь приятное и поэтому сказала:

— В марте мой папа уезжает на мыс Канаверал.

— Правда?

Я кивнула.

— И что, ты совсем одна останешься?

— Судя по всему.

- Ну, ты тогда совсем, значит, взрослая будешь.
- Я и так уже взрослая.
- Мистер Вуозо промолчал.
- Помните? — спросила я.
- Да, — тихо произнес он. — Тысячу раз да.
- Мне пора, — сказала я, подхватывая сумку. — Спасибо за интервью.

Мы стали смотреть друг на друга, очень долго, как будто играли в гляделки. В конце концов он снял свою шляпу и стал комкать ее в руках.

- Надеюсь, меня не призовут до марта, — сказал он.
- Я тоже на это надеюсь, — ответила я, развернулась и ушла.

Как я и предполагала, Мелина ждала меня на лужайке.

- Вот видите? Я же сказала, что выйду через минуту.
- Помогите мне встать, — попросила она.
- Я бросила сумку на землю, чтобы схватить ее за обе руки. Когда я потянула Мелину наверх, на какую-то долю секунды мне показалось, будто сейчас мы обе рухнем на землю, но вместо этого нас просто покачало немножко, как ваньку-встаньку. Я поднатужилась еще немного, или, может, это Мелина постаралась, но, как бы то ни было, она поднялась.
- Спасибо, — поблагодарила она, отряхивая попу от пыли.
- Пожалуйста.
- Я тут долго сидела, — поделилась она.

- Ну, не так уж и долго.
- Мне показалось, что очень.
- Ну, — решила я, — мне пора. Ко мне скоро гости придут.
- Кто, Томас? — поинтересовалась она.
- Нет, Дениз.
- Здорово, — произнесла она. — Девочка.
- Ну, пока, — попрощалась я и пошла к дому.
- Какого бреда он тебе наговорил? — поинтересовался папа, как только я вошла в дверь.

Он сидел в кресле перед столиком и ел орехи.

- Не знаю, — ответила я. — Я просто задавала ему вопросы, а он мне отвечал.
- Дай мне кассету, — потребовал папа, — я хочу послушать.
- Что?
- Хочу услышать, что за лапшу он вешал тебе на уши.
- Нет, — возразила я, — нельзя.
- Это еще почему?
- Потому что, — объясняла я. — Потому что это частная запись.
- Частная? У тебя не может быть ничего частного.
- Это конфиденциально, — заявила я, — вот что я хотела сказать. Я ведь журналист.

Папа рассмеялся:

- Ты не журналист. Ты ребенок. Так что давай сюда кассету.

Я взглянула на сумку. Невозможно было даже представить, как папа отреагирует на эту запись.

И дело даже не в том, что я говорила. Дело в том, как я обращалась с мистером Вуозо. Как будто бы я им командовала.

— Неси сюда, — велел папа, отодвигая орешки на край стола. — Тут и розетка есть.

Когда я так и не сдвинулась с места, он отставил столик подальше и начал вставать с кресла. Я сделала шаг назад, и тут вдруг раздался звонок в дверь.

— Я открою, — быстро произнесла я и пошла вместе с сумкой к двери.

Звонила Дениз.

— Привет, — поздоровалась она, — не страшно, что я так рано? У моей мамы кое-какие дела возникли, так что она подбросила меня к вам.

— Нет, — сказала я, — все в порядке.

Дениз стояла на ступеньках с маленьким рюкзачком в руках. Мне нравилось, что она всегда использовала косметику: румяна, помаду и тени для глаз кремового оттенка. А карандаш для глаз она всегда наносила так, чтобы между синей подводкой и краем века оставалась тонкая полоска кожи. Кажется, она так делала специально, но я не очень понимала зачем.

— Заходи, — пригласила я, отступая вглубь дома.

— Спасибо.

— Пап, — позвала я, закрывая дверь, — это Дениз.

— Привет! — поздоровалась она, махая рукой.

Папа все еще стоял посреди гостиной, ждал, когда я отдам ему сумку.

— Очень рад с тобой познакомиться, — сказал он и изобразил улыбку, какой я у него еще ни разу не видела. Как будто он пытался выглядеть таким же жизнерадостным, как и Дениз.

— Можно мне стакан воды? — попросила Дениз, оборачиваясь ко мне. — Я только что с пробежки и пить хочу ужасно.

Только я хотела сказать “конечно”, как папа меня опередил, воскликнув: “Разумеется!” — и отправился на кухню. Когда он вернулся и передал Дениз стакан с водой, та осушила его за один глоток. Я заметила, что ногти у нее покрашены в такой же кремовый оттенок.

— Спасибо, — поблагодарила она, возвращая стакан папе.

— Ты в команде бегунов? — поинтересовался папа.

— Нет, что вы! — воскликнула Дениз, словно это был самый идиотский вопрос, какой она только слышала.

Я забеспокоилась, что папа на нее разозлится, он ведь не любит, когда его принимают за идиота, но он вместо этого, кажется, немножко смутился и пробормотал:

— О, извини.

— Я просто пытаюсь похудеть, — объяснила Дениз. — Ну, вы понимаете.

— А, — закивал головой папа. — Только мне кажется, ты и так чудесно выглядишь.

Она захихикала.

— Спасибо, — Дениз огляделась по сторонам. — Какой у вас красивый дом.

— Джасира, покажи Дениз наш дом, — велел мне папа.

Пока мы ходили по дому, я не выпускала из рук сумку, а Дениз всюду совала свой любопытный нос. Закончили мы экскурсию в моей комнате, которую Дениз нашла довольно скучной.

— Тебе нужно тут все украсить, — решила она. — Хоть постеры какие-нибудь повесь.

— Ладно, — согласилась я, хоть и знала, что никогда не буду этого делать.

— У тебя милый папа, — заметила она, бросая рюкзак на пол и садясь на край кровати.

Я поставила сумку к ее рюкзаку и села рядом с ней на пол.

— Вовсе он не милый.

— Почему?

Я пожала плечами:

— Не знаю. Он иногда с катушек слетает.

— Ну и что? — удивилась Дениз. — Мой тоже.

Я не знала, что мне сказать. Непонятно было, слетает ли с катушек папа Дениз так же, как мой.

— Думаю, это пройдет, — сообщила Дениз.

— Наверное, — ответила я, думая про себя, что у папы никогда ничего не проходит.

— А мой папа зато всегда представляется в ресторанах официанткам. Садится и говорит: “Привет, меня зовут Портер, а это моя дочка Дениз. А вас как зовут?” Ненавижу. Каждый раз сию пунцовая от стыда.

Я кивнула и попыталась представить себе, как мой папа делает что-то в таком роде, но не смогла. Хотя, наверное, это было бы крайне забавно.

— А он к тому же еще очень громко говорит, — продолжала Дениз, — почти орет: “ПРИВЕТ, МЕНЯ ЗОВУТ ПОРТЕР, А ЭТО МОЯ ДОЧКА ДЕНИЗ. А ВАС КАК ЗОВУТ?” У него слуховой аппарат в правом ухе.

— О, — произнесла я.

— Твой-то папа хотя бы не глухой.

— Да, — ответила я.

Внезапно у меня резко испортилось настроение. Мне уже не хотелось, чтобы Дениз была рядом. Она, похоже, вообще меня не поняла, когда я пыталась объяснить ей все про моего папу. Хотя я сама не очень понимала, что же я ей хочу сказать. Скорее всего, я просто не хотела, чтобы он ей нравился, ведь она его совсем не знала.

— А твой папа расист? — поинтересовалась я.

— Кто?

— Расист, — повторила я.

— Нет, — удивилась она. — С чего бы это?

— А мой — расист.

Дениз нахмурилась:

— Серьезно?

Я кивнула.

— Он сказал, чтобы я больше не смела гулять с Томасом, потому что это погубит мою репутацию.

— Шутишь, — не поверила она.

- Не-а.
- Но твой папа араб!
- Я знаю.
- Он ведь тоже меньшинство!
- То, что моя мама встречалась с папой, погубило ее репутацию, и из-за этого он теперь не хочет, чтобы я встречалась с Томасом.
- Ничего себе, — произнесла Дениз.
- Я очень скучаю по Томасу, — поделилась я.
- Да, я заметила, что вы теперь почти не появляетесь вместе.
- Он на меня злится. Из-за того, что я слушаюсь папу.
- Я бы тоже на тебя злилась.
- Да?
- Конечно, — кивнула она. — Твой папа не прав. А ты поступаешь так, как он велит, значит, ты тоже не права. Значит, ты тоже расистка.
- Неправда! — возмутилась я.
- Правда-правда.
- Ты не понимаешь, — попыталась объяснить я. — Если я не буду делать, что он мне велит, он отправит меня обратно к маме.
- И что?
- А я не хочу с ней жить.
- Для тебя что, лучше быть расисткой, чем жить с мамой?
- Да.
- А для меня нет.
- Я не могу уехать из Хьюстона, — сказала я. — Ни за что на свете.

- Почему?
Я задумалась на секунду, а потом решила.
- Я влюблена, — призналась я.
- В Томаса? — уточнила Дениз.
- Нет, в мистера Вуозо.
- А кто это?
- Это тот резервист, у которого я брала интервью.
- О, — вымолвила Дениз.
- Как бы ты себя чувствовала, если бы тебе пришлось уехать далеко-далеко от мистера Джоффри?
- Думаю, не очень-то хорошо, — призналась Дениз.
- Вот видишь.
- А ты ему нравишься? — полюбопытствовала она. — Ну, мистеру Вуозо?
- Да.
- А откуда ты это знаешь?
Я не знала, как мне ответить на этот вопрос.
- Потому что он приглашал меня на ужин, — наконец сказала я.
- Серьезно? Что, прямо на свидание?
Я кивнула.
- Ого, — поразились она, — а где был твой папа?
- У своей девушки.
Дениз вздохнула:
- Ты такая везучая. Хотела бы я пойти с мистером Джоффри на свидание.
- Только не говори никому о том, что я тебе сейчас рассказала, — попросила я.

— Конечно, — согласилась она.

— У мистера Вуозо могут быть из-за этого неприятности.

Дениз кивнула.

— Огромные неприятности, — добавила она.

— И тогда-то мне точно придется уехать к маме, — сказала я.

— Не тревожься, — успокоила меня она. — Я не хочу, чтобы ты возвращалась к маме. У меня тогда вообще друзей не останется.

Она улыбнулась, и я задумалась: неужели это правда? Неужели я — ее единственный друг?

В дверь постучался папа и спросил, не хотим ли мы пойти в кино, на фильм “Винсент и Тео”. Мы с Дениз сели у самого прохода, вдалеке от папы, так что можно было подумать, будто мы тут сами по себе. В фильме рассказывали о художнике Винсенте Ван Гогге и его брате Тео, который о нем заботился. Наверное, папа думал, что это образовательный фильм, но там оказалось много сцен с обнаженными девушками, когда те позировали Винсенту. Каждый раз, когда они возникали на экране, Дениз начинала смеяться. Я шикала, боясь, что папа услышит ее и подумает, что это я смеюсь.

В машине по пути домой папа заговорил.

— Я и не знал, что там будут сцены с обнаженной, — признался он. — Извини, Дениз.

— Подумаешь, чепуха, — отмахнулась она.

— Ну, для твоих родителей это может быть не чепуха, — заметил он.

— Нет, они только насчет насилия беспокоятся, секс в фильмах их не волнует.

— Ладно, — произнес папа. — Но я, наверное, все равно им позвоню.

— Да говорю же вам, не переживайте! — засмеялась Дениз.

Я думала, что папа взбесится из-за того, что моя ровесница говорит с ним в таком тоне, но ошибалась.

— Ну, как скажешь, — смирился он.

Меня раздражало, что Дениз могла так вести себя с моим папой. Если бы я прямо сейчас начала говорить так же, как она, он бы тут же велел мне заткнуться. Я знала: уже слишком поздно, чтобы начинать вести себя с ним по-другому.

У дома мы увидели мистера Вуозо, спускающего у себя на дворе флаг.

— Это он? — спросила у меня Дениз.

— Кто "он"? — сразу заинтересовался папа.

Я не знала, что мне сказать. Я не могла поверить, что она уже выболтала мою тайну. Но потом она поняла, что натворила, и быстро добавила:

— Ну, резервист, у которого Джасира интервью брала.

Папа кивнул. Потом взглянул на меня через зеркало и заявил:

— Джасира, когда мы приедем, дай мне послушать ту кассету.

— Какую кассету? — любопытствовала Дениз.

— С интервью, — объяснил папа.

— Но вам нельзя ее слушать! — воскликнула она.

— Нельзя? — переспросил папа и взглянул на нее так, словно она сказала что-то очень забавное. — Почему нет?

— Потому что, — ответила она. — Она журналист! Источники ее информации конфиденциальны, и, если вы прослушаете ее кассету, вы нарушите ее конфиденциальность.

— Ого, — произнес папа. — Понятно.

Я поверить не могла, что он поверил Дениз, когда та сказала про конфиденциальность, но не мне.

— Вам придется подождать, пока выйдет статья, — пояснила Дениз папе.

— Но это слишком долго.

— Ничего не поделаешь.

— Какая у тебя несговорчивая подруга, — сказал папа, глядя на меня в зеркало, и я кивнула.

Вечером, после того как мы уничтожили часть накопленной мной еды, мы приступили к составлению гороскопов. Для папиного знака, Козерога, Дениз написала: "Если вы не будете приспособливаться, с вами произойдет что-то ужасное! Будьте вежливее с другими людьми и забудьте о расизме. Жизнь повернется к вам светлой стороной, если вы измените свое поведение". Для Рака, к которому относился и мистер Джоффри, она написала: "Вы без памяти влюбитесь в прекрасную девушку, такую же умную, как

вы сами, но гораздо вас моложе. Дайте ей шанс, и вы будете приятно удивлены!”

— А что, если твой гороскоп будет читать женщина? — спросила я.

— И что? — не поняла она.

— Тогда получится, что женщина влюбится в прекрасную девушку.

— Ой, точно, — сказала она и поменяла “девушку” на “человека”.

Ее беспокоило, что так ее послание мистеру Джоффри звучит слишком расплывчато, но, с другой стороны, она согласилась, что иначе гороскоп выглядел бы странно.

Ночью я легла в спальный мешок на полу, а Дениз заняла мою кровать. Я подумывала, не показать ли мне ей “Глейбой” перед тем, как выключать свет, но потом отказалась от этой идеи. Мне показалось, что она, как и Мелина, скажет, что это пошло.

Утром папа испек нам оладьи. Дениз все никак не говорила, вкусные они или нет, так что мне, в конце концов, пришлось идти напролом.

— Понравились тебе оладьи?

— Очень, — согласилась она. — Чудесные оладьи.

— Я вкуснее еще никогда не ела, — добавила я.

Она кивнула и подцепила вилкой еще оладью. Я взглянула на папу, который стоял у плиты в фартуке, но не поняла, слышит он нас или нет.

Мама Дениз приехала за ней около одиннадцати. Она позвонила в дверь и представи-

лась папе и мне, а потом похвалила персидский цикламен, который мы посадили перед домом. Папа взял ножницы и срезал ей маленький букетик. Когда Дениз с мамой уехали, мы вернулись в дом, и, как только я закрыла дверь, папа заговорил:

— Ну, давай сюда кассету.

— Что?

— Я хочу услышать это интервью.

— Но ты же сказал Дениз, что подождешь, пока не выйдет статья.

— Не говорил я такого. Это она сказала, что я должен подождать, а я ответил, что это слишком долго.

Я взглянула на него.

— Давай сюда, — повторил папа.

Я пошла в спальню за кассетой. А что еще я могла поделать? Когда я вернулась, папа стоял в неофициальной гостиной, где была стереосистема. Я отдала ему кассету, и он вставил ее в магнитофон. Пока проигрывалась запись, он стоял рядом, словно охранял ее.

Когда шла первая часть разговора, про газовые маски, он смеялся.

— Молодец! — хохотал он. — Ну, ты ему задала!

Когда пошел кусок про презервативы, он молчал. На пленке мистер Вуозо выключил запись, а потом включил снова, попросив задавать мне только нормальные вопросы. В этот момент папа остановил запись.

- И что там было? — спросил он.
- Ничего.
- Почему тогда запись выключали?
- Мистер Вуозо разозлился из-за моего вопроса и нажал “стоп”.
- А потом что случилось?
- Он спросил, откуда я узнала про его презервативы, — призналась я.
- И откуда же ты про них узнала?
- Я увидела их в его вещмешке.
- Ты что, шутишь? — не поверил папа.
- Я замотала головой.
- Что ты за человек, раз лазишь по чужим вещам? — спросил он.
- Я промолчала.
- А в моих вещах ты тоже копаешься? Когда меня нет дома? — продолжал он.
- Нет.
- Презервативы, — произнес папа, качая головой. — У тебя грязный рот, и мысли такие же грязные.

Он подошел и ударил меня прямо по губам, как будто пытался выбить из них грязь. Когда я вырвалась, он схватил и больно сжал мою руку. Это было гораздо больнее пощечины. Ощущение было как у доктора, когда тебе меряют давление и кажется, что рука вот-вот взорвется, а потом медсестра ослабляет манжету, и ты удивляешься, как же она поняла, что это нужно сделать вот прямо сейчас. Правда, папа хватку не ослаблял.

глава седьмая

Утром я обнаружила на руке фиолетовые синяки размером с папины пальцы. Я надела кофту с длинными рукавами и пошла завтракать. Папа уже ел свои обычные хлопья.

— Можно мне кассету? — спросила я. — Мне нужно статью писать.

— Нет, теперь это моя кассета.

— А как же мое интервью?

Он пожал плечами.

— Можешь взять интервью у меня, — предложил он.

— Я не хочу брать у тебя интервью.

Он прекратил жевать и взглянул на меня:

— Прекрасно, и не надо.

Доев хлопья, я смотрела, как папа допивает молоко, оставшееся внизу пиалы. Закончив, он отнес тарелки в раковину. Ополоснув водой, он поставил их сушиться. Он не знал, что каждый день, вернувшись из школы, я перемываю их с моющим средством.

глава восьмая

Я все равно написала интервью с мистером Вуозо. Список вопросов у меня сохранился, и, перечитывая его, я постепенно припоминала ответы. Иногда, если нужный ответ так и не всплывал в памяти, я придумывала фразы, какие он мог, как мне казалось, произнести. Например, на вопрос “Сможете ли вы в Ираке получать посылки?” — я придумала ответ: “Да, конечно. Когда родные, друзья и соседи посылают мне посылки, я понимаю, что обо мне дома не забывают”. В конце, обнаружив, что интервью выходит какое-то уж слишком короткое, я добавила вопрос: “Что бы вы хотели сказать людям, которые любят Саддама?” — и мистер Вуозо якобы ответил: “Я бы призвал их поостеречься, потому что я не спускаю с них глаз”.

— Отличная концовка, — заметил Чарльз, когда в понедельник я показала ему статью.

— Спасибо.

За обедом я рассказала Томасу, что сделала.

— Ты что, хочешь произвести на меня впечатление? — спросил он.

В тот день давали спагетти, и уголки рта у него перепачкались в томатном соусе.

— Ага, — призналась я.

— Ну а я вот не впечатлен.

— А что тогда может тебя впечатлить? — поинтересовалась я.

— Ничего. Слишком поздно. Ты меня теперь уже никогда не впечатлишь, — сказал он и засунул в рот вилку с намотанными на нее спагетти.

Позже на перемене я подошла к шкафчику Дениз и пересказала ей наш с Томасом разговор.

— Он даже не хочет дать мне еще один шанс, — пожаловалась я.

— Разве можно его в этом винить?

— Наверное, нельзя, — признала я.

У Дениз на внутренней стороне дверцы шкафчика висело зеркальце, и, посмотревшись в него, она достала из сумочки маленький квадратик бумаги, похожей на восковую. Она прижала ее ко лбу, потом отняла и показала, что бумажка вся в жире и косметике.

— Ф-фу, — сказала она, демонстрируя мне бумажку.

— Я не расистка, и мне все равно, что говоришь ты или Томас. Я должна делать то, что мне велит папа.

— Почему? — удивилась Дениз.

- Просто должна, и все.
- А что будет, если ты ослушаешься?
- Он разозлится, — ответила я.
- И?
- Он становится очень грубым, когда злится, — попыталась объяснить я.
- Да я же тебе говорила, — сказала Дениз. — Это пройдет.
- Нет, не пройдет, — возразила я. — Ты его не знаешь.
- Ты, главное, не бойся его так, — посоветовала она.
- Я ничего не могу с собой поделать.
- Представь его собакой, — продолжила она. — Ты ведь знаешь, что с собаками нужно вести себя уверенно, потому что они чуют запах страха?
- Я кивнула.
- Ну вот и с папой веди себя так же. Если будешь его игнорировать, он оставит тебя в покое, — пообещала Дениз.

Весь оставшийся день мне было ужасно плохо. Мне казалось, что в том, что папа злится, виновата одна я. И что все было бы нормально, если бы я вела себя по-другому. Возможно, Дениз права, но вот только я не умею вести себя так, как она говорит.

Несмотря на это, вечером, когда мы с папой сидели перед телевизором, я изо всех сил старалась быть храбрее. Передавали пресс-конференцию с Колином Пауэллом, и папа злился все больше и больше. Он кипятился, заявлял, что Колин

Пауэлл совершенно некомпетентен для своей должности председателя Объединенного комитета начальников штабов.

— Почему он некомпетентен? — спросила я. Мне просто начало казаться, что папе Пауэлл не нравится только потому, что он черный.

— В каком это смысле “почему”? Ты на него только посмотри! — возмущался папа. — Он бы с радостью привел Саддама к себе домой, накормил бы и спать уложил!

— Но для должности-то он почему не подходит? — настаивала я.

— Я же тебе только что объяснил.

— Но он ведь очень умный, — сказала я.

— Откуда тебе знать? — поинтересовался папа. — Ты что, с ним встречалась?

— Нет.

— Вот и заткнись.

Я попыталась придумать какую-нибудь фразу, чтобы стало ясно, что мне не страшно разговаривать с папой, когда он велит мне заткнуться, но не смогла. На самом деле мне не очень-то хотелось быть храброй. Когда папа говорит: “Заткнись” — это нужно воспринимать как подарок судьбы, ведь это вроде гарантии того, что он не будет меня бить, если я замолчу. От этого просто так не отмахнешься.

На следующий день за обедом Томас со мной заговорил.

— Я придумал, чем ты можешь меня впечатлить, — заявил он.

- И чем же? — спросила я, вскрывая пакетик с горчицей — сегодня на обед давали гамбургеры.
- Займись со мной сексом, — предложил он.
- Ладно, — согласилась я.
- Что, серьезно? — впервые за долгое время голос у него звучал вполне дружелюбно.
- Да.
- Клево, — обрадовался он. — А когда?
- Да когда захочешь.
- Ну, — задумался Томас, — нам, наверное, сначала надо придумать где.
- У меня дома нельзя, — сразу предупредила я. Мистер Вуозо и Зак опять могли бы на меня донести.
- Томас кивнул.
- Тогда у меня, — предложил он.
- А как же твои родители?
- Они будут на работе.
- А если вернутся домой раньше времени? — поинтересовалась я.
- Такого не может быть. Они никогда не приходят раньше времени.
- Мне придется домой пешком идти, — добавила я.
- Я тебе такси вызову, — пообещал он. — И заплачу за него.
- Я задумалась на секунду.
- Ладно, — согласилась я.
- А можно сегодня? — спросил Томас.
- А презерватив у тебя есть?

- Нет.
- Тогда придется подождать до завтра. У меня дома есть один, я его принесу.
- Откуда у тебя презерватив? — удивился он.
- Сперла из вещмешка мистера Вуозо.
- Я не хочу трахаться в презервативе этого расиста.
- Придется, — огорчила его я. — Других у нас нет.
- Томас нехотя согласился.
- Когда я встретила у шкафчика Дениз и рассказала ей о нашем с Томасом уговоре, она возмутилась:
- Ты что! Он же тебя использует!
- Ну почему же? — возразила я.
- Конечно, использует, — настаивала Дениз. — Нельзя заниматься с ним сексом только ради того, чтобы он перестал считать тебя расисткой. Это идиотизм какой-то.
- Но я хочу заниматься с ним сексом, — призналась я.
- Она взглянула на меня.
- Ты мне об этом не рассказывала. Ты же вроде как в своего соседа влюблена?
- Я и сейчас влюблена. Но и с Томасом я не прочь.
- Но ты же тогда уже не будешь девственницей, — ахнула Дениз.
- И что?
- Как “что”? — повторила она. — Это же очень важно, чтобы твоим первым партнером стал

особенный для тебя человек. А не тот, кто тебя использует.

— Все равно, — ответила я. — Я не собираюсь отказываться от уговора.

— Поверить не могу, — произнесла Дениз, закрыла шкафчик и ушла.

Я хотела было догнать ее и сказать, чтобы она не беспокоилась, ведь я уже давно не девственница, и человек, который сделал со мной это, был для меня очень даже особенным, хотя я и не сразу это поняла. Но, конечно, я не стала этого делать. Я не хотела, чтобы у мистера Вуозо были неприятности, и мне казалось, что Дениз все поймет неправильно. Раз уж у меня не получилось объяснить ей, почему мой папа — плохой, то и про то, что мистер Вуозо — хороший, тоже не вышло бы.

По пути домой я думала, как буду заниматься с Томасом сексом. Я думала, что Дениз ошибалась и что он вовсе не собирался меня использовать. На мой взгляд, Томас предложил мне честную сделку. К тому же я по нему соскучилась. И мне снова хотелось стать его девушкой.

Прямо из автобуса я пошла к Мелине.

— Можно, я книжку почитаю? — спросила я.

— Конечно.

Я прошла следом за ней в дом и удивилась, какой худенькой она казалась со спины. Мне это нравилось, ведь на пару секунд можно было вообразить, что ничего она и не беременна.

В гостиной Мелина уселась на диван, достала клубок желтой шерсти и крошечный свитерок и принялась стучать спицами.

— Совсем как кукольный, — заметила я, кивая на свитер.

— Ага.

— Когда твоя дочка подрастет, можно будет отдать ее старую одежду куклам, — предложила я.

Мелина пожала плечами.

— Это если она будет играть в куклы.

Моя книга лежала на журнальном столике, там же, где я ее оставила в прошлый раз. Интересно, когда к Мелине с Гилом приходили гости, они не удивлялись, что тут лежит такая книга?

— А разве книжку не надо куда-нибудь убрать? — спросила я, беря ее в руки.

— Зачем? — удивилась Мелина, глядя на меня поверх вязанья.

— Не знаю.

— В этой книжке нет ничего плохого, — объяснила она. — И я рада, что любой может зайти к нам и почитать ее.

Она вернулась к вязанью, а я огляделась, решая, куда же мне сесть. Неподалеку стоял стул, но я решила устроиться на полу. Мне хотелось сесть подальше от Мелины, чтобы она не могла рассмотреть, какую именно главу я читаю. К тому же мне нравилось быть ниже ее. Так я чувствовала себя маленькой девочкой.

В книжке говорилось, что, раз уж я решила заняться сексом, мне нужно знать о болезнях,

которые он может принести, и обязательно использовать презерватив. Еще там писали, что та часть моего тела, которая ответственна за оргазм, может почувствовать вибрацию, когда Томас введет свой пенис. А в одной главе рассказывали о том, что раньше девственность считали символом чистоты, но что теперь это уже не так, и что на самом деле девушка может поступать так, как хочет, и что больше женщины не могут быть чьей-то собственностью. В чем-то это мне понравилось, но вообще-то я загрустила. Мне-то большую часть времени, наоборот, хотелось кому-нибудь принадлежать.

— Джасира, — позвала меня Мелина.

— Да? — Я оторвалась от книжки.

— У меня для тебя кое-что есть.

— Что?

— погоди секунду. — Мелина положила вязанье на стол и ушла на кухню. Вернувшись, она протянула мне связку ключей. — Держи.

— Это от чего? — не поняла я.

— От этого дома. Если тебе захочется сюда прийти, в любое время, не важно почему, пользуйся ключом.

— Правда?

— Конечно. И ты не должна сообщать мне, почему тебе захотелось прийти. Можешь приходить телевизор смотреть или книжку читать — как тебе захочется.

— А если тебя не будет? И дома будет только Гил? — спросила я.

Я представила, как прихожу домой к Мелине, а там только Гил, и как я буду мучиться, не зная, что сказать. Это было бы ужасно.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Пожалуйста, — откликнулась она, усаживаясь обратно на диван.

— Я, наверное, им даже не воспользуюсь, — добавила я.

Мелина взялась за вязанье.

— Ну, наверняка ты этого знать не можешь.

Я вернулась к чтению, но сосредоточиться больше не могла. Я все думала, как бы это было — прийти в дом Мелины и никогда отсюда не уходить.

Вечером, перед тем как идти спать, я сказала папе, что пошла в душ, а на самом деле отправилась брить волосы на лобке. Я взяла одну из бритв Томаса и постаралась сделать все так, как ему нравилось: тоненькой полосочкой ровно посередине. Закончив, я собрала все волосы, завернула их в туалетную бумагу и выбросила в ведро.

Проснувшись утром, я надела свой самый красивый бюстгальтер и трусики. Только тогда я заметила, что они по цвету не совпадают. Серый лифчик оказался одним из тех, что купил мне папа, а трусики были белые. Я надела джинсы и свитер, прошла с рюкзаком в ванную и спрятала в маленький кармашек презерватив мистера Вуозо.

В школе я наткнулась на Дениз, которая дожидалась меня у шкафчика.

— Ты ведь не будешь этого делать? — спросила она.

— Нет, — ответила я. — Буду.

— Но почему?

— Девственность не делает меня чистой, — заявила я.

— Что? — не поняла Дениз.

— И я не чья-нибудь собственность.

— Да я никогда такого и не утверждала, — удивилась она. — Просто мне кажется, что со стороны Томаса не очень честно менять твою девственность на его прощение.

— Все совсем не так, — возразила я.

— Тогда как же?

— Я же тебе уже объяснила, — втолковывала я ей, — я хочу заняться сексом с Томасом. А если заодно это поможет ему меня простить, то тем лучше.

— Это глупо, — решительно заявила Дениз. — И мерзко. И зачем только ты меня во все это посвятила?

Она пошла прочь, а я смотрела, как воинственно подпрыгивают ее волосы в такт тяжелым шагам.

За обедом Томас поинтересовался, не забыла ли я презерватив, и я его успокоила.

— Что, только один? — спросил он, и я кивнула.

После школы я прошла мимо своей остановки и встретила Томаса перед его автобусом. Мы залезли внутрь и уселись на задние сиденья.

Всю дорогу он держал мою ладонь в своей, как когда-то в школе, и иногда наклонялся, чтобы шепнуть мне на ухо: "Я с тобой трахнусь". Я не знала, как на это реагировать, так что просто кивала головой.

Когда мы подошли к дому Томаса, он засунул руку под рубашку, чтобы достать ключ с цепочки на шее. Саму цепочку он снимать не стал, только наклонился до уровня замочной скважины и открыл дверь.

Войдя внутрь, я первым делом отметила, какой же огромной кажется их гостиная без рождественской елки. В воздухе до сих пор витал аромат хвои. Томас, забрав на улице почту, сложил ее на столик рядом с дверью.

— Хочешь чего-нибудь поесть? — предложил он.

— Давай, — согласилась я, немного нервничая.

Мы прошли на кухню. Столешницы все сияли, а вот в раковине скопилась гора грязной посуды. Папа всегда говорил, что ни за что на свете нельзя оставлять немытую посуду в раковине, потому что заведутся тараканы. Правда, у Томаса я ни одного так и не заметила.

— Что будешь? — спросил Томас, ныряя в глубины холодильника.

Я вытащила из-под стола табуретку и уселась.

— А ты что?

Он пожал плечами.

— Я, в общем-то, не очень есть хочу, — сообщил он, вставая на колени и изучая нижний ящик холодильника. — Может, по яблоку?

— Давай.

Он достал два яблока и, даже не ополоснув, сразу стал грызть свое. Я поступила так же, хотя папа всегда предупреждал меня о вреде пестицидов, которые остаются на фруктах и овощах.

— Я так завелся, — признался Томас, откусив пару раз.

— Да?

Он встал и подошел ко мне, затем взял мою руку и прижал к своим штанам.

— Чувствуешь?

Я кивнула, ощущая рукой его эрекцию.

— Ты готова? — спросил он.

— Можно, я яблоко доем?

— Конечно, — согласился Томас и вернулся на свой стул.

Он первым догрыз свое яблоко, причем съел его вместе с косточками, совсем как папа, когда ел курицу.

— А зачем ты сердцевину-то съел? — удивилась я.

— Да ладно, ее только жевать трудно, а так ничего.

— Хочешь мою? — спросила я, протягивая остатки своего яблока. Папе нравилось, когда я отдавала ему косточки от своей курицы, чтобы он мог погрызть хрящики.

— Не, спасибо, — отказался Томас, взял мой огрызок и выкинул его в мусорку. — Ну, пошли ко мне, — сказал он, вернувшись.

Мы поднялись по лестнице. Пока я шла впереди, Томас сжимал мои ягодицы. По пути

в комнату он остановился напротив шкафа в коридоре и достал оттуда полотенце.

— Нам оно понадобится, — объяснил он, — а то все кровью запачкается.

Войдя в комнату, он обернулся:

— Я разденусь, — сообщил он и через секунду уже стоял голый. Плечи у него были широченные, видимо от плавания, а на животе красовалась парочка складок. Член торчал высоко-высоко, почти касаясь живота. Томас развернул полотенце и положил его на кровать, затем лег на него сверху.

— А теперь ты разденься, — попросил он.

У меня это заняло гораздо больше времени. Я никогда не играла в карты на раздевание, но, снимая с себя одежду, я представляла, будто это часть игры, в которой трусики и бюстгальтер снимать надо в последний момент.

— Ты побрилась, — заметил Томас, когда я окончательно разделась.

Я кивнула.

— Красиво, — добавил он, — иди ко мне.

Я подошла к нему. Томас протянул руку и дотронулся до оставшейся полоски волос.

— Ложись, — сказал он, двигаясь и освобождая мне место.

Я устроилась на полотенце. Меня беспокоило, что крови могло вовсе не быть, и я не знала, как к этому отнесется Томас.

А он тем временем повернулся на бок и провел рукой по всему моему животу.

алисия эриан как на ладони

— Какая у тебя мягкая кожа, — прошептал он.

— Спасибо.

Он поднялся выше, до груди, и ущипнул меня за сосок.

— Ой! — вскрикнула я.

— Что? — удивился Томас. — Тебе неприятно?

— Нет.

Он, кажется, смутился.

— Такое вроде женщинам должно нравиться, — произнес он.

— Мне не нравится.

Томас погладил мой сосок, теперь уже гораздо нежнее, и спросил:

— А теперь как?

— Лучше, — призналась я.

Я не знала, куда мне деть ноги — то ли раздвинуть, то ли наоборот. Но скоро Томас сам решил эту проблему, передвинувшись вниз и разведя мои ноги в стороны. Я думала, что вот сейчас все и случится, но вместо этого он взял меня за коленки и развел их в стороны так широко, как только было возможно. А потом начал смотреть. Он смотрел, и смотрел, и смотрел, и смотрел. Не отрывая глаз. И, хоть он меня не трогал, это было восхитительно. Как будто бы я была девушкой из “Плейбоя”, которую фотографировали мужчины, никогда бы не причинившие ей боль.

Затем Томас просунул между моих ног голову и начал там лизать. Или целовать — трудно сказать. Но мне стало приятно. Тепло. Он долго там лизал, но наконец поднял голову и сказал:

- Кажется, ты готова.
- Ладно, — согласилась я.
- А где резинка?
- В кармане.

Томас взял со стула мои джинсы и вытащил из кармашка презерватив. Я смотрела, как он разрывает упаковку и надевает презерватив, который, кажется, оказался ему маловат.

- Это для парней с маленькими членами, — объяснил Томас.

Я задумалась, какого размера член у мистера Вуозо.

- Больно? — поинтересовалась я.
- Нет, — успокоил он меня, — не беспокойся.

Пока он возился с резинкой, я свела ноги вместе, и теперь ему пришлось снова их разводить. Он лег на меня, и мы оказались лицом к лицу. От его рта пахло мной. Так же пахли мои руки каждый раз, когда я испытывала оргазм.

- Послушай, — заговорил Томас, — я обещаю быть осторожным. Больно не будет.
- Я знаю.
- Если захочешь остановиться, сразу скажи мне.
- Но ты же тогда решишь, что я все еще расистка.
- Что?
- Ты сказал, что, если я займусь с тобой сексом, это тебя впечатлит и ты перестанешь считать меня расисткой, — напомнила я.

Кажется, ему это не понравилось.

алисия эриан как на ладони

— Забудь об этом, ладно? — сказал он.

— Ладно.

Он взял в руки член и начал потихоньку совывать его в меня.

— Ты только расслабься.

— Хорошо.

Томас надавил еще сильнее.

— Больно будет всего пару секунд.

Я кивнула. Так оно и было. Больно. Но больно не от того, что во мне что-то рвалось, как с мистером Вуозо, а от того, что там, казалось, совсем не было места. Но Томас входил все дальше.

— О господи, — прошептал он.

— Что такое? — зашептала я в ответ.

— Ничего, — отозвался он. — Просто мне так хорошо.

— О...

— Прости, если больно, — добавил он.

— Все в порядке.

— В первый раз девочкам всегда больно.

— Да.

Вскоре после этого он кончил. Я не знала точно, что мне нужно делать, чтобы испытать оргазм самой, так что я просто лежала на месте. Кончив, Томас откатился на его сторону кровати. Так мы лежали довольно долго, даже не разговаривали. Наконец он взглянул на меня и спросил:

— А крови много?

Я сползла с полотенца, чтобы он сам посмотрел. Крови на нем не было.

- А где же она? — удивился Томас.
- Не знаю, — пожала плечами я. — Наверное, у некоторых девочек ее не бывает.
- Он утих на минуту, а потом спросил:
- Но тебе ведь было больно?
- Да.
- Просто у тебя был такой вид, словно тебе совершенно все равно.
- Мне было больно.
- Понимаешь, у меня ведь член не маленький.
- Да, — согласилась я, — не маленький.
- Хм...
- Наверное, это потому, что ты был очень осторожен, — предположила я.
- Наверное.
- В любом случае, — добавила я, — я рада, что это оказалось не так уж и страшно.
- Да, — кивнул Томас, — было хорошо.
- Значит, ты больше не считаешь меня расисткой?
- Хватит так говорить, — ответил он. — Я же уже просил тебя забыть об этом.
- Извини.
- Тебе должно было быть больнее, — опять заговорил он.
- Я промолчала.
- Так почему не было? — спросил он, перевернулся и посмотрел на меня. — С кем ты этим занималась до меня?
- Ни с кем.
- Ни с кем и никогда? — уточнил он.

- Да.
- Тогда где же кровь? — не унимался Томас.
- Я не знаю, Томас. — Я встала с кровати и начала одеваться.
- Я не разозлюсь, если узнаю, что ты уже с кем-то спала, мне просто любопытно, — пояснил он.
- Я и не спала, — сказала я, натягивая трусики.
- Это в Сирьюсе случилось?
- Нигде это не случилось.
- Но у тебя ничего не разорвалось там, — продолжал Томас, — а должно было.
- Вызови мне, пожалуйста, такси, — попросила я.
- Он вздохнул и пошел в ванную. Презерватив свисал с кончика пениса. Когда Томас вернулся, его уже не было. Одевшись, Томас вышел из комнаты и сбежал по лестнице. Я вышла через пару минут. Он стоял на кухне, открывая банку с арахисовой пастой.
- Такси будет через пятнадцать минут, — сообщил он.
- Спасибо.
- Ты чувствуешь себя женщиной? — поинтересовался он.
- Угу.
- Я вот чувствую себя настоящим мужчиной, — заявил он, отправляя ложку с пастой себе в рот.
- Когда такси гудками возвестило о своем прибытии, Томас проводил меня на улицу и открыл мне дверь машины. Он отдал водителю десять долларов и назвал мой адрес. Когда он захлопнул

дверь, водитель долго изучал меня через зеркало заднего вида. И смотрел так всю дорогу домой. Глаза у него были темно-карие, и волосы точно такие же. Наверное, мексиканец, подумала я.

Сначала я пыталась пялиться на него в ответ, но потом мне стало как-то плохо, и я отвернулась. Похоже, он разозлился на меня, хотя мы даже не были знакомы. Когда мы доехали до дома и я открыла дверь, чтобы вылезти, он буркнул что-то по-испански. Я его не поняла, за исключением одного слова: “Негр”.

Вечером за ужином, сидя с папой перед телевизором, я думала о том, что я — женщина, а он об этом даже не догадывается. Сидит и смотрит себе по ящику про войну. Он думал, что у меня нет ничего личного, но ошибался. У меня была личная жизнь. И чем насыщеннее она была, тем глупее он казался.

После ужина раздался звонок. Звонила бабушка из Ливана. С тех пор как началась война, она постоянно названивала, чем ужасно раздражала папу. Я слышала, как он орал на нее по-арабски. Иногда в потоке арабских слов я различала слово “скад” — это потому что бабушка думала, будто Саддам хочет ее разбомбить. Каждый раз, когда случалась атака на Израиль, бабушка звонила нам. Повесив, наконец, трубку, папа каждый раз возмущался, до чего же она глупая. Он по пятнадцать раз твердил ей, что Саддаму незачем бомбить Бейрут и что нет ни еди-

ного шанса, что “скад” попадет в нее. Но она не слушала. Только начинала плакать и жаловаться, что он ее не любит.

На следующий день в школе Дениз захотела узнать, больно ли мне было.

— Не очень, — призналась я.

Она подошла к моему шкафчику перед классной комнатой, где мы готовили уроки.

— Серьезно? — удивилась она. — Что, не так уж и страшно?

— Да.

— А кровь? — спросила она. — Много было крови?

Я покачала головой.

— Ого! — восхитилась она. — Тебе повезло.

— Наверное.

Меня бесило, что она вдруг возжелала знать все подробности, хотя еще вчера заявляла, как ей мерзко от того, что она в курсе наших планов.

— Вы предохранялись? — спросила Дениз.

Я кивнула.

— А чем?

— Презервативом.

— Он не порвался?

— Нет.

— Мужчина должен его придерживать, когда вынимает член, чтобы презерватив не свалился и сперма не вытекла в тебя. Он так сделал?

— Я не помню, — ответила я. — Наверное.

— Ты можешь забеременеть, если он не будет так делать, — предупредила Дениз.

— Кажется, он все-таки придержал, — сказала я, мечтая, чтобы она заткнулась.

Через секунду она заговорила опять:

— Ну так что? Он больше не считает тебя расисткой?

— Нет.

— Похоже, все вышло так, как ты и хотела, — заключила она.

— Да, — ответила я, — так и вышло.

За обедом, как только я уселась за стол, Томас спросил:

— Тебе больно?

— Да не очень, — призналась я.

— О... — расстроенно протянул он.

— Ты же был очень осторожен, — напомнила ему я.

— Но не настолько же.

— Водитель такси на меня пялился злобно всю дорогу домой, — поделилась я. — Он, по-моему, расист.

— Вот ведь урод, — возмутился Томас, и мы начали обсуждать, как бы поставить об этом в известность власти.

Вернувшись домой, я позвонила маме. Став женщиной, я почему-то заскучала по ней.

— Привет, — поздоровалась я, когда она подняла трубку.

Я думала, заметит ли она по голосу, что я так изменилась? Весь день я представляла, как теперь-то стану спокойнее и терпеливее в общении с другими людьми.

- Здравствуй, — отозвалась мама. — Как дела?
- Хорошо.
- Как прошло интервью?
- Нормально.
- Хорошо, — повторила мама и умолкла на секунду. — А ты не хочешь спросить, как у меня дела?
- Как дела? — послушно спросила я.
- Чудесно, — похвасталась мама. — У меня новый бойфренд.
- Ричард?
- Я что, тебе уже говорила?
- Да, в прошлый раз.
- Ясно, — сказала мама. — Ну, он ужасно милый. И гораздо лучше Барри, это уж точно.
- Я замолчала. Когда в разговоре возникал Барри, я никогда не знала, как реагировать.
- Думаю, он тебе очень понравится, — сообщила мама.
- Конечно, понравится.
- Мы с Ричардом на прошлые выходные ездили на праздник маринованных огурцов.
- О!
- Угадай, кто без ума от маринованных огурцов? — спросила она.
- Кто?
- Японцы! — воскликнула мама. — Представляешь?
- Мы с ней засмеялись.
- У тебя там все в порядке? — спросила она.
- Угу.

- Отец нормально себя ведет?
- Да.
- А как насчет Томаса? Ты с ним видишься хоть иногда?
- Нет, — соврала я.
Мама вздохнула:
- Это плохо.
- Вы же с папой запретили мне с ним видаться.
- Я знаю, — сказала она напряженным голосом.
- В школе-то мы иногда встречаемся, — сказала я. — Тут уж я ничего не могу поделать.
- Понимаешь, Джасира, все дело в том, что я, кажется, была насчет него не права.
Я оперлась о кухонную столешницу. У меня даже немножко голова закружилась от ее слов.
- В каком смысле? — спросила я.
- Да просто это нечестно — запрещать тебе с ним видаться только потому, что мне пришлось нелегко, когда я встречалась с твоим отцом.
- О...
- Мне очень плохо из-за этого, — поделилась мама.
- Значит, теперь я могу с ним встречаться?
- Ну, я не знаю, — протянула она. — Дай мне поговорить об этом с папой.
- Ладно.
- Но встречаться в смысле свиданий ты с ним все равно не можешь. Как и с кем-либо другим. Ты еще слишком маленькая. Но я была не права насчет вашего общения.

— Понятно.

Повесив трубку, я поняла, что так хорошо мне уже давно не было. Мне казалось, что я умная, ведь я поступала так, как считала нужным. Я пошла к себе и легла на кровать. Просунула руки в штаны и начала себя ласкать. И все думала, какое лицо было у Томаса, когда он смотрел мне между ног. На секс мне было наплевать. Но мне нравилось, когда на меня смотрели. Мне захотелось вернуться к нему домой, чтобы еще раз это проделать.

Когда вечером мама перезвонила, папа разорался:

— Что значит “я передумала”!? — завопил он, и мама что-то ответила. — Она живет со мной, и правила тут устанавливаю я!

Папа бросил трубку и вернулся в гостиную.

— Мне все равно, что там говорит твоя мать, — заявил он мне. — Тебе нельзя общаться с этим черным парнем. Поняла?

— Да, — ответила я, хотя на самом деле ничего не понимала.

— Если я выясню, что ты с ним встречаешься, я тебе такую трепку задам, что мало не покажется. Уж поверь мне.

— Но ты же тоже меньшинство, — сказала я.

— Слушай сюда: когда мы заполняем анкеты, в графе “Раса” мы ставим галочку напротив слово “Белая”. Если ты с Ближнего Востока, то ты считаешься белым человеком. А еще там есть графа “Черный”, как раз для твоего друга.

Видишь разницу? Ты должна быть благодарна, что нам не нужно ставить галочку там.

Сказав это, он вернулся к просмотру военных новостей по телевизору. По Си-эн-эн показывали иракских солдат, которые выбежали из бункера за секунду до того, как его разбомбил американский самолет.

— Ты только посмотри, — заговорил папа, разгрызая орех. — Это отвратительно. Им нужно убить всего одного человека, а они занимаются черт-те чем. Совершенно не обязательно уничтожать Республиканскую гвардию — они же делают то, что велит им Саддам. И если Саддама не будет, они ничего не смогут сделать. О них вообще беспокоиться не стоит.

Наверное, папа хотел загладить грубость, разговаривая со мной о войне, но мне болтать что-то не хотелось. Я злилась на него. Он был расистом и хотел и меня сделать такой же. Вот если бы я могла рассказать ему всю правду. О том, что я была так близка с черным, как только это возможно, и что ничего страшного из-за этого не произошло.

На следующий день за обедом Томас все еще переживал из-за отсутствия крови. Когда я села за стол и вставила трубочку в пакетик с молоком, он вдруг выпалил:

— Тебя что, изнасиловали?

— Что? — взглянула я на него.

— Ты поэтому не хочешь мне рассказать?

Я не знала, что ответить. Я сомневалась насчет изнасилования. Конечно, я знала, что это

такое, но вообще-то я была абсолютно уверена, что к изнасилованию относится только секс, а не использование пальцев.

— Джасира? — окликнул меня Томас.

— Нет, — очнулась я. — Не было такого.

— Тогда о чем ты сейчас задумалась?

— Ни о чем.

— Ты вспоминала, как тебя изнасиловали?

— Нет, — повторила я, — я же тебе сказала. Меня не насиловали.

— Тогда почему не было крови, когда мы занимались сексом?

— Я не знаю.

— Но кровь обязательно должна быть, — сказал он, — а раз ее нет, значит, либо ты трахалась с кем-то до меня, либо тебя изнасиловали. Так что произошло?

— Ни то ни другое.

Он взглянул на меня:

— Но что-то ведь случилось, это точно.

— Может, это из-за тампонов. Может, я там себе все растянула.

— Сомневаюсь.

По пути домой я думала о словах Томаса, о том, что меня изнасиловали. Конечно, я знала, что изнасилование — это плохо. И я знала, что, когда кто-то делает над тобой такое, это страшно и больно, совсем как тогда с мистером Вуозо. Но я не думала, что мистер Вуозо меня изнасиловал, ведь он мне нравился. По телевизору показывали, как женщины, которых изнасиловали,

радовались, когда насильника отправляли за решетку. Они хотели, чтобы ему было плохо. Но я относилась к мистеру Вуозо совсем по-другому. Совершенно по-другому. Я не хотела, чтобы его отравили газом, убили или призвали на войну. Я была в него влюблена, как и призналась Дениз. Что бы он со мной ни сделал, это уж точно не могло быть изнасилованием.

Придя домой, я сделала уроки и отправилась к Мелине. Она открыла мне дверь, красуясь в фартуке поверх футболки и черных штанов.

— Привет, — поздоровалась она. — Зачем ты стучишь?

— Что?

— У тебя же ключ есть.

— Ой, — вспомнила я, — а я и забыла. У меня с собой его нет.

— Почему?

— Он в рюкзаке.

— Я была бы рада, если бы в следующий раз ты открыла дверь ключом.

— Даже если вы дома?

— Это не важно, дома мы или нет.

— Ладно.

— Я ведь тебе его специально дала.

Я кивнула.

— Можно мне книжку почитать?

— Конечно.

Мы прошли в дом. Я заметила, что фартук у нее на спине был завязан на малюсенький узелок, потому что на бантик длины тесемок не хватило.

- Устраивайся, — сказала Мелина, показывая на столик с книжкой.
- Вы что-то готовите? — спросила я. Никакого запаха еды я не чувствовала.
- Типа того, — кивнула она. — Делаю заменитель соли. Смешиваю разные травы и специи в кофемолке, чтобы потом добавлять в еду и думать, будто там настоящая соль.
- Тебе нельзя есть обычную соль? — удивилась я.
- Да, давление не позволяет.
- О...
- Может,хватишь книжку да пойдем на кухню? — предложила Мелина. — Ты читай, а я буду молоть.
- Ладно, — согласилась я, наклоняясь за книжкой.

Мне нравилась их кухня. Она совсем не походила на нашу или на кухню в доме Буозо. Похоже, Мелина с Гилом отказались от вариантов оформления, которые предлагали всем жильцам подряд продавцы из агентства недвижимости, и сделали все по-своему. Больше всего мне у них нравились огромная серебристая плита и холодильник. Такие можно увидеть в ресторане.

Я уселась за кухонный стол, который снова напомнил мне о закусочной, куда мы ходили вместе с мамой. Подушка сиденья сверкала блестящим красным винилом.

Мелина вернулась к своей кофемолке, а я начала читать главу про изнасилования. Там

говорилося, що изнасилюванням вважається
любой сексуальний акт, який відбувся без
моего згоди. І ще що це в будь-якому випадку
не моя вина, і не важливо, що за одяг я ношу.
І що містер Вузо — злий чоловік з ізвраще-
ними уявленнями про моральні цінності.
В випадку чого, повідомляла книга, у мене в запасі
ще три роки, щоб доставити до містера Вузо.

Пока я читала, Мелина постоянно включала и выключала кофемолку, и пару раз, когда та молола, встряхивала ее, как маракас. Закончив, она сняла с кофемолки крышку, облизала палец и погрузила его в получившуюся смесь.

— Ну как, соленая? — спросила я.

— Иди попробуй, — пригласила она.

Я поднялась и подошла к столу. Мелина еще раз облизала палец,插入了他 into the mixture and commanded me to open my mouth. Я послушалась, и она засунула палец мне в рот. Я сжала губы, так что когда она вытащила палец обратно, он уже был чистый. Я проделала все так, будто уже тысячу раз делала такое с моей мамой, но это было не так. Мы с мамой никогда не делали ничего подобного.

— Ну как? — поинтересовалась Мелина.

— Похоже на чеснок, — ответила я. — И на петрушку.

— Но не на соль, — заключила она.

— Не очень.

— Ну и ладно, — решила она, пересыпая ложкой порошок в маленькую стеклянную баночку. — Может, Гилу понравится.

— А что случится, если ты будешь есть обычную соль?

— Ребенок может родиться слишком рано.

— О-о...

— И чтобы спасти меня, врачам придется достать ее, даже если она еще не готова.

Я кивнула.

— Первой всегда стараются спасти мать, — добавила она.

Я обрадовалась, услышав это, ведь судьба Дорри меня не особенно волновала.

— Но сама мать всегда хочет, чтобы спасли ее малыша, — продолжила Мелина.

— И ты этого хочешь? — спросила я.

— Конечно.

От ее слов мне стало грустно, хоть я и знала, что грустить тут не о чем.

— Мне надо пописать, — призналась Мелина, передавая мне ложку. — Доделаешь вместо меня?

— Конечно, — согласилась я.

Она развязала узелок и сняла фартук. Я начала пересыпать порошок в баночку. Через секунду я услышала ее голос:

— Изнасилование?

Я посмотрела на нее. Мелина остановилась у стола на пути в ванную и смотрела на мою раскрытую книгу.

— У тебя что, возникли какие-то вопросы по поводу изнасилования? — необычно быстрым голосом спросила она.

— Что?

— Почему ты читаешь главу про изнасилования?

— Я не читаю.

— Нет, читаешь, — настаивала она. — И я знаю почему.

— Я всю книжку читаю, — пыталась оправдаться я, — я просто дошла до этой части, когда ты позвала меня попробовать смесь.

— Да не может быть, чтобы ты успела дочитать до этой главы! Ты слишком мало времени провела за книгой. Не может быть.

— Я знаю, — сказала я. — Я не все подряд читаю.

Мелина взглянула на меня и надолго замолчала. Потом глубоко вздохнула и сказала:

— Ладно. Это твоя книга. Ты можешь читать в ней все, что захочешь.

— Спасибо, — поблагодарила я.

— Но если у тебя возникнут какие-нибудь вопросы, спрашивай у меня.

— Ладно.

— Я разбираюсь во всем, что написано в этой книге.

Я кивнула.

— Может, ты сейчас хочешь что-нибудь у меня спросить?

— Нет, — покачала я головой.

— Уверена?

Я кивнула.

— Ну ладно, — вздохнула она.

Как только она вышла, я захлопнула книжку и отнесла ее обратно в гостиную. Потом досыпала псевдосоль в баночку и закрутила крышку. Мелина вернулась и спросила, куда я дела книгу. — Я уже закончила читать, — ответила я, — и убрала ее.

— О! — воскликнула Мелина и прижала руку в животу.

— Что такое? — спросила я, хотя догадывалась что.

— Дорри пинается.

— Ты в порядке?

Она кивнула.

— Она, наверное, сейчас еще раз это сделает. Хочешь, положи руку мне на живот?

— Да мне уже домой пора, — сказала я.

Мелина, кажется, расстроилась.

— О, — произнесла она.

— Я пересыпала смесь, — сообщила я, показывая ей банку.

— Ага, — кивнула она, — спасибо.

Потом я пошла домой, легла на кровать и расплакалась. Сначала я плакала от ненависти к ребенку Мелины, затем я плакала, потому что мне стало плохо от того, что я ненавижу ее ребенка. Сильнее всего я заплакала, когда поняла, что, ненавидя ребенка, я становлюсь совсем как моя мама, на которую я ни за что на свете не хотела быть похожей. Раз я злилась на свою маму за то, что она ко мне ревновала, то и Мелина могла разозлиться на меня за то, что

я ревную ее к ребенку. Я этого не хотела, так что прекратила плакать. Я сказала себе: “Уж лучше пусть мне будет плохо и одиноко, чем я буду ненавидеть ребенка” — и постаралась воплотить это в жизнь.

Этим вечером папа вернулся с работы в отвратительном настроении. По Эн-пи-ар он услышал, что президент Буш объявил о прекращении огня в Ираке, хотя Саддам до сих пор был жив — его пока даже не поймали. Папа сказал, что Колина Пауэлла надо гнать в шею, потому что он не выполняет своих обязанностей, а президенту Бушу объявить импичмент за то, что он его слушает.

Еще его злило то, что мистера Вуозо не призывали и не отравили газом. Папа был уверен, что теперь, когда иракцы сдались, они больше не будут испытывать на американцах всякие опасные штуки.

— Этот парень легко отделался, — кипятился он. — В очередной раз.

Я не знала, о каких таких предыдущих разгах он говорит, но выяснять не стала, раз уж папа пребывал в таком плохом настроении. Вместо этого я спросила:

— А что, мистера Вуозо теперь совсем не призовут?

— Скорее всего, — ответил папа и пошел взять себе пива.

Я сделала вид, будто меня, как и папу, это страшно расстраивает, но на самом деле я была

алисия эриан как на ладони

рада. Теперь мне было уже не важно, лишусь ли я Томаса из-за того, что он черный, или Мелины из-за ее Дорри. Потому что мистеру Вуозо больше ничто не угрожало. Он все так же будет жить со мной по соседству. А пока он живет рядом, я могу не бояться одиночества.

глава девятая

Через неделю после конца войны отменили запуск шаттла на мысе Канаверал. Папа сказал, что все дело в каких-то трещинах на зажимных гайках, а еще в куче идиотов, которых наняли на работу в НАСА. Он злился, что ему придется отложить свой уикенд с Тэной до нового запуска, аж до апреля. Он говорил, что ему нужно восстановить душевные силы, подорванные Колином Пауэллом, который прошляпил войну.

Я тоже расстроилась, что папина поездка отменяется. Я-то надеялась провести те выходные так, как мне хочется, а именно с мистером Вуозо. Я мечтала, как мы с ним снова пойдем на ужин к Нинфе и отпразднуем то, что его не призвали. А потом мы пошли бы к нам домой и занялись бы любовью, прихватив один из презервативов мистера Вуозо. Мне казалось, что если он будет со мной нежен, это докажет раз и навсегда, что он не насильник. Что в тот день,

когда он просунул в меня пальцы, он просто очень на меня разозлился.

Мама прислала папе письмо, в котором сообщила, что прочитала об отмене запуска в газете. Наверное, вы с Тэной очень расстроились, писала она. К письму она приложила фотографию, на которой снялась вместе с Ричардом, своим новым бойфрендом, на празднике маринованных огурцов. Ричард оказался негром. Наверное, поэтому она передумала насчет меня и Томаса.

— Эта женщина — самая невероятная ханжа на свете, — заявил папа, демонстрируя мне фотографию. Затем смял ее и выбросил в ведро.

Как только он ушел на кухню, я вытащила фото обратно. Насчет японцев моя мама не лукавила. На заднем плане снимка ими все просто кишело.

Я взяла фотографию в школу и показала ее Томасу. Он рассмеялся и сказал:

— Ну, это просто что-то с чем-то!

Я согласилась и на протяжении всего дня, встречая его в коридоре, видела, как он трясет головой и улыбается. Хотя они с Ричардом оба были негры, мне показалось, что Томас уверен: начав встречаться с Ричардом, моя мама совершила что-то ужасное для моей семьи. И его это радовало.

Скоро папа начал звать нового бойфренда мамы Колином Пауэллом. Он выдавал фразочки вроде: “Может, твоя мама выйдет за Колина Пауэлла” или: “Наверное, твоя мама и Колин Пау-

элл просто обожают огурцы". Я думала, что он и Томаса начнет так звать, но о Томасе мы говорили не так уж часто.

С того дня в доме Томаса мы с ним больше не занимались сексом. Он сказал, что не хочет со мной спать, пока я не расскажу ему, почему я не девственница. Когда я ответила, что говорю ему правду, он заявил, что не верит мне.

— Вот ведь козел, — возмутилась Дениз, когда я ей все рассказала.

— Да, — вздохнула я, хотя на самом-то деле он был прав — ведь я ему врал.

— Да кому он вообще нужен?

Я пожала плечами. Вообще-то я не возражала бы заняться с Томасом сексом. Я понимала: он думает, что теперь может меня шантажировать, и мне это безумно нравилось. Сначала мне было все равно, но когда до меня дошло, как именно он все это себе представляет, ну, верит, что лишает меня чего-то такого, чего мне до смерти хочется, я стала ему подыгрывать. Я стала совсем как девушки из "Плейбоя", которые просто обожают секс. Иногда я прямо-таки умоляла его, говорила, ну пожалуйста, но он оставался тверд — пока не скажу правду, никакого секса. А потом я шла домой и кончала от мысли, как же я люблю секс и не могу его получить.

Школьная газета с моим интервью вышла уже после окончания войны, так что некоторые вопросы там явно устарели. Но все равно, мое имя напечатали в газете, и я жутко гордилась.

— Это еще что за хрен? — спросил Томас, открывая газету за обедом.

— Мой сосед.

— Что, папаша того парнишки? Ты брала у него интервью?

— Он резервист, — попыталась объяснить я. — А я как раз о них и хотела написать.

— Могла бы написать о чем-нибудь еще, — пробурчал Томас.

— Я — военный корреспондент в нашей газете.

— Нет. Военные корреспонденты на войне.

А ты — в Техасе, — заявил он.

— Мне нужно было взять интервью у человека, который готовился идти на войну.

Томас разглядывал фотографию мистера Вуозо в форме.

— Выглядит точь-в-точь как его придурочный сынок.

— Я знаю.

— Ненавижу этого мальчишку.

Дениз моя статья понравилась. Она сказала, что, если бы мистера Вуозо призвали, я могла бы хранить ее как воспоминание о временах, когда мы были вместе. Правда, реакция мистера Джоффри на ее гороскоп Дениз расстроила. Она принесла ему газету и попросила прочитать секцию гороскопа, но он отмахнулся и сказал, что не верит в астрологию.

Я не отнесла мистеру Вуозо его экземпляр, но у Зака оказался друг, брат которого учился в средней школе, и он-то и притащил Заку

номер газеты. Тот показал ее отцу, и как-то вечером мистер Вуозо явился ко мне для разговора.

— Я никогда такого не говорил, — сказал он, стоя в холле и тыкая пальцем в последнюю строчку в интервью, которая так понравилась нашему редактору Чарльзу. — Я бы такого ни за что в жизни не сказал.

Я не знала, что ему ответить. Я-то надеялась, ему понравится, что я вложила в его уста такие мужественные слова.

— Это какой-то бред, — заявил он, похлопывая по газете рукой. — Иди и принеси мне кассету. Я хочу ее послушать.

— Я не могу.

— Это почему это?

— Папа у меня ее забрал, — призналась я.

— Что?

— Он взбесился, что я взяла интервью у вас, и забрал кассету. Поэтому мне и пришлось все выдумывать.

Я думала, он пожалеет меня, ведь папа так грубо со мной обошелся, но ошиблась.

— Я просто в ярости, — сказал он. — Я представляю войска США, и ни один военный никогда не ляпнул бы ничего подобного.

— Извините.

— Извините? — переспросил он. — Ты что, думаешь, что все это детские игрушки?

— Я не знаю.

— Зато я знаю — это далеко не игрушки.

- Я уверена, что никто в армии не прочитает эту статью, — попыталась я его утешить.
- Откуда тебе знать? — спросил он. — Наверняка в этой школе у многих детей родители служат. Господи... Ты же выставила меня круглым идиотом!
- Я старалась вспомнить все ваши слова.
- Он взглянул на меня.
- Память у тебя дерьмовая, ты в курсе? Даже не смей со мной теперь разговаривать, — заявил мистер Вуозо. — Не смей приходить ко мне в дом, вообще ко мне не подходи. Оставь меня в покое.
- Почему? — Я начала плакать.
- Потому что ты очень глупая маленькая девочка, — ответил он и ушел.

Я не знала, что мне делать. Я долго-долго стояла на одном месте, потом села на диван. Мистер Вуозо больше не будет со мной милым. И он больше не будет жалеть о том, что надо мной сделал. Вместо этого он хочет, чтобы я жалела о том, что сделала. Но ведь он поступил со мной гораздо хуже! Несправедливо. Согласно книжке, я все еще могла донести на него, у меня в запасе было целых три года, но я понимала, что все равно это бессмысленно. Он только еще больше разозлится.

Папа должен был прийти домой еще не скоро. Мистер Вуозо, конечно, велел мне оставить его в покое, но я не смогла удержаться и пошла к нему домой. Дверь открыл Зак.

- Твой папа дома? — спросила я.
- Твоя статья — полное дерьмо! — сказал он вместо ответа.
- Позови папу, — повторила я.
- Мой папа такого не говорил, ты все выдумала! — возмущался Зак.
- Я знаю, что он дома, — говорила я. — Он только что вошел.
- Он не хочет с тобой разговаривать.
- Всего на минуточку, — попросила я.
- Вали домой, чурка.
- Не зови меня так.
- Верблюжатница. — Зак обернулся через плечо и, убедившись, что папы рядом нет, добавил: — Черномазя.

Тут внезапно сбежал котенок. Он пробрался через открытую дверь и через лужайку бросился к дому Мелины.

- Снежок! — заорал Зак.

Темнело, а на нем были только носки, без ботинок

- Пусти! — закричал он мне и побежал во двор. — Снежок! — закричал он снова, пригибаясь к земле и протягивая правую руку, словно в ней была какая-нибудь еда.

Он причмокивал, кричал “Снежок, Снежок”, причем голос у него был гораздо выше, чем обычно.

Я наблюдала за ним с крыльца. Когда Зак прошел через двор Мелины и добрался до соседнего дома, я зашла внутрь и закрыла дверь. Скоро

должна была прийти с работы миссис Вуозо, но я знала, что пара минут у меня в запасе есть. Я тихонько прошла через гостиную и кухню, но мистера Вуозо там не оказалось. Я поднялась наверх. Он лежал в спальне на кровати, прикрыв лоб рукой. На прикроватной тумбочке тускло горела лампа. Мне она напомнила книжку “Маленький домик в прерии”, там была такая старомодная масляная лампа, которую нужно было включать, поворачивая металлический ключ.

— Мистер Вуозо? — окликнула его я.

Он убрал руку со лба и приподнялся, чтобы рассмотреть меня.

— Что ты тут делаешь?

— Я хотела перед вами извиниться.

— Убирайся отсюда, — сказал он, усаживаясь на кровати. — Я же велел тебе никогда сюда не приходить.

— Но я же извинилась.

Мистер Вуозо уселся на краю кровати и начал на меня смотреть.

— Вы ведь сможете меня простить? — умоляюще спросила я.

— Ты перешла черту, — заявил он. — Выдумывать за меня интервью — это уж слишком.

— Я так больше никогда не буду.

Он зло рассмеялся:

— Конечно, не будешь! Я тебе никогда в жизни не позволю снова брать у меня интервью, это уж точно.

Хоть мне и не нужно было еще одно интервью, я расплакалась. Казалось, единственное, что он говорил, это слово "никогда". Это звучало так... окончательно, так бесповоротно.

— Прекрати реветь, — сухо велел он. — На меня это не действует.

— Я не могу прекратить.

— Ну конечно, — сказал он, явно мне не поверив.

— Правда, не могу.

Мистер Вуозо посмотрел на меня долгим взглядом. Потом спросил:

— Ты знаешь, что ты делаешь?

Я покачала головой. Я боялась и не хотела слушать то, что он мне собирался сказать. Но, по крайней мере, он хотя бы со мной разговаривал.

— Ты ведешь себя так, словно не понимаешь, что ты делаешь, но на самом деле ты прекрасно понимаешь, что ты делаешь.

— Нет, не понимаю, — ответила я. Он, кажется, имел в виду что-то плохое.

— Все ты понимаешь. Ты знаешь, что ты делаешь с мужчинами, — сказал мистер Вуозо.

Я промолчала. С одной стороны, мне хотелось оправдываться, а с другой он, кажется, сделал мне комплимент.

— Но, — продолжил он, — меня ты больше этим не заманишь. С меня хватит.

— Я вас не заманивала, — возразила я. — Просто вы мне нравитесь.

— Я не хочу тебе нравиться, — отрезал он. — С тобой что-то не так.

— Не говорите так, — попросила я, стараясь снова не расплакаться.

— Я говорю, что хочу.

Тут позвонили в дверь.

— Это еще кто? — удивился мистер Вуозо.

— Это, наверное, Зак, — пробормотала я.

— Зак?

— Я, кажется, случайно заперла дверь.

— Ради всего святого, — произнес мистер Вуозо и вышел из комнаты. Я спустилась за ним по лестнице и прошла в гостиную. Когда он открыл входную дверь, там и правда оказался Зак, но без котенка.

— Снежок сбежал! — закричал он. — Эта чурка выпустила его, а потом и меня на улице заперла!

Я думала, что сейчас мистер Вуозо велит Заку так меня не называть, но вместо этого он повернулся и сказал:

— Кажется, тебе пора домой.

— Ты его не нашел? — спросила я у Зака.

— Ты слышала, что я сказал? — Мистер Вуозо больно схватил меня за руку и вытолкнул на улицу. Он захлопнул передо мной дверь, а я стояла, не в силах пошевелиться. Кружилась голова.

Через минуту дверь открылась, и на улицу вышли мистер Вуозо с Заком.

— Убирайся! — гаркнул мистер Вуозо, увидев, что я еще тут. — Пошла вон с моего двора!

Я сошла со ступенек, и они вдвоем удалились вглубь участка. Зак обулся и держал в руках пластиковый контейнер с сухим кормом, который иногда встряхивал и кричал: «Снежок, Снежок!» Мистер Вуозо тоже звал котенка. Я медленно пошла домой, надеясь, что где-нибудь увижу Снежка. Но улица была совершенно пуста.

В своей комнате я легла на кровать. Сердце билось как сумасшедшее. Я не знала, что я буду делать без мистера Вуозо. Он был самым близким мне человеком — даже ближе, чем Томас. Он делал со мной всякие вещи, которые взрослый мужчина не должен делать. А когда кто-нибудь проделывает с тобой запрещенные вещи, от которых становится хорошо, это значит, что ты — особенная. Вот почему нельзя этим разбрасываться. Как только такой человек уходит, ты перестаешь быть особенной. Становишься никем. А чтобы снова стать особенной, придется ждать, пока придет другой человек. Но раз то, чем вы занимаетесь, под запретом — шанс встретить второго такого человека стремится к нулю. А значит, придется признать, что теперь ты обречена на одиночество.

Тем же вечером папа, вернувшись с работы, сообщил, что только что сбил кошку.

Я взглянула на него. Я слезла с кровати и теперь сидела за столом и делала уроки.

— Что?

— Она прямо перед машиной пробежала, — сказал он. — Было темно, я ее не заметил.

— Где она?

— В смысле? На обочине. Она умерла.

— Ты ее не забрал? — удивилась я.

— А зачем она мне? Я позвоню в службу бездомных животных, — сообщил папа, — пусть приедут и заберут ее.

— А что это была за кошка?

Папа взял телефонный справочник и начал листать страницы.

— Маленькая такая, белая, — сказал он.

Я глубоко вздохнула:

— Это кошка Вуозо.

— Что? — оторвался от справочника папа.

— Ты сбил кошку Вуозо.

— С чего ты взяла?

— С того, — начала объяснять я, — я сегодня ходила к Заку, и, пока мы говорили, их котенок сбежал.

— Ты шутишь, — не поверил папа, откладывая справочник на стол.

Я покачала головой.

— А что это ты там делала? Ты же терпеть не можешь этого идиота.

— Не знаю.

— Врешь! — закричал папа. — Опять врешь! Никто не ходит и не стучит в дверь соседям неизвестно почему! Говори быстро, зачем ты туда ходила?

— Мне нужно было спросить кое-что у мистера Вуозо, — призналась я.

— Вуозо? — перепросил папа. — Что ты имеешь в виду?

— Мне надо было извиниться перед ним за статью.

— Какую еще статью?

— Мое интервью про резервистов. Для школьной газеты, — сказала я.

— Ты же его не писала, — сказал папа. — Я забрал у тебя кассету.

— Мне пришлось написать его по памяти.

— Ты сочинила фальшивое интервью с Вуозо? — поразился папа.

— Нет, — возразила я, — я почти все вспомнила правильно. Там только чуть-чуть было не так, но мистер Вуозо ужасно разозлился.

Папа замолчал на секунду, а потом спросил:

— У тебя есть с собой газета?

Я кивнула.

— Принеси, — велел он.

Я пошла за рюкзаком, достала газету и принесла папе.

— Вот ведь кретин, — сказал папа, тыкая пальцем в фотографию мистера Вуозо.

Потом он приступил к чтению и почти сразу же разразился хохотом.

— Это вот такого ты навспоминала? — спросил он. — У тебя просто отвратительная память!

Ответы, которые понравились ему больше всего, он зачитал вслух: "Нет, я не боюсь идти

на войну. Это не так уж и страшно, я ведь буду просто возить еду” и “Нам всем нужна нефть для наших машин”. Закончив, папа заявил, что это была лучшая статья, которую он когда-либо читал, и как он был прав, отняв у меня кассету. Потом он сказал:

— Иди, возьми куртку.

Когда я вернулась, он копался под раковиной, вытаскивая оттуда старые футболки с желтыми пятнами пота под мышками — ими он обычно натирал ботинки.

— Держи, — сказал папа, отдавая мне одну из них.

Затем он передал мне желтые резиновые перчатки и, схватив куртку со стула, сказал:

— Ну, пошли!

Мы залезли в машину и проехали до конца улицы, потом повернули налево. Скоро в свете фар я увидела котенка. Он лежал скрючившись и походил на мертвого жука, — я давно заметила, что только присутствие жизни заставляет их держать спину прямо.

— Иди заberi ее, — велел папа, и я открыла дверь.

Я нервничала. Впервые мне предстояло так близко рассмотреть кого-то мертвого. Я хотела забрать кошку как можно раньше. Я знала, что скоро она окоченеет, и мне страшно не хотелось ее такую трогать.

Глаза у нее были открыты, и на секунду мне показалось, что она до сих пор жива. Но когда я подошла поближе и увидела, что глаза у нее

не двигаются, я поняла, что она мертвая, совершенно точно мертвая. По телевизору я видела, как умершим людям закрывают глаза, опуская веки. Нехорошо мертвецам лежать с открытыми глазами. В любом случае, котенку я ничем помочь не могла — у кошек же нет таких век, как у людей. Вместо этого я только прошептала: “Прости, Снежок”.

Папа снабдил меня резиновыми перчатками. Я тоже думала, что котенок будет весь в крови, но на самом деле только на левом ухе виднелась маленькая струйка. Но, как бы то ни было, прежде чем уложить его на середину папиной футболки, которую я расстелила на дороге, я надела перчатки.

Он еще не окоченел, но все равно был какой-то не такой — весь как одна большая напрягшаяся мышца. Я заметила, что, перенося его, я прикрываю глаза. Совсем как в кино, когда смотришь ужастик, — прикрываешь рукой глаза, но все равно смотришь.

Я уложила его на футболку, потом просто соединила все четыре конца и понесла ее как мешок. Папа открыл мне дверь и сказал:

— Положи его на колени.

Те минуты, что мы ехали до дома, прошли в тишине. Около гаража папа заглушил мотор и повернулся ко мне:

— Занеси его в дом.

— А мы разве не отнесем его Вуозо? — удивилась я.

— Ты издеваешься? — спросил в ответ папа. — Чтобы этот говнюк назвал меня убийцей? Забудь об этом.

Дома, на кухне, он стоял позади меня и говорил, что мне делать — сначала завернуть кошку в пищевую пленку, потом в несколько пластиковых пакетов. Затем он велел мне убрать ее в холодильник, чтобы через пару дней спокойно выбросить в мусор.

— Но тогда они никогда не узнают, что с ним случилось, — возразила я.

— Ну, — протянул папа, — об этом тебе следовало подумать до того, как ты выпустила его на верную смерть.

Вечером, лежа в кровати, я все думала о папиных словах. О том, что это я убила Снежка. Конечно, в чем-то он был прав, но в то же самое время я не понимала, как же это я могла быть виновата в смерти котенка. Я убила его, потому что пришла извиниться перед мистером Вуозо, но мне никогда не пришлось бы перед ним извиняться, если бы не папа, который забрал у меня кассету и вынудил выдумать все интервью. С какой стати папа обо всем берется судить? Почему он так уверен, что я одна во всем виновата? Я поняла: это все потому, что он считает, что сам-то никогда не поступает неправильно. Но это не так. Он расист, и он очень грубый... Мне вдруг подумалось, что однажды об этом узнает кто-нибудь и кроме меня.

На следующий день в школе я рассказала Томасу о Снежке.

— Я хочу на него посмотреть, — заявил он.

— Нельзя, — перепугалась я. — Мы его завернули в сто пакетов.

— Ну так мы развернем.

— Я даже не знаю, — сомневалась я.

— Я сам, не бойся. Тебе не придется снова его трогать.

Я промолчала. Больше всего меня беспокоило, что Вуозо могли увидеть нас с Томасом, разыскивая Снежку, и донести на меня папе.

— Ну, давай, — настаивал Томас, потом понизил голос и добавил: — Я займусь с тобой любовью.

— Правда?

Он кивнул.

— Я знаю, тебе этого не хватает, — важно заявил он.

Когда Томас говорил со мной так, вел себя так, словно я безумно обожаю заниматься сексом, я была счастлива. Папа злится, когда люди делают всякие предположения на его счет, а мне это нравится. Мне тогда кажется, что они хотят узнать меня поближе. И какая разница, правы они или ошибаются. Они ведь пытаются меня узнать, интересуются мной.

— У меня нет презервативов, — сообщила я.

— И что? — спросил Томас — Я вытащу перед тем как кончить.

— А это сработает? — не поверила я.

— Ага.

— Ну ладно.

— Договорились, — сказал он и под столом коснулся моей ноги своей.

Когда позже днем мы с Томасом сошли с автобуса, Зак ходил по улице, выкрикивая имя Снежка.

— Эй, Зак! — позвал его Томас, словно они были старыми друзьями.

Зак его проигнорировал.

— Я слышал, у тебя кошка сбежала, — продолжил Томас.

— Отвали! — пробормотал Зак.

— Что-что? — переспросил Томас.

Зак не стал повторять. Вместо этого он закричал: “Снежок!” — чуть громче, чем до этого.

— Снежок! — заорал в ответ Томас.

— Не надо! — завопил Зак. — Он испугается! Он никогда не вернется, если поймет, что вы тут.

— А что, если он вообще никогда не вернется? — поинтересовался Томас.

— Пошли, — потянула я его, — пошли.

— Что, если он уже умер? — не унимался он.

— Пошел ты, — огрызнулся Зак. — Откуда тебе знать? — И он двинулся в другую сторону от нас.

Дома Томас сразу пошел к холодильнику.

— Это он? — спросил он, показывая на странной формы сверток в белом пластиковом пакете.

Я кивнула.

Он вытащил пакет из холодильника и положил на столешницу. Звук раздался такой же, как от куска льда. Да, впрочем, он уже и был обычным куском льда.

— Поверить не могу, что он заставил тебя его упаковывать, — сказал Томас, развязывая один из множества узелков, которые я вчера сделала из ручек пакета.

— Это мое наказание, — объяснила я. — Я же его убила.

— Брехня, — отозвался Томас. — Ты даже водить не умеешь.

Тогда я подошла к нему поближе и приклонила голову на плечо.

— Да, ну и пакетов тут, — бормотал он каждый раз, снимая пакет и обнаруживая под ним еще один.

— Папа хотел, чтобы все было гигиенично.

— Три это гигиенично. А пять — это уже дурдом.

Наконец он добрался до пищевой пленки. Так уже можно было рассмотреть Снежка довольно хорошо.

— Ох, боже, — вздохнул Томас. — Это так грустно.

— Хороший был котенок, — добавила я.

Он кивнул.

— У него глаза открыты?

— Угу, — подтвердила я.

— А чего ты их не закрыла?

Я пожала плечами.

— Нужно их закрыть, — решил Томас.

— Нельзя, он же заморожен.

— Да ничего, — ответил он. — Мы его немножко разморозим, и тогда все получится.

— Времени нет, — предостерегла я.

— Конечно, есть! — Он обнял меня и нежно поцеловал пару раз в щеку. — Мы пока пойдем к тебе в комнату, а когда вернемся, он уже станет помягче.

— А он вонять не начнет?

— Не начнет, не бойся, — отмахнулся Томас.

— Ты уверен? — спросила я.

— Да, — прошептал он, наклонившись к моему уху.

Мы прошли ко мне в комнату, и Томас велел мне раздеться. Он стоял и смотрел на меня.

— А ты не будешь раздеваться? — поинтересовалась я.

Он помотал головой.

— Я хочу, чтобы ты была голая, а я нет. Я только джинсы расстегну, и все.

— Почему? — не поняла я.

— Потому что это сексуально, — объяснил он. — Это показывает, насколько сильно ты меня хочешь.

Мне показалось, что определенный смысл в этом есть, так что я согласилась. Когда я сняла всю одежду, он попросил встать меня на кровать на четвереньки.

— Зачем это? — снова не поняла я.

- Мне так хочется.
- Но я же не буду тебя видеть.
- Ты меня почувствуешь, — пообещал он.

Я сделала, как он просил, хоть это меня и смущало. Больше всего меня беспокоило, что он сможет рассмотреть всю мою попу. Я обернулась было, чтобы посмотреть на Томаса, но он велел мне стоять смирно. Он сказал, чтобы я смотрела вперед и не волновалась ни о чем. Я услышала, как он расстегивает молнию, потом почувствовала кожей его член. Он тыкался в место, где вообще не было никакого отверстия.

- Не туда, — подсказала я.
- Погоди, сейчас.

Наконец он нашел нужное место. Я возбудилась, когда он еще целовал меня на кухне, так что член вошел легко.

- О Господи, — услышала я его шепот. — Тебе хорошо?
- Да, — ответила я, хотя не была в этом уверена.

Не плохо, это точно. Я чувствовала точно то, что происходило — Томас держал меня за бедра, входил и выходил из меня.

- Ты скоро кончишь? — спросил он через минуту.
- Не думаю, — призналась я.
- Девушка должна первой кончить, — сообщил он.
- Не думаю, что у меня вообще получится.
- Почему?

— Не знаю, — ответила я. — Я умею кончать, только когда сама с собой.

Тогда Томас провел свою руку вниз и прикоснулся ко мне между ног. Из меня сразу же вырвался длинный вздох, хоть я и не собиралась так стонать.

— А так кончишь? — спросил он у меня.

— Да, — решила я.

Через несколько секунд таких его ласк я кончила. Еще один стон вырвался из моего рта, такой, словно голос у меня дрожал. Как же было хорошо кончать не одной, а с кем-то еще. Просто невероятно — я не единственная, кто знает, как доставить мне же удовольствие.

— Я сейчас кончу, — прохрипел Томас.

— Давай.

Я почувствовала, как он вышел из меня.

— Перевернись, — попросил он.

Я послушалась. Вместо того чтобы войти в меня снова, Томас сел передо мной на колени, начал смотреть мне между ног и мастурбировать. Сразу перед тем как кончить, он подвел член к моему животу и затем весь его залил. Даже в пупок сперма попала.

Кончив, он повалился рядом со мной на кровать.

— Можно платок? — спросила я.

— погоди секунду.

— Мне нужен платок, — сказала я. Сперма щекотала мне живот. — На постель попадет.

— Ладно, — сказал он и пошел в ванную.

Вернувшись, он сам вытер меня салфеткой.

— Тебе понравилось? — спросил он.

— Да, — ответила я.

На самом деле я так и не въехала, понравилось мне или нет. Но когда он так спросил, уверенный, что мне понравилось, мне сразу захотелось с ним согласиться.

— В следующий раз я кончу тебе на грудь, — сообщил он.

— Ладно.

Я попыталась не выдать своей радости. Он хочет снова заняться со мной сексом, и мне даже не придется объяснять ему, почему я не девственница!

Томас скомкал салфетки.

— Пошли посмотрим, растаял он или нет.

Он не растаял. Но начал вонять. Томас заявил, что ничего не чувствует, но я поняла, что он просто не хочет признать, что ошибся.

— Нужно завернуть его обратно, — решила я.

— Слушай, — предложил Томас, — мы же можем засунуть его в микроволновку, секунд на тридцать.

— Ни за что, — отказалась я.

Он начал напоминать мне мальчишек в школе, которые постоянно рассказывали тупые шутки про животных, которых засовывали в посудомоечные машины и сушилки.

— Оставлять его с открытыми глазами — непочтительно, — заявил он.

— Ага, вот только в микроволновку его совать — еще более непочтительно, — парировала я.

— Нет, если мы это делаем для того, чтобы закрыть ему глаза.

Я задумалась. Я не знала, как поступить.

— А что, если он еще больше развоняется? — спросила я.

— Не успеет, — уверил меня Томас. — Это же всего тридцать секунд.

Но он успел. Не слишком сильно, но и не слабо. Даже Томасу пришлось признать, что он чувствует запах. К тому же даже после тридцати секунд в микроволновке глаза у котенка все равно никак не желали закрываться.

— Надо убрать его обратно в холодильник, — повторила я, и на этот раз он меня послушал.

Я смотрела, как Томас заворачивает кошку в пакеты, совсем как папа вчера смотрел на меня. Когда он делал что-нибудь не так, я его поправляла, но только не так грубо, как папа. Томас не хотел снова заворачивать его во все эти пакеты, но я сказала, что, если он схалтурит, у меня будут неприятности.

— Какие от этого могут быть неприятности? — не понял Томас. — Неужели твой папаша полезет проверять, во сколько пакетов завернута кошка, прежде чем выбросить ее в мусорку?

— Не знаю, — призналась я. — С него станет.

— Знаешь, верится с трудом, — сказал Томас, и мне стало обидно, хотя папа и вправду вряд

ли стал бы проверять пакеты. Я не знала, как объяснить Томасу, что не в этом дело. Просто я постоянно должна делать все таким образом, чтобы это нравилось папе.

Мы поцеловались на прощанье в гостиной, затем я открыла ему дверь. На улице мы увидели мистера Вуозо, спускающего флаг.

— А вот и герой твоей статьи, — сказал Томас и рассмеялся.

— Тссс, — зашипела я.

— Чего такое?

— Ему не понравилось интервью.

Томас пожал плечами.

— А по-моему, вполне ничего. Там описан вполне себе достоверный козел.

Тут мистер Вуозо нас увидел.

— О нет, — прошептала я.

— Я разберусь, — сказал Томас.

— Джасира, — поздоровался мистер Вуозо, заходя к нам на газон. Треугольный флаг торчал у него из-под мышки.

— Да? — отозвалась я.

— Что тут происходит? — поинтересовался он.

— Ничего.

— В каком смысле — что тут происходит? — отозвался Томас.

— Я что, с тобой разговариваю, сынок? — осведомился мистер Вуозо.

— Я вам не сынок, — огрызнулся Томас.

— Твой отец в курсе, что он тут? — спросил мистер Вуозо у меня.

Я промолчала.

— Оставьте ее в покое, — посоветовал Томас и переменил позу, чтобы казаться немного выше, чем он есть на самом деле.

Мистер Вуозо его проигнорировал.

— Можешь прийти ко мне поговорить, когда он уйдет, — сообщил он мне и пошел обратно к дому.

— Да кем он, черт возьми, себя возомнил? — сказал Томас так, чтобы мистер Вуозо его услышал.

Я пожала плечами.

— Даже не смей идти и разговаривать с ним, — предупредил он.

— Не пойду, — ответила я.

Я и правда не собиралась к нему идти. Почему-то сегодняшнее поведение мистера Вуозо напомнило мне о том дне, когда он засунул в меня пальцы.

— Иди в дом и запри дверь, — посоветовал Томас.

Я кивнула и прошла в дом. Заперев дверь, я отодвинула в гостиной штору и помахала Томасу на прощанье. Как только он скрылся из поля зрения, я задернула штору обратно и пошла на кухню все проверить. Все вроде бы было в порядке, за исключением этого запаха. В подсобке я достала из шкафа баллончик освежителя воздуха и попикала им повсюду. В итоге к запаху мертвой кошки примешался запах гардений. Я прошла по всему дому, открывая окна. Когда я добралась до

гостиной, раздался звонок в дверь. Я застыла на месте.

— Джасира! — услышала я голос мистера Вуозо. Я не шелохнулась.

— Я знаю, ты дома! — сказал он.

— Да? — откликнулась я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно дружелюбнее.

— Открой дверь, — попросил он.

Я не сдвинулась с места.

— Живо! — заорал он.

В конце концов я отодвинула штору и взглянула на него через окно.

— Что вам надо?

— Открой мне дверь, — повторил он, немного вытягивая шею в сторону.

— Скажите, что вам нужно, оттуда.

— Черт побери! — выругался он. — Я же велел тебе прийти ко мне, как только этот парень убежится.

— А я не хочу, — заявила я.

— Неужели?

Я покачала головой. Еще секунду он постоял на ступеньках. Затем спустился и подошел прямо к окну. Он не обратил внимания на бархатцы, которые папа посадил под подоконником, и встал прямо на них.

— Чем ты занималась с этим ниггером? — спросил он.

— Ничем.

— Или ты скажешь, чем вы занимались, или я расскажу твоему папаше, что этот негрила

был у тебя, и мне наплевать, избыет он тебя до смерти или нет.

У меня аж дыхание сперло, когда он заговорил о папиных побоях.

— Пожалуйста, не говорите папе, что Томас тут был, — попросила я.

— Просто скажи, чем вы с ним занимались, вот и все.

Я промолчала.

— Ты что, позволила ему себя трахнуть?

Я все еще молчала.

— Господи Иисусе, — выговорил он.

— Вы пообещали, что не будете на меня доносить, — сказала я.

— Господи Иисусе, — повторил он снова.

Первым делом, войдя домой, папа поинтересовался:

— Чем это так пахнет?

— Пахнет? — Я глубоко вдохнула, демонстрируя, что не понимаю, о чем это он.

— Тут чем-то воняет, — повторил он, принюхиваясь повсюду.

— Я не чувствую.

— Может, из мусорки? — предположил папа и открыл дверцу под раковиной. Мешок был набит битком. — Вынеси мусор, Джасира.

Я кивнула и пошла завязывать на пакете узел.

— Если ты не будешь выполнять свои обязанности, у нас заведутся тараканы, — предупредил папа. — А если у нас заведутся тараканы, за

услуги дезинсектора ты будешь платить из своего кармана.

— Ладно.

— А это очень дорого, — добавил он.

Я думала, что папа попросит заодно выбросить и Снежка, но он промолчал. Наверное, забыл. Но я не стала ему напоминать. Я понимала, что он мертв, но все равно выбрасывать его в мусорный контейнер мне совсем не хотелось.

Назавтра в школе Томас стал расспрашивать меня, что произошло с мистером Вузо.

— Ничего, — ответила я. — Он потом приперся и хотел со мной поговорить, но я ему дверь не открыла.

— О чем это он хотел с тобой поговорить?

— Откуда я знаю, — соврала я.

Томас умолк на секунду.

— Он что, в тебя втюрился? — наконец спросил он.

— Что?

— Он тебя любит? — повторил он.

— Нет, — сказала я, хотя мысль о том, что Томасу так кажется, представилась мне интересной.

— Он с тобой разговаривает так, словно в тебя влюблен, — объяснил Томас. — Понимаешь, когда влюбляешься, всегда начинаешь так командовать, как он. Со стороны это особенно заметно.

— Не думаю, что он меня любит, — с сомнением произнесла я.

— Но это возможно.

— Вряд ли, — повторила я.

Но до конца этого дня я только и делала, что думала о словах Томаса. Мне-то всегда казалось, что я мистеру Вуозо не нравлюсь, что он просто так развлекается. Мне даже в голову никогда не приходило, что тут может быть что-нибудь еще.

В классе мы с Дениз стали обмениваться записками. Она написала: “У мистера Джоффри есть подруга. Поверить не могу” — и пририсовала грустную рожицу с крошечной слезинкой на щеке.

Я ответила: “Ты уверена?” — и она прислала новую записку: “Да. Он наконец прочел мой гороскоп и сказал, что для его девушки все полностью совпало”.

“А что там было?” — поинтересовалась я.

“Что Близнецы в этом месяце будут сверкать невообразимой красотой и обретут успех в работе. Ох. Он прямо меня лицом ткнул в это место”, — писала Дениз

“Может, он просто хотел, чтобы ты остыла к нему?” — предположила я.

“Нет, он хотел меня отшить, и пожестче”, — ответила она.

“Сочувствую”, — написала я в ответ.

Потом Дениз спросила, как у меня дела с мистером Вуозо, и я сказала, что все хорошо. Я не стала ей говорить, что он разозлился из-за моего интервью, и что вчера он меня напугал, и что, возможно, он в меня влюблен.

Дениз в ответ написала, что она мне завидует. “Тебе так повезло, — гласила записка, — постарайся выяснить, когда у него день рождения, и тогда я напишу ему хороший гороскоп”.

Вернувшись из школы домой, я сделала уроки. Потом включила телевизор и начала гладить. С тех пор как я лишилась подработки у Вуозо, папа начал платить мне за глажку его рубашек. Теперь он не носил их в прачечную, а давал мне по полтора доллара за каждую. Он сказал, что, если я буду плохо гладить, он снова начнет отдавать их в прачечную.

Каждая рубашка занимала у меня где-то пятнадцать минут, и, когда около шести раздался звонок в дверь, я обработала уже пять штук. Я пошла к двери, но, вместо того чтобы сразу ее открыть, сначала посмотрела в маленькое окошко, кто там. Увидев мистера Вуозо, я открыла окно и поздоровалась.

— Привет, — поздоровался он в ответ. По сравнению со вчерашним днем он выглядел гораздо спокойнее. — Можно мне войти?

— Не знаю, — сказала я. — Папа должен скоро прийти.

Мистер Вуозо бросил взгляд на часы.

— Думаешь? — спросил он. — Вообще-то еще рано.

— Может, так поговорим? — предложила я.

— Конечно, — согласился мистер Вуозо. Тем не менее мне показалось, что он немного расстроился.

— Все в порядке? — спросила я.

— Ну, — начал он, — я вообще-то пришел извиниться за свое вчерашнее поведение. Мне очень жаль.

— Да ничего страшного.

— Нет, — возразил он, — это не так. Я не имел права так с тобой говорить.

Я промолчала. Для меня не было счастливее минут, когда мистер Вуозо раскаивался в своих поступках.

Он глубоко вздохнул.

— А еще я хотел попрощаться, — сказал он.

— Прощаться?

— Меня призывали, — кивнул он.

Я посмотрела на него сквозь стекло. Сегодня он стоял на ступеньках и, пока мы говорили, склонялся ко мне все ближе и ближе.

— Но война же закончилась, — не понимала я.

Он усмехнулся.

— Война-то закончилась, — объяснил он, — но гуманитарная помощь им все равно нужна.

Я все равно ничего не понимала. Папа ведь сказал, что мистера Вуозо скорее всего не призовут. Правда, вполне возможно, папа сам не понимал толком, о чем говорит. Он почти всегда говорил о вещах, о которых не имел ни малейшего представления.

— Вас что, даже убить могут? — спросила я.

— Не думаю, — успокоил меня мистер Вуозо. — Во всяком случае, я на это надеюсь.

— Я не думала, что вам придется уезжать, раз война уже кончилась.

- Для меня это тоже стало неожиданностью.
- Я не хочу, чтобы вы уезжали, — призналась я.
- Я вернусь, — пообещал он.
- Я не знала, как мне на это ответить.
- Ну ладно, — решил он. — Пока.
- Я смотрела, как он разворачивается и спускается по ступенькам. Когда он прошел уже половину дорожки, я закричала:
- Стойте! — и открыла дверь.
- Он остановился и повернулся ко мне.
- Можете зайти, — сказала я.
- Он подумал секунду, кивнул и пошел обратно к дому. За ним тянулся аромат его одеколона. Осмотревшись в гостиной, он плюхнулся в папино кресло.
- Иди сюда, — позвал он. — Посиди со мной.
- Я не двинулась с места. Мне понадобилась где-то минута, чтобы привыкнуть к тому, что он снова стал со мной милым.
- Спасибо, что не рассказали папе про Томаса, — поблагодарила я.
- Томаса? — не понял он.
- Моего друга, который тут был вчера.
- О, — вымолвил он. — Я не очень хочу это обсуждать.
- Извините.
- Может, подойдешь поближе?
- Я медленно сделала несколько шагов.
- Посиди со мной, — повторил он, похлопывая себя по коленям.

Как только я села, я почувствовала его член. Я понимала, что он снова хочет делать со мной всякое такое, и знала, что должна его слушаться, раз его призвали на войну. Правда, главным образом мне казалось, что я должна заняться с ним сексом, потому что уже проделывала это с Томасом, и мистер Вуозо был в курсе. Я боялась, если я откажусь, он спросит, почему же я с Томасом на это согласилась и чем он хуже его. А я не знала, как ответить на такой вопрос.

Я сидела у него на коленях, и скоро он начал гладить руками мою грудь. Сначала он задрал мне рубашку, потом лифчик. Затем он начал трогать грудь и ущипнул меня за сосок.

— Ой! — вскрикнула я, прикрывая рукой грудь. — Не делай так.

Он прекратил меня щипать, правда, очень странно при этом на меня посмотрел. Как будто я сказала что-то очень смешное.

— Ладно, — согласился он. — Буду делать что-нибудь еще.

Он велел мне встать на колени, потом растегнул штаны и засунул член мне в рот. Сначала он сам двигал мою голову так, как ему нравилось, а потом убрал руки, и я уже делала все сама. Когда я начала сосать как-то не так, он взял меня за уши и еще раз показал, как надо делать правильно.

Через несколько минут он велел мне остановиться и встать. Затем он растегнул на мне джинсы, и я сняла их, оставшись в одних труси-

ках. Потом он велел мне лечь животом на журнальный столик и вошел в меня сзади. Это было совсем как с Томасом вчера, когда я была голой, а он нет. Но только мистер Вуозо не ласкал меня, как Томас. Он только вдавливал мою голову в ковер.

Несколько минут мы двигались в такт, потом он вытащил член и приказал мне встать. Он уселся обратно в папино кресло и снова засунул член мне в рот. Я мужественно рассчитывала проглотить всю сперму, но в последний момент он вытащил член и направил его мне на лицо. Сперма попала мне на губы, немножко на щеку. — Как хорошо, — пробормотал он, убирая пенис в штаны. — Как же мне было хорошо.

Потом он застегнул джинсы и сказал, что будет вспоминать обо мне в Ираке.

После того как он ушел, я прижала руки к лицу, чтобы сперма не капала на пол. Я чувствовала, как она стекает с моего лица. Голой я прошла в ванную, стараясь не запачкать ковер. Там я залезла в душ, избегая смотреть в зеркало. Я не хотела видеть себя такой.

В душе я страшно затосковала по Томасу. Мне хотелось сказать ему, что он был совершенно не прав насчет любви мистера Вуозо. Хотелось сказать, что надо было послушать его и не открывать мистеру Вуозо дверь.

Я вышла из душа, обернула вокруг головы полотенце. Надела свежую одежду и засунула грязную в стиральную машину, где уже лежала

алисия эриан как на ладони

папина. Он не одобрял, когда я запускала полупустую машину. Потом я снова начала гладить. До прихода папы я успела выгладить еще две рубашки. Когда он их увидел, то сказал, что я рубашки глажу гораздо лучше, чем в прачечной. Он достал кошелек, чтобы заплатить мне. Он был таким милым, что я с трудом удержалась, чтобы не расплакаться.

глава десятая

Мистера Вуозо так и не призвали. Каждый день я ждала этого, но он все не уезжал. Жил себе и жил, как прежде. Каждый день я видела, как он выносит мусор, достает почту, опускает флаг. Приезжает и уезжает. Неприятно было думать о том, что он мне лгал. Я ему поверила, и теперь мне было ужасно стыдно. А ему, казалось, на это наплевать. Стыдилась я своей глупости. Я сделала то, чего совершенно не хотела делать, и теперь каждый день была вынуждена сталкиваться с человеком, с которым я это сделала.

Хуже всего было то, что при встрече он меня не игнорировал. Улыбался, махал рукой или даже окликал: "Привет, Джасира! Как жизнь?" На втором месте по отвратительности стояло то, что мне приходилось улыбаться в ответ и говорить: "Спасибо, хорошо". Когда он только начал вести себя так искренне и дружелюбно, я думала, что, наверное, его все-таки призвали, просто он

еще не уехал. А потом я как-то спросила об этом у Зака.

— Моего папу не призывали! Ты что, совсем тормознутая? Война же кончилась. Мы надрали Саддаму задницу.

Особенно стыдно мне было смотреть в глаза Мелине. Если я видела, что она вышла во двор, то сидела дома. Если я сама гуляла на улице и выходила она, я тут же находила повод и убегала домой. Я больше не ходила к ней читать свою книгу и даже не открывала дверь, если думала, что это она пришла. У меня кончились тампоны, и, вместо того чтобы попросить Мелину купить их, я начала использовать прокладки. Именно прокладки стали одной из тех немногих вещей, что как-то скрашивали мою жизнь. Они стали моим добровольным наказанием.

Я считала, что заслуживаю наказания. Ведь в тот раз с мистером Вуозо мое тело было в полнейшем восторге. Разуму это все не нравилось, но тем не менее мистер Вуозо без труда вошел в меня. Он бормотал что-то вроде: “Ты ведь хочешь меня, да?” и “Тебе ведь это нравится, а?” — и я начала чувствовать, что мое тело меня предало. Казалось, мысли в моей голове существовали совершенно отдельно от моего тела. Часть меня, которая контролировала то место между ног, хотела, чтобы все эти плохие вещи со мной случились. И делала все, чтобы упростить для моего тела этот процесс.

Когда я думала обо всем этом, у меня кружилась голова. Иногда, если я думала о таком

слишком долго, пальцы начинало покалывать, а внутри меня что-то сжималось в маленький комочек, такой же, как мертвый Снежок на дороге.

На уроке французского мадам Медигэн три раза спросила, как у меня дела, прежде чем я смогла поднять голову и пробормотать: "*Je vais très bien*"¹. Томасу так часто приходилось повторять свои слова, что он начал называть меня глухой. И только Дениз поняла, почему мне на все наплевать. "Он больше тебя не любит?" — написала она в записке на уроке. "Да", — ответила я и нарисовала грустную рожицу со слезинкой — такую же, как Дениз нарисовала в честь мистера Джоффри.

Дениз пригласила меня в субботу в гости, и я спросила у папы разрешения.

— Конечно, — сказал он. — Только сперва сделай все домашние дела.

Поэтому все субботнее утро я провела, отчищая ванную и мучая ковры пылесосом. Еще папа велел помочь ему в саду — убрать все клумбы, которые мы посадили перед домом. После того как мама вернулась в Сиракьюс, мы перестали за ними ухаживать. Когда мы, стоя на коленях, ковырялись в земле, пришел муж Мелины, Гил. Он сказал папе что-то по-арабски, и тот ответил. Я знала, что, встречаясь на улице, они всегда перекидывались парой слов по-арабски. Дома

1 "Хорошо".

папа всегда отмечал, что Гил прекрасно знает язык, но его взгляды на политику крайне предсказуемы.

— Отличный день для работы в саду, — сказал Гил, на этот раз по-английски. На нем были джинсы и домашние тапочки, а под мышкой он зажал утреннюю почту. Я как-то заметила, что очки он носит только по выходным, как некоторые люди спортивные штаны или старые кроссовки.

— Да, — отозвался папа, бросив взгляд на солнце, — вот мы с Джасирой и решили этим воспользоваться.

Я ненавидела, когда он делал вид, будто какое-нибудь занятие — наша общая идея. На самом деле все всегда решал он сам. Конечно, это всего лишь сад, но меня все равно это бесило.

— Ну, — произнес Гил, — не буду вам мешать. Я-то пришел, чтобы пригласить вас к нам на ужин. Мелина решила, что нам следует всем вместе отпраздновать окончание войны.

— Отпраздновать? — переспросил папа. — Что же тут праздновать?

Я думала, что папин тон напугает Гила, но тот, кажется, даже ничего не заметил. Улыбнувшись, он ответил:

— А вас это разве не радует?

— Нет, — буркнул папа, — не радует.

Гил пожал плечами:

— Ну, не обязательно праздновать. Можно и просто поесть.

Я надеялась, что папа откажется и нам не придется к ним идти. Что он будет вести себя как обычно и не захочет сближаться с другими людьми. Но он меня разочаровал.

— Как это мило с вашей стороны, — сказал он. — Конечно, мы с радостью придем.

— Отлично, — обрадовался Гил и сообщил, что ждет нас в пятницу в половине восьмого.

Как только он ушел, папа заявил:

— Этот тип такой же идиот, как и Буозо. Оба навешивают на меня ярлыки.

— Тогда зачем ты согласился идти на ужин? — удивилась я.

Папа взглянул на меня:

— Я думал, ты дружишь с этой Мелиндой.

— Мелиной, — поправила я.

— Не называй взрослых по имени.

— Извини.

После обеда он подвез меня к Дениз. Он дождался, пока та откроет дверь, и уехал. Дениз помахала ему рукой, но он, кажется, не заметил.

— Пошли, — позвала она, — мы как раз обедаем.

Я сказала, что уже поела, но Дениз заявила, что ее мама испекла пирог, так что мне придется поесть еще раз.

Миссис Стэсни, женщина с короткими рыжими волосами, была гораздо выше Дениз. Когда мы вошли в кухню, она пожала мне руку и велела нам присаживаться.

— А у Джасиры депрессия, — заявила Дениз.

— Правда? — спросила миссис Стэсни, вытаскивая пирог из плиты и ставя его на стол. — Из-за чего?

— Ее бойфренд разлюбил. Совсем как у меня, — сообщила Дениз.

— Девочки, вы еще слишком маленькие, чтобы расстраиваться из-за парней, — сказала миссис Стэсни.

— Неправда, — возмутилась Дениз. — У нас как раз переходный возраст.

Ополоснув тарелки, мы сложили их в посудомоечную машину, и миссис Стэсни повезла нас в торговый центр. Дениз хотела купить себе пару штанов, но подходящих не нашлось. Те, что идеально сидели на талии, дико жали в попе, а те, что сели как влитые на попу, болтались в талии.

— Вот ведь отстой. — Дениз вздохнула так тяжело, что прядь ее светлых волос отлетела в сторону.

Раз уж Дениз не смогла найти себе нормальной одежды, мы решили пойти в ателье под названием “Волшебные снимки” и сфотографироваться. Там нас накрасили, одели в красивые платья и показали, как позируют модели. Я стеснялась, но Дениз заявила, что только это сможет ее утешить. После съемки фотограф показал нам все снимки, и мы выбрали самые удачные. Мне хватило денег только на одну копию, но Дениз заказала мне еще две.

— Одну маме, одну папе, — сказала она. — Вот так.

Я поблагодарила ее, хотя понимала, что меньше всего мои родители мечтают о сексуальной фотографии своей дочери.

Папа Дениз забрал нас около шести часов. Высокий, но полный, он носил слуховой аппарат телесного цвета — о нем упоминала Дениз. Я его сразу заметила, потому что сидела в машине позади него. Все это время он провел в тренажерном зале и теперь подробно рассказывал нам про свои достижения: сколько миль пробежал, сколько скручиваний для пресса сделал, с каким весом отжимался лежа. Он похвастался, что потерял уже почти полтора килограмма. Дениз заявила, что это, конечно, очень хорошо, но ей хочется поговорить о чем-нибудь еще помимо спортзала.

— Задай Джасире какие-нибудь вопросы про нее, — велела она. — Узнай хоть что-нибудь о моих друзьях.

— Расскажи про себя, Джасира, — послушно сказал мистер Стэсни, глядя на меня в зеркало заднего вида.

— Не так! — возмутилась Дениз. — Задай ей какой-нибудь личный вопрос.

Мистер Стэсни задал мне несколько “личных” вопросов — про школу, папу и маму. Мне это напомнило беседу с родителями Томаса, вот только мистера Стэсни совершенно не интересовали мои ответы. Конечно, он не был невежливым или что-нибудь в таком духе. Просто, наверное, он еще не все рассказал про свое посещение спортзала.

Ужинать мы отправились в ресторан “Олив Гарден”, где мистер Стэсни стал позорить Дениз, громко разговаривая и представляясь официантке по имени. Потом мы вернулись к Дениз домой и сели смотреть фильм из проката, который назывался “Кусочек синевы”. Фильм был старый, шестидесятых годов, и в нем рассказывалась история любви слепой девушки и негра.

— Я подумала, что ты сразу вспомнишь о себе и Томасе, — сказала Дениз.

— Ну, я же не слепая.

Она стукнула меня по руке.

— Да при чем тут это! — воскликнула она.

В середине фильма Дениз положила голову мне на ноги, которые я вытянула вдоль дивана. Иногда, когда я пыталась отщипнуть кусочек заусеницы с пальца, она брала меня за руку и строго велела прекратить. И потом не сразу отпускала мою руку.

Мистер и миссис Стэсни ушли в гости к друзьям, и, когда они вернулись, я забеспокоилась, как они отреагируют, увидев нас в таком виде. Но, возникнув в дверном проеме, миссис Стэсни только заметила, как это романтично. На это Дениз велела ей заткнуться, а миссис Стэсни только засмеялась и пожелала нам спокойной ночи. Я даже представить не могла, каково это — велеть маме заткнуться. И не могла представить, чтобы моя мама нормально отнеслась к тому, что я — романтическая.

Я надеялась, что спать Дениз ляжет рядом со мной, как тогда на диване, но она держалась своей стороны кровати. Я немножко подумала, а может, я лесбиянка, но потом решила, что все же нет. Скорее всего, мне просто нравится, когда до меня дотрагиваются, а мне из-за этого не делается плохо или больно.

Когда на следующее утро за мной приехал папа, на переднем сиденье его машины красовался “Плейбой”, подаренный мне мистером Вуозо. Я увидела его сквозь пассажирское окно еще до того, как открыла дверь, и на секунду захотела убежать обратно в дом Дениз, чтобы попросить убежища. Но я не убежала. Я стояла как истукан и смотрела на сиденье.

— Залезай! — злобно прошипел папа, и я наконец набралась смелости, чтобы взяться за дверную ручку.

Прежде чем сесть, мне пришлось взять в руки журнал, и это почему-то смутило меня больше всего — ведь я дотронулась до него в присутствии папы.

Сначала он молчал. Сидел и смотрел, как я пристегиваюсь. Я не знала, куда деть журнал, так что в итоге просто положила его на колени. Я бы предпочла скинуть его на пол к рюкзаку, но знала, что это папу только разозлит. Он наверняка хотел, чтобы мы оба смотрели на “Плейбой”, пока он будет на меня орать.

Как только дом Дениз скрылся из поля зрения, папа очень больно ударил меня кулаком по бедру. Потом еще раз, и еще, и все в одно место. Я хотела было прикрыть это место рукой, но потом подумала, что он и по руке начнет колотить.

— Это что такое?! — сказал он наконец, показывая на “Плейбой”.

Я не стала отвечать, что это журнал, потому что он явно ждал от меня не такого ответа. Папа спросил, откуда он у меня, зачем он мне и что я с ним делала. А я знала, что не смогу ответить ни на один из его вопросов. Никогда. И я знала, что он будет бить меня до тех пор, пока я не отвечу. Но раз этого не произойдет никогда, значит, рано или поздно он устанет.

Вместо ответа я спросила, где он нашел журнал.

— В каком смысле, где я его нашел?! Ты прекрасно знаешь, где я его нашел.

— Ты что, рылся в моей комнате?

— Нет, я не рылся в твоей комнате. Мне не хватило грязного белья, чтобы заполнить стиральную машину, так что я решил оказать тебе услугу и постирать твои простыни.

— О, — вымолвила я.

— Когда тебе оказывают услугу, нужно благодарить, — напомнил папа.

— Спасибо.

Мы проехали заправку, где несколько ребят из старших классов организовали сбор средств

для благотворительности и мыли машины. Они держали плакаты и прыгали. Когда мимо проезжала машина, они начинали кричать, какая она грязная и что нужно поддерживать благотворительную организацию “Юнайтед Уэй”. Я знала, что папа их ненавидит. Если бы он увидел меня в таком виде — хоть я и подозревала, что такое поведение совершенно нормально для мойщиков машин, — он бы просто разъярился.

— Так откуда у тебя этот журнал? — повторил он.

Я не ответила. Просто не смогла. Не то чтобы я хотела защитить мистера Вуозо, нет. Наоборот, я хотела, чтобы у него были проблемы. Вот только сама не хотела влипнуть вместе с ним.

— Отвечай! — заорал папа.

Я вновь промолчала, и тогда он снова ударил меня по ноге, заявив, что дома меня ожидает взбучка покруче.

— Ты живешь в каком-то своем, аморальном мире. Нормальные люди не совершают таких поступков, как ты. Ты ненормальная. Этот журнал предназначен для мужчин, а не для женщин. Ты смотришь на фотографии со шлюхами, и они тебе так нравятся, что ты даже решила припрятать журнал. Ты не слушаешься меня, ты не слушаешься свою мать. Однажды, Джасира, тебе будет негде жить.

Мы въехали в наш район, и через минуту показалось то место, где папа сбил Снежка. “Прости, Снежок”, — произнесла про себя я.

Каждый раз, проезжая мимо этого места, я мысленно просила прощения. Я пыталась представить, как Снежок выпрыгивает на дорогу перед машиной, а папа не успевает затормозить. Но почему-то каждый раз в моей голове рисовалась другая концовка, где папа просто не захотел остановиться. Может, и мог бы, но вместо этого предпочел сбить Снежка.

Мы свернули на нашу улицу, подъехали к гаражу. Журнал все еще лежал у меня на коленках. Я нагнулась, чтобы взять рюкзак — тот же, что я носила в школу, только теперь вместо книжек в нем лежали пижама и зубная щетка.

— Дома ты пожалеешь о том, что натворила, — пригрозил папа, открывая дверь.

Я тоже открыла дверь, чувствуя себя одеревеневшей и медлительной. Отчасти из-за ноги, которая болела и отказывалась двигаться больше, чем это было нужно для ходьбы. Отчасти из-за того, что я была растеряна — я знала, что произойдет дома, и не хотела туда идти. И не понимала, почему я должна туда идти.

— Быстрее, — поторопил меня папа. Он уже стоял у задней двери и вынимал ключи от дома. Затем он толкнул дверь и оставил ее открытой, чтобы я пошла вслед за ним. Какая-то бессмыслица. Я должна войти внутрь, чтобы меня избили.

Я прикрыла дверцу машины и пошла по подъездной дорожке. Затем я достигла края лужайки Вуозо и пересекла ее. Я ускорила шаг, прижимая

к себе журнал. Рюкзак трясся в такт шагам. Каждый раз, когда левая нога касалась земли, мое бедро пронизывала боль.

Я прошла мимо подъездной дорожки Мелины, потом пересекла их лужайку. Добралась до главной дорожки и поднялась по ступенькам. Машины Мелины видно не было, так что я растегнула крошечный кармашек сзади рюкзака и вынула оттуда ключ.

Как только я открыла дверь-ширму и вставила ключ в замок, я услышала папу, который выкрикивал мое имя. Я быстро взглянула на наш дом и увидела его около нашего гаража. Я стала поворачивать ключ и больше на него не смотрела. Только слышала свист рассекаемого воздуха, топот его ног и крики, которые становились все ближе. Но это было уже не важно, потому что я открыла входную дверь и зашла внутрь, быстро захлопнув ее за собой, пока Гил наблюдал за моими действиями с дивана.

Сперва он, кажется, немного удивился, но потом повел себя так, будто бы так и надо.

— О, привет! — поздоровался он. — Проходи.

Я не сдвинулась с места. Скоро сюда явится папа, и я понятия не имела, что делать дальше.

— А Мелина дома? — спросила я.

Гил покачал головой.

— Она на йоге для беременных. Но скоро вернется, так что ты ее дождись.

На голове у него красовалась черная вязаная шапочка, которая делала его похожим на дружелюбного бандита. На журнальном столике перед ним лежала стопка бумаг. Кажется, он разбирал счета.

Тут раздался громкий стук в дверь.

— Эй! — кричал папа. — Откройте, пожалуйста!

Я взглянула на Гила. Я не могла просить его о помощи, мне было слишком стыдно. В руках я держала "Плейбой", и Гил, бросив на него первый взгляд, потом старательно отводил глаза. Будь Мелина дома, я могла бы попросить ее о помощи, но ее тут не было. Если бы я была одна, я бы просто закрыла дверь и выслушала всю папину ругань. Но рядом стоял Гил, поэтому я пошла открывать дверь.

— Погоди-ка, — произнес вдруг он, вставая с дивана. — Я открою.

Дойдя до меня, он произнес:

— Кажется, тебе нужен платок. Может, поднимешься наверх, в ванную?

Я дотронулась до своего лица. Оказывается, я плакала. Не знаю, правда, из-за ноги или из-за побега.

— Вторая дверь направо, — подсказал Гил.

Я кивнула и начала подниматься по лестнице. Ковра, как у Вуозо, на ней не было, так что звук моих шагов звонко разносился по дому. Я чувствовала, что Гил наблюдает за мной. Хорошо бы он не стал открывать дверь, пока я не пере-

стану издавать так много шума, подумала я. И он не стал. Стук в дверь не прекращался, пока я не свернула в коридор второго этажа.

С каждым шагом я все четче понимала, насколько я себе навредила, не последовав домой за папой. Если бы я вернулась, как только он меня позвал, мне точно пришлось бы несладко. Еще хуже все обернулось бы, если бы я сейчас открыла ему дверь и пошла с ним домой. Но теперь, когда вместо меня с ним будет разговаривать Гил, в то время как я буду прятаться в глубине их дома... Теперь, когда я вернусь домой, папа меня точно убьет.

Я не стала искать платок, как посоветовал мне Гил. Вместо этого я заперла дверь и подперла ее спиной, на случай, если папа с Гилом решат ломать ее. Я была уверена, что папа уговорит Гила меня выдать. Папа умел убеждать людей, чтобы они не думали, будто он сумасшедший.

Я слышала, как они долго разговаривали, правда, не могла разобрать ни слова. Я так вдавливала плечи в дверь, что они заболели. Но я не сдвинулась с места. Мне наплевать было на боль, которую я причиняла сама себе.

Через какое-то время — полчаса, может, сорок пять минут — они умолкли, и я услышала, как закрывается дверь. Кто-то поднимался по лестнице и шел по коридору, и я еще сильнее вжалась в дверь.

— Джасира? — окликнул меня Гил, стуча в дверь.

— Да?

— Ты нашла платок?

— Да.

Я думала, что Гил поднялся вместе с папой и теперь попытается выманить меня, чтобы вернуть домой.

— Послушай, — начал он. — Я просто хотел тебе сказать, что твой папа ушел.

— Ладно, — сказала я, ни капельки ему не поверив.

— Ладно, — повторил он.

Я не знала, что делать дальше. Я прижалась к двери еще крепче, и она издала жалобный скрип.

— Джасира? — снова окликнул меня Гил.

— Да?

— Мелина скоро вернется.

— Хорошо.

— Может, тебе что-нибудь принести? — спросил он.

— Нет, спасибо.

— Ну ладно, — откликнулся он, и через секунду я услышала затихающие звуки шагов.

Я подождала немного, думая, что сейчас он вернется и попробует выманить меня еще раз. Но он не вернулся, а просто спустился по лестнице вниз. Я начала думать, что, возможно, кроме нас двоих в доме и вправду никого нет.

Наконец я отодвинулась от двери, уселась на туалет и начала растирать плечи. Через несколько минут я встала и умылась. Потом взяла из рюкзака зубную щетку и почистила зубы.

Скоро я услышала, как открылась входная дверь. Вошла Мелина, крикнув, что она дома. Потом несколько минут стояла тишина. Затем кто-то поднялся по лестнице и прошел по коридору.

— Джасира? — позвала Мелина, стуча в дверь.

— Да?

— Ты не могла бы открыть дверь?

Я отперла и распахнула дверь.

— Привет, — поздоровалась Мелина. На ней были спортивные штаны и голубая мужская рубашка, у которой не сходились пуговицы на животе, так что Мелина оставила низ расстегнутым.

— Мне придется вернуться домой? — спросила я.

— А ты хочешь домой? — в свою очередь спросила Мелина.

— Нет, — ответила я и разревелась, ведь я никогда раньше не отвечала на такие вопросы правдиво.

Мелина попросила меня подойти, и я послушалась. И мне даже было все равно, что, обнимаясь, мы обнимали и Дорри, оказавшуюся посередке.

После того как я вышла из ванной, мы не очень-то много разговаривали. Мелина только велела отнести мне свои вещи в кабинет Гила — за исключением “Плейбоя”, который она молча взяла и убрала к себе в комнату. А когда она сообщила, что диван в кабинете раскладывается,

я с трудом заставила себя не завопить от радости, что мне, возможно, разрешат остаться на ночь.

Потом мы спустились вниз и устроились в гостиной. Мелина вязала, я читала книгу, Гил разбирался с бумагами. Оказалось, что это вовсе не счета, а ценные бумаги, и он пытался выяснить, выручит ли хоть сколько-нибудь от их продажи. Теперь, уйдя из Корпуса мира, Гил начал работать на “Меррилл Линч”.

Я не знала, какую главу из своей книжки мне читать. Кажется, в ней не осталось ничего, чего бы я не знала. Потом я нашла главу, посвященную детям, которых заставили участвовать в сексуальных действиях против их воли. При этом их телам это нравилось, совсем как в моем случае с мистером Вуозо. В книжке говорилось, что я ни в чем не виновата, что я человек, а не растение, и именно поэтому мое тело так и отреагировало.

Мелина заявила, что слишком устала, чтобы готовить, так что Гил приготовил ужин из блюд йеменской кухни. Я немножко расстроилась, потому что папа всегда готовил такую еду, но, попробовав, поняла, что папина стряпня не идет ни в какое сравнение с ужином Гила.

— Какое вкусное мясо, — сказала я. — А у папы всегда жесткое получается.

— Арабы вечно все пережаривают, — кивнул Гил.

Мы сидели за пластиковым столом. Гил устроился ближе всех к кухне, чтобы при случае

что-нибудь принести. Мелине из-за живота пришлось сесть довольно далеко от стола, и ее вилка проделывала долгий путь, прежде чем попасть ей в рот. Иногда еда с нее падала прямо на ее голубую рубашку. Меня это забавляло, потому что я еще раньше заметила, что вся ее одежда испачкана в одном и том же месте, но только теперь поняла почему.

Мне казалось странным, что мы так и не обсудили, что же случилось, поэтому я спросила у Гила, что же ему сказал мой отец.

— Ну, — начал Гил, — он хотел, чтобы ты вернулась домой вместе с ним. Ну и все в таком духе.

— А что ты ответил?

— Что ты в ванной.

Мелина рассмеялась. Гил тоже не сдержал ухмылки.

— А он? — заинтересовалась я.

— Да он все время повторял одно и то же: что ты его дочь и что он пришел, чтобы тебя забрать.

— А ты ему отказывал снова и снова? — удивилась я.

— Ну, вроде того.

— Но он ведь вернется, да?

Гил пожал плечами:

— Может быть.

— И тогда мне придется с ним пойти? — забеспокоилась я.

— Ты же вроде сказала, что не хочешь возвращаться домой, — заговорила Мелина.

— Я и не хочу.

— Ну, так и не волнуйся на этот счет, — успокоила она меня.

— Не говори ей, чтобы она не волновалась, — сказал Гил. — Она же уже волнуется.

— Я просто хотела сказать, что никто не в силах заставить ее делать то, чего она не хочет, — объяснила Мелина Гилу, затем повернулась ко мне и повторила: — Никто не заставит тебя делать то, чего ты не хочешь, поняла?

— Да, — ответила я.

Позже вечером, когда мы вдвоем сидели в гостиной и смотрели телевизор, раздался стук в дверь.

— Это папа, — определила я.

— С чего ты взяла? — спросила Мелина.

— Да я просто знаю.

— Смотри, — предложила она, — может, хочешь подняться наверх?

Я кивнула.

— Вот и хорошо, — сказал она. — Мы подождем, пока ты поднимешься, и откроем дверь.

Я встала с дивана и пошла наверх. Вместо того чтобы закрыться в ванной, я пристроилась в коридоре, чтобы все слышать. Должно быть, именно тогда Мелина и открыла дверь, потому что я услышала, как она говорит:

— О, привет!

Папа сказал в ответ что-то, чего я не расслышала, и Мелина ответила:

— Конечно, проходите.

— Чем мы можем вам помочь? — спросил Гил.

Папа рассмеялся.

— Чем вы можете мне помочь? — перепросил он. — Я пришел, чтобы забрать домой свою дочь.

— Видите ли, — заговорила Мелина, — она не хочет возвращаться к вам домой.

— Да ну? — спросил папа. — Ну вот что, хватит с меня ваших шуточек. Джасира, пошли! — заорал он.

Я не шевельнулась. С одной стороны, мне было его жалко — ведь он не знал, где именно в доме я нахожусь, но с другой стороны, я этому очень радовалась.

— Прошу прощения, — сказала Мелина, — но я же вам только что сказала: она не хочет возвращаться к вам домой.

— Это не ваше дело, — заявил папа. — Если вы ее не вернете, я обвиню вас в похищении!

— Сомневаюсь, — ответила Мелина.

Потом я услышала, как папа говорит что-то Гилу по-арабски — долго и очень громко, а Гил что-то ему отвечает.

— Говорите, пожалуйста, по-английски, — попросила Мелина.

Я готова была биться об заклад, что теперь-то папа в ее присутствии и словечка по-английски не скажет. Я оказалась права. Хотя Гил начал говорить по-английски, отвечал папа только по-арабски.

— О чем он говорит? — спросила Мелина.

— Он хочет вызвать полицию, — объяснил Гил. — А я пытаюсь его отговорить.

— И что вы им скажете? — поинтересовалась Мелина у папы.

Тот ее проигнорировал и сказал что-то по-арабски Гилу.

— А вот я думаю, — заявил тот, — если она побудет у нас пару деньков, ничего страшного не произойдет. Она вернется, когда будет к этому готова.

И хотя папа говорил только по-арабски, кажется, я начала понимать его речь. Например, когда Гил сказал, что я могу вернуться, когда буду готова, папа наверняка выдал что-нибудь вроде: “Да кого волнует, когда она будет готова? Я ее отец, и я решаю, когда ей возвращаться домой”. А потом, когда Гил сказал, что папа пожалеет, если приедет полиция и узнает кое-что о нем, папа точно сказал: “Что узнает? У вас ничего на меня нет”. А Гил ответил “Ну, кое-что они все-таки узнают, тем более что она припадает на левую ногу”, — и папа, скорее всего, сказал, что я притворяюсь.

Наконец я услышала, как открылась и закрылась входная дверь.

— Можешь вылезать, — позвала Мелина, и я, выглянув из-за угла, спустилась по лестнице. — Мы от него избавились, — сообщила она.

— Спасибо.

— Он скорее всего вернется, — предупредил Гил.

— И что? — спросила Мелина. — Еще раз от него избавимся.

Потом мы вернулись к телевизору. Во время рекламы Мелина попросила меня подняться наверх в ванную и принести ей щетку из шкафчика. Я кивнула и скоро вернулась с щеткой. Мелина взяла ее, потом усадила меня перед собой. Она начала расчесывать мне волосы, сначала сзади, а потом с краев.

— Господи, сколько же у тебя волос, — удивилась она.

— Спасибо, — поблагодарила я, чувствуя, что это комплимент.

— Гил, ты посмотри, какие у нее густые волосы, — позвала Мелина Гила.

Я смутилась, что она заставляет Гила комментировать мою внешность, но он, кажется, был не против. Он взглянул на меня поверх биржевых бумаг и согласился, что волос у меня и правда много. После этого процесс расчесывания мне понравился еще больше. Голову немножко показывало, а кожа даже покрылась пупырышками, которые Мелина наверняка чувствовала щеткой, но умудрялась не задевать. Мне это напомнило времена, когда меня брил Барри, только еще лучше, ведь мне не нужно было держать все это в тайне.

Около десяти Мелина сказала, что ей пора спать, и предложила лечь и мне тоже. Мы пожелали спокойной ночи Гилу и поднялись наверх. Я взяла в ванную рюкзак, чтобы переодеться

после душа, и, надев огромную оранжевую футболку с надписью “Сиракьюс”, которую мне подарила на Рождество мама, поняла, что она не прикрывает целиком фиолетовый синяк на ноге. Я не знала, что мне делать — попытаться ее растянуть или позволить Мелине все увидеть.

— У тебя все в порядке? — спросила она, легонько стуча в дверь.

— Да.

— Тогда выходи и опробуй постель, сможешь ли ты на ней спать.

— Ладно, — сказала я, оттягивая футболку немного вниз. Я открыла дверь и вышла из ванной.

— Господи Иисусе, — прошептала Мелина. Ее глаза смотрели прямо на мои руки, тянущие футболку вниз. Она подошла и взяла меня за запястье, чтобы я отпустила футболку, которая тут же отпружинила вверх.

— Папа разозлился из-за журнала, — попыталась объяснить я.

— Угу, — пробомотала Мелина. Кажется, она рассердилась, но вроде не на меня. — Можно я это сфотографирую? — спросила она.

— Мою ногу? — удивилась я.

— Думаю, это неплохая мысль, — добавила она.

— Ну ладно, — согласилась я, хотя меня это и нервировало.

— Я сейчас, — пообещала она и вперевалку пошла по коридору.

Я пошла в кабинет Гила и залезла в постель. Теперь я поняла, что имела в виду Мелина,

предупреждая, что мне может быть неудобно. Посередине кровати проходила выпуклость, прямо у меня под спиной. Ничего страшного в этом не было, так как я никогда не сплю на спине.

Скоро вернулась Мелина с “полароидом” в руках.

— Как кровать? — поинтересовалась она.

— Здорово.

— Что, даже эта штука не мешает?

Я потрясла головой.

— Ну, — ухмыльнулась она, — посмотрим, что ты скажешь утром.

Я кивнула, хотя понимала: вне зависимости от того, удобно мне будет ночью или нет, утром я скажу, что все было прекрасно.

— Встань на секунду, я сделаю пару кадров.

Я откинула одеяло и встала посреди кровати. Сначала Мелина сняла меня целиком, потом подошла поближе и сфотографировала отдельно синяк. Когда карточки вылезали из фотоаппарата, она подхватывала их пальцами и помахивала ими в воздухе.

— Есть еще что-то, что я должна снять? — спросила она.

— Нет.

— Слава богу, — обрадовалась она.

Я вернулась в постель и укрылась одеялом. Я заметила, что фотографии, которыми махала Мелина, начали проявляться.

— Можно мне посмотреть?

— Зачем тебе на это смотреть? У тебя же вон оригинал под рукой.

— Просто хочется.

Мелина передала мне фотографии, и, пока я их рассматривала, они стали еще четче.

— Похоже на медузу, — поделилась я.

— Да, — сказала Мелина, забирая фотографии. — Вот только это совсем не медуза.

— Спасибо, что помогаете мне, — поблагодарила я.

— Не за что.

Она наклонилась, чтобы поцеловать меня, потом выключила свет и ушла. Я начала думать о фотографиях. Думала, как она покажет их папе, и тот поймет, что она все знает о нашей с ним совместной жизни. Это были приятные мысли, омрачало их только одно: я знала, что чем больше буду рассказывать посторонним, тем злее будет папа, когда мне, наконец, придется таки вернуться к нему домой.

В понедельник утром Мелина отвезла меня в школу, так как я боялась, что папа будет поджидать меня на автобусной остановке. Мелина сказала, что после уроков заедет за мной и отдала мне пакет с обедом, чтобы я покушала в школе. Раньше для меня никто ничего не делал. У мамы я сама собирала себе еду в школу, а с папой просто покупала в столовой готовую.

На уроке Дениз прислала мне записку, в которой интересовалась, почему это я сегодня в той

же одежде, что и в субботу. Я ответила, что мне нравится эта одежда. А за обедом Томас спросил, откуда у меня такая странная еда.

— Вовсе не странная, — возразила я.

— Да кто вообще ест сэндвичи с бараниной? — удивлялся он.

Так как я заявила, что мне очень понравилась стряпня Гила, Мелина приготовила мне в школу бутерброды с оставшимся мясом. Томасу я, правда, соврала, что это папа заставил меня доесть мясо, чтобы оно не пропало.

После уроков за мной заехала Мелина на своей маленькой “тойоте”. Водительское кресло она отодвинула максимально назад, чтобы уместить свой живот.

— Ну, как дела в школе? — спросила она, как только я залезла в машину.

— Хорошо.

Она подождала, пока я пристегнусь, и завела машину. Я подумала, что это очень мило с ее стороны. Папа всегда трогался с места, как только пристегивал свой ремень, даже если я еще не пристегнулась. Мне всегда казалось, будто он надеется, что мы попадем в аварию прежде, чем я пристегнусь.

Пока мы ехали, Мелина подпевала песенкам по радио. У нее был отличный голос, совсем как у профессиональной певицы, и мне нравилось, что она совершенно не смущается. Когда песня закончилась, я спросила, что она делала, пока я была в школе.

- Ну, — ответила она, — честно говоря, я все это время спала. Устала.
- О... — вымолвила я.
- Вчера переволновалась. Я к такому как-то не привыкла.
- Извини.
- За что? — Она притормозила у светофора. — За что ты извиняешься?
- За то, что заставила тебя волноваться.
- Мелина потрясла головой:
- Ты тут совершенно ни при чем. Ты тут не виновата.
- Ладно, — сказала я, хоть и не поняла, почему это я тут ни при чем.

Доехав до нашего района, Мелина спросила, с собой ли у меня ключ от дома.

- Может, пойдем заберем кое-какие твои вещи? Ну, одежду и всякое такое, — предложила она, и я согласилась.

Мы припарковались у дома Мелины и пешком пошли ко мне. Мелина никогда не была у нас дома, так что я устроила ей небольшую экскурсию. Я крайне удивилась, увидев на кухне стопку грязной посуды от вчерашнего папиного ужина. А в его комнате мы обнаружили незастеленную постель.

Зайдя в мою спальню, Мелина сказала:

- Он что, даже не озаботился, чтобы для тебя комнату нормально обставить?

Она-то здорово поработала над будущей комнатой Дорри — покрасила там стены в жел-

тый цвет, развесила картины, даже вышила на маленьких подушечках разных животных: жирафа, слона и льва.

Я пожала плечами.

— Ладно, — махнула рукой она. — Давай забере-
рем твои вещи.

С кухни мы взяли большой мешок и начали укладывать туда вещи из моего шкафа. Сначала я выбрала совсем немного одежды, но Мелина удивилась:

— Что такое? Тебе разве не нравится жить у нас с Гилом?

И она засунула в пакет почти все мои вещи. Потом мы перешли к другому шкафу и выудили оттуда свитера, штаны, рубашки и обувь. После этого вещей у меня в комнате почти не осталось, за исключением пары учебников.

— Ну, все? — спросила Мелина, и я кивнула в ответ.

Когда мы проходили через кухню, я вдруг остановилась у холодильника. Снежок все еще лежал в морозильнике. Папа так и не вспоминал о нем с тех пор, как мы выбрали и завернули его в сто пакетов. Наверное, ему тоже не хотелось выбрасывать его в мусорное ведро. Но все равно, мне казалось, что оставлять Снежка вот так, в холодильнике, — неправильно. Ну и еще я переживала, потому что папа, обнаружив исчезновение моих вещей, мог бы со злобы выкинуть Снежка в мусор просто так.

— В чем дело? — спросила Мелина.

- Мне кое-что надо забрать. Из холодильника, — призналась я.
- Конечно. Ты что-то из еды хочешь взять?
Я покачала головой.
- Нет. И оно большое.
- Так что там?
- Снежок.
- Снежок?
- Котенок Зака, который убежал, — объяснила я.
- Он что, мертвый там лежит?
Я кивнула.
Мелина взглянула на меня.
- Ты убила кошку Зака?
- Ну, типа того, — сказала я и рассказала ей, как все произошло.
- Ясно, — пробормотала она.
- Мы должны были ее выкинуть в мусорку, но папа все время об этом забывал, а я не хотела ему напоминать.
Мелина задумалась на секунду.
- Знаешь, я забила морозилку едой, чтобы после родов не готовить. Я просто не уверена, что кошка туда поместится.
- Ничего.
Она вздохнула:
- Ладно, дай хоть взглянуть, насколько он большой.
- Я открыла морозилку и вытащила Снежка.
- Да, — оценила Мелина, — не очень-то он и большой.
- Он же еще котенок, — объяснила я.

— Ладно, — решила Мелина и засунула Снежка в пакет, который пристроила поверх моих вещей.

Вернувшись домой к Мелине, мы освободили для котенка место в морозильнике, потом поднялись наверх. Там мы разложили мою одежду в стопочки по нескольким полкам, которые Мелина освободила для меня в бельевом шкафу. Потом она сказала, что ей нужно прилечь ненадолго, а я могу пойти посмотреть телевизор, или перекусить, или еще что-нибудь поделать.

— Ладно.

— Я ненадолго, — пообещала она.

Услышав, как она закрыла дверь своей спальни, я изо всех сил постаралась не впасть в уныние.

Я спустилась в гостиную, но ничем особенным там не занималась. Так, сидела и думала, что со мной будет, когда папа обнаружит, что мы забрали мои вещи и Снежка. Ничего хорошего я не ожидала.

Потом зазвонил телефон, но, так как я была в чужом доме, трубку поднимать не стала, а просто дождалась, пока включится автоответчик. Оказалось, что звонит моя мама.

— Джасира, ты тут? — спросив, она умолкла на секунду. — Я хотела бы передать сообщение для Джасиры. Я так понимаю, что она сейчас живет у вас. Я ее мать, и была бы рада, если бы она позвонила мне и объяснила, что происходит. Ее отец очень расстроен. Спасибо.

Внезапно вся моя затея показалась мне отвратительной. Чем дольше я буду прятаться от своей настоящей жизни, тем хуже мне будет, когда я туда вернусь. А я знала, что мне придется вернуться. Конечно, Гил и Мелина очень милые и стойкие, но рано или поздно им все это надоест. Особенно когда родится Дорри. С Дорри мне конкуренции не выдержать.

Я прошла на кухню и стерла с телефона мамино сообщение. Потом достала свернутый Мелиной пластиковый мешок и поднялась наверх. Там я упаковала обратно всю одежду и, вернувшись на кухню, достала из холодильника Снежка. Затем тихонько вышла из дома и спустилась по ступенькам. В это время к дому подъехал Гил.

— Привет, — поздоровался он, вылезая из машины. — Куда это ты?

— Домой.

— Домой? — переспросил он. — Уже? Ты точно этого хочешь?

Я кивнула.

— А Мелина в курсе?

— Она спит, — ответила я. — Я не хотела ее будить.

Гил завертел на пальце ключи от машины. Сегодня он надел костюм и использовал контактные линзы вместо очков и, конечно, снял со своих песочного цвета волос ту бандитскую шапочку.

— Мелина рассказывала тебе о своем давлении? — наконец спросил он.

- Да, — призналась я. — Кажется, да.
- Понимаешь, — начал объяснять он, — дело в том, что, если она проснется и обнаружит, что ты ушла домой, не предупредив ее, ей может стать очень плохо. Ей нельзя сильно расстраиваться.
- О...
- Может, сделаешь мне одолжение и подождешь, пока она проснется?
- Конечно, — согласилась я. — Извини.
- Не за что тут извиняться, — сказал он и забрал у меня из рук мешок.

Когда Мелина проснулась и спустилась вниз, то первым делом спросила:

- А чем это так воняет?
- Я не чувствую, — сказал Гил. Он сидел со мной в гостиной и читал газеты, ослабив галстук.
- Тухлятиной какой-то, — скорчила рожицу Мелина. Волосы у нее сзади так топорщились, что можно было видеть их, глядя ей в лицо.

Тут-то я и вспомнила, что забыла убрать Снежку обратно в холодильник.

- Это, наверное, кошка, — сказала я.
- Какая еще кошка? — не понял Гил.
- Джасира заморозила мертвую кошку, — объяснила Мелина.

Кажется, Гил хотел расспросить ее поподробнее, но она отмахнулась и сказала:

- Неужели прямо из холодильника так воняет?
- Нет, — призналась я, — не из холодильника.

Тут Мелина заметила мешок у меня под ногами.

— Что это? Это мешок, что мы взяли у тебя из дома?

Я кивнула.

Она подперла руками спину.

— И зачем это он тебе?

Прежде чем я успела открыть рот, Гил ответил:

— Когда я приехал домой, Джасира выходила из дома. Она сказала, что уже готова вернуться домой к отцу.

— Ерунда, — возразила Мелина, глядя на меня. — Тут и обсуждать нечего! Она абсолютно не готова.

— Если она хочет вернуться, мы должны ее отпустить, — заметил Гил.

— Ты серьезно? — спросила Мелина. — Ты правда хочешь вернуться домой?

— Я не хочу вам мешать, — пробормотала я.

— Дай сюда кошку, — попросила Мелина.

Я открыла мешок и передала Снежка Мелине.

Подходя к кухне, она заявила:

— Я хочу, чтобы ты взяла свои вещи и положила их обратно в шкаф.

— Хорошо, — согласилась я.

— Если она хочет вернуться, мы не должны ей мешать! — сказал ей вслед Гил.

— Она этого не хочет! — отрезала Мелина.

Гил наблюдал за мной, пока я брала мешок и поднималась по лестнице. Мило с его стороны

было за меня заступиться. Поэтому я решила не расстраивать его и не говорить, что Мелина на самом деле права: я вовсе не хотела возвращаться домой.

На ужин Мелина приготовила цыпленка-тетрацини. Она сделала специальный соус, которым мы поливали рис. Все пришли к единогласному мнению, что это ужасно вкусно. После ужина Гил занялся посудой, а Мелина позвала меня с ней наверх. Голос у нее был серьезный, и я решила, что она, наверное, снова хочет посмотреть на мой синяк. Но вместо этого мы пошли к ней в комнату, где она попросила меня присесть на кровать. Потом она достала из прикроватной тумбочки "Плейбой" и положила его прямо передо мной.

— Откуда он у тебя? — спросила она.

Я не ответила. Я знала, что она меня и пальцем не тронет. Просто мне было ужасно стыдно.

Через секунду она открыла журнал и пролистнула пару страниц.

— Я бы не имела ничего против этого журнала, если бы они не злоупотребляли так ретушью, — сказала она. — Если бы они просто показывали нормальных голых женщин, я бы это пережила, правда.

— А что такое ретушь? — спросила я.

Мелина перелистнула несколько страниц и указала мне на одну из фотографий. На ней была изображена девушка в конюшне, которая наклонилась к седлу так, что была видна вся ее попа.

— Видишь, какая гладкая у нее тут кожа? — спросила Мелина, показывая мне на обратную сторону бедер девушки.

Я кивнула.

— А у нее наверняка целлюлит. Но в журнале его закрасили, чтобы кожа казалась идеальной. А мужчины смотрят на такие картинки и думают, что обычная женщина должна выглядеть именно так. И женщины смотрят на эти фото и тоже думают, что должны так выглядеть.

— Женщины смотрят на такие фотографии? — удивилась я, вспоминая папину тираду по этому поводу.

— Конечно. Почему бы и нет?

Я пожала плечами.

— Они смотрят на такие фото и начинают думать, что они уродины.

— О... — Я задумалась на секунду, а потом спросила: — А что, если женщина смотрит на такие фотографии и ей становится хорошо?

— Такое тоже может быть, — кивнула Мелина, — с тобой именно так происходит?

Я промолчала.

— Ну, это ведь очень сексуальные фотографии.

— Наверное, — выдавила я.

— Но самое главное, — заключила она, закрывая журнал, — никого не должно касаться, как ты себя чувствуешь, глядя на такие журналы, — это твое личное дело.

Я кивнула.

— Но вот то, откуда девочка в твоём возрасте получила доступ к такому журналу, уже не твоё личное дело. Понимаешь меня?

Я ещё раз кивнула.

— Этот журнал только для взрослых, — добавила она.

Теперь она говорила совсем как папа.

— И если ты, например, нашла его, это одно дело, — продолжала Мелина, — но если тебе его дал какой-нибудь взрослый, это совсем другое. — Она сделала паузу. — Тебе его взрослый дал?

— Да.

— Твой отец?

— Нет.

Она вздохнула.

— Извини.

— За что?

— За то, что я читала журнал для взрослых.

— Не переживай, — сказала она и убрала журнал обратно в тумбочку.

Позже, когда мы вдвоём смотрели телевизор в гостиной, раздался стук в дверь. Открывать пошёл Гил. Он вообще обычно делал все после ужина, потому что Мелина очень уставала.

— О, привет, — поздоровался он. — Проходите.

Я напряглась, ожидая увидеть папу, но пришел, оказывается, не он. Пришел мистер Вуозо. На нем были легкая куртка и бейсболка, а в руках он держал несколько конвертов. Войдя внутрь,

он тут же снял бейсболку. Как только Мелина увидела его, то тут же выключила звук у телевизора. Наступила тишина, и мистер Вуозо повернулся в нашу сторону.

— Привет, — поздоровалась Мелина.

Мистер Вуозо открыл было рот, чтобы с ней поздороваться, но тут увидел меня и закрыл рот обратно.

— Что-то случилось? — поинтересовалась Мелина.

— О, — выдохнул мистер Вуозо, все еще сжимая конверты в руке. — Я... Мы сегодня по ошибке получили вашу почту, и миссис Вуозо попросила меня ее вам занести.

— Спасибо, — поблагодарил Гил, принимая у него конверты.

— Этот почтальон просто идиот, — сказала Мелина. — У нас ведь даже фамилии совершенно разные, верно?

Кажется, мистер Вуозо смутился, не понимая, пытается ли Мелина быть дружелюбной или нет.

— Да, — согласился он наконец, — он довольно безалаберный.

Мелина кивнула.

— Привет, Джасира, — поздоровался мистер Вуозо со мной, не грубо, а так, чтобы Мелина и Гил поняли, какие мы с ним друзья.

Я не ответила. Мне не хотелось с ним разговаривать. Если бы тут был папа, он бы наверняка заставил меня поздороваться в ответ, ведь мистер

Вуозо был взрослым. Хоть папа его и ненавидел. Но Мелине и Гилу было на это наплевать. Они вообще никогда меня не заставляли.

Мистер Вуозо так и не ушел. Стоял и мял в руках бейсболку. Наверное, ждал, что Мелина объяснит ему, почему я здесь. Но она не собиралась этого делать. Вместо этого она сказала:

— Кстати, у нас кое-что из вашей почты тоже есть.

— О, правда? — удивился мистер Вуозо.

— А что? — поинтересовался Гил.

— Лежит у меня в тумбочке, — пояснила Мелина. — Может, поднимешься и заберешь?

Гил не сдвинулся с места, и тогда Мелина посмотрела на него таким взглядом, который я у нее почти и не видела. Этот взгляд словно заставлял Гила делать то, что ему велели, без малейших обсуждений.

— Конечно, — согласился Гил. — Сейчас принесу.

Мы все наблюдали, как он поднимается наверх. Пока его не было, я смотрела на Мелину, Мелина смотрела на мистера Вуозо, а мистер Вуозо, я в этом уверена, смотрел на меня.

— Ну, Джасира, — заговорил он, — ты, значит, теперь здесь время проводишь.

Я промолчала, все так же не отрывая взгляда от Мелины.

— А вот и Гил, — сказала она несколько секунд спустя, и мы все обернулись, чтобы посмотреть на него.

В руках у него был "Плейбой". Он спустился и передал его мистеру Вуозо, который застыл на секунду, прежде чем взять его. Он выглядел таким шокированным, что я с трудом удержалась, чтобы его не пожалеть.

— Это ведь ваше, да? — уточнила Мелина.

Он, кажется, кивнул, но совсем незаметно.

— Отлично, — сказала она.

Мистер Вуозо взглянул на меня, и я тут же начала изучать свои ноги. Хорошо бы он ушел, думала я. Не чувствовать себя виноватой было чертовски трудно.

— Ну, — заговорил Гил, открывая дверь, — спокойной ночи.

Скоро дверь закрылась снова. Я подняла глаза. Гил запер дверь на засов, вздохнул и сказал, что пошел спать. Мелина ответила, что придет чуть позже. Как только Гил поднялся наверх и завернул за угол, она повернулась ко мне и спросила: — Он что-нибудь еще с тобой делал?

Я вспомнила слова Гила о том, что Мелину нельзя расстраивать. Что не нужно рассказывать ей такое, что может ее взволновать, потому что тогда пострадает ребенок. Какая-то часть меня все еще была не против, чтобы ребенок немножко пострадал, как и я. Но вообще-то я этого не хотела. Мне-то ее ребенок не очень нравился, но Мелина его любила. И чтобы я и дальше нравилась Мелине, я должна была полюбить и ее ребенка. Ну, или хотя бы притвориться, что он мне нравится.

глава десятая

— Нет, — решила я, — не делал.

— Ты уверена?

— Да.

— Я не хочу, чтобы ты с ним разговаривала, ясно?

— Да.

— И не смей чувствовать себя виноватой, — добавила она.

Я не стала спрашивать, откуда она поняла, что именно так я себя и чувствую. Только кивнула, и все. Потом она взяла щетку, которая теперь всегда лежала на журнальном столике, и начала расчесывать мне волосы.

— А можно я твои расчешу? — попросила я, и Мелина согласилась.

Расческа легко заскользила по ее прямым волосам. Никаких спутанных прядей, никаких колтунов. Никаких вылезающих локонов, как у меня. У Дорри будут такие же волосы, подумала я. И если мы втроем будем идти вниз по улице, любой прохожий сразу поймет, кто из нас ее настоящая дочь.

глава одиннадцатая

Всю неделю я ждала, что за мной придет папа, но напрасно. В школу меня каждый день отвозила Мелина, так что по утрам я его ни разу и не видела. Вечером я ужинала с Гилом и Мелиной. Не то чтобы я хотела его увидеть, нет. Но иногда я о нем думала: а чем он сейчас занимается? А что он ест? Что смотрит по телевизору? Боятся ли бабушка до сих пор, что ее разбомбит Саддам? Мама звонила еще как-то раз, но опять в то время, когда Гила не было дома, а Мелина спала. На этот раз я подошла к телефону и почти решилась взять трубку, но в итоге струсила. Я боялась, что она велит мне возвращаться домой. Как только она надиктовала сообщение и повесила трубку, я стерла его с автоответчика.

Всю неделю, что я ждала папиного прихода, мне снились странные сны. Я не помнила, что мне снилось, но просыпалась всегда оттого, что со мной что-то происходило — я, например,

задышалась или кричала. Если я кричала, то ко мне сразу прибежала Мелина и включала свет. Но когда я задышалась, я была одна. Пару раз я подумывала крикнуть понарошку, чтобы она пришла, но потом решила, что это не очень-то хорошо с моей стороны.

Когда я кричала, она приходила ко мне, говорила, что это всего лишь кошмары, потом ложилась ко мне и засыпала. Проснувшись утром, она всегда поражалась, как я умудряюсь выспаться на такой ужасной кровати, и просила помассировать ей спину. Там, где ее спина соприкасалась с выпуклостью на кровати, оставались красные пятна, которые я и массировала. Она говорила, что у меня волшебные руки.

Как-то я подумала, что с каждым днем приближается конец моей жизни. Не реальной, конечно, а просто конец моей счастливой жизни. Я понимала: когда родится Дорри, Мелина начнет бегать к ней в комнату, а не ко мне. У меня, скорее всего, уже и не будет никакой "своей" комнаты. Я вернусь к папе или к маме в Сиракьюс. В те ночи, что Мелина приходила ко мне, я не могла уснуть. Лежала и смотрела, как она спит. Я старалась не спать как можно дольше и наслаждаться самыми счастливыми минутами в моей жизни.

— Ты выглядишь усталой, — заметил Томас в пятницу в школе.

— Да? — спросила я, усаживаясь за стол в кафетерии и открывая пакет с обедом, который мне упаковала Мелина.

— У тебя круги под глазами.

— ...

Я развернула фольгу на сандвиче. Мелина никогда не спрашивала, что я хочу на обед, и, открывая пакет, меня всегда ожидал сюрприз. Мне это в обеде нравилось даже больше, чем сама еда. Сегодня она сделала мне сандвич с салатом и яйцом.

— Ты что, не высыпaeшьcя? — беспокоился Томас.

— Нет.

— Тогда почему у тебя круги под глазами?

Я пожала плечами и приступила к сандвичу.

— Я после школы пойду с тобой домой, — объявил Томас, — и мы поспим.

— Нет.

— Почему?

Он смотрел, как яйцо с салатом медленно выдавливается из бутерброда, и, когда кусочек упал-таки на фольгу, протянул свою вилку и съел его.

— Потому что, — объяснила я, — я там больше не живу.

— Что?

— Теперь я живу у Мелины.

— У той беременной девушки? — уточнил он.

Я кивнула.

— А почему?

— Потому что папа слишком сильно меня бил, — пояснила я.

Томас замолчал. На фольгу упало еще немного салата, но на этот раз он его не поднял.

- За что он тебя бил? — наконец спросил он.
- Он нашел мой “Плейбой”.
- Что, только за это?!
- Он сказал, что это журнал для мужчин и что я не должна его читать.

Томас задумался немного и потом добавил:

- Нет, ну все равно давай поспим вместе.
- Нельзя, — повторила я. — Не у Мелины дома.
- Тогда пошли ко мне, — предложил он.

Я покачала головой.

- Мелина не хочет, чтобы я от нее далеко отходила.

После уроков Томас вышел из школы вместе со мной и дождался приезда Мелины. Когда она притормозила, он открыл дверь “тойоты” и просунул туда голову.

- Здравствуйте, — поздоровался он.
- Привет, — отозвалась Мелина. — Ты ведь Томас, верно?

Он кивнул.

- Тебя подвезти? — спросила она.
- Можно, я приду к вам домой и немного пообщаюсь с Джасирой? — попросил он.
- Конечно, — согласилась она, потом нагнулась и посмотрела на меня. — Ты ведь не против?

Я кивнула.

- Ладно, тогда залезайте оба, — разрешила Мелина.

Томас отодвинул переднее сиденье и пробрался назад. Сев спереди, я почувствовала спиной его коленки.

— Хочешь, я подвину сиденье? — предложила я, но он отказался, сказал, что ему и так удобно.

Мелина тронулась, и мы выехали на перекресток с круговым движением, который вел к школе. Она спросила, не хотим ли мы заехать в видеопрокат, но Томас отказался.

— Мелина, а вам не кажется, что у Джасиры усталый вид? — спросил он.

Она бросила на меня быстрый взгляд.

— Даже не знаю. Может быть. Ты устала?

— Да не очень, — ответила я.

— У нее темные круги под глазами, — в который раз сказал Томас.

— Это все потому, что она спит на этом чертовом раскладном диване. Наверняка в этом все дело. Она слишком вежливая, чтобы сказать, что он — полный отстой.

— Вовсе он не отстой, — возразила я.

— Джасира — самый вежливый человек из всех, кого я знаю, — объявил Томас. Я смутилась, потому что он даже не засмеялся, как если бы пошутил.

Мы остановились у супермаркета, и Мелина дала нам двадцать долларов, велев купить молока, хлеба и каких-нибудь вкусностей для себя. Как только мы зашли в магазин, Томас направился к отделению фармацевтики и взял упаковку презервативов.

— Я не смогу заниматься этим у Мелины, — сказала я.

— Почему нет? Какая разница, будем мы спать или займемся сексом? Все равно дверь мы закроем.

— Я же тебе говорила, — ответила я. — Я не буду спать.

— Да ей все равно, — успокоил меня Томас. — Она клевая.

У Томаса были с собой деньги, так что презервативы он купил на свои. Я беспокоилась, как бы кассирша не заметила, что мы слишком молоды для покупки презервативов, но она промолчала. Только взглянула на нас, видимо говоря так про себя — особенно когда Томас достал презервативы из сумки с продуктами и убрал к себе в рюкзак.

Когда мы вернулись на парковку, Мелина спала. Она прислонилась к окну, чуть приоткрыв рот.

— Ну, поехали, — сказал Томас, залезая на заднее сиденье. Это и разбудило Мелину.

По пути домой мы проехали мимо копировального магазина мистера Вуозо, и я не вымолвила ни слова. Как и Мелина. С тех пор как она отдала ему “Плейбой”, он, кажется, перестал для нее существовать. Вот только я знала, что это не так. Он существовал. Как и папа. Оттого, что я их не видела, они не исчезали. Они просто оставили меня в покое, потому что боялись Мелины и Гила. Мне пришло в голову, что они просто дожидаются момента, когда Мелину отвезут в больницу, чтобы прийти и забрать меня.

Когда мы вошли в дом, Томас заметил:

— Ого, как у вас здорово. Все такое современное.

— Спасибо, — обрадовалась Мелина, вешая сумочку на стул.

— Лоуренс Аравийский! — воскликнул Томас. Он поставил пакет с продуктами на журнальный столик и отправился рассматривать картины Гиля на стенах.

— Мой муж работал в Корпусе мира, — объяснила Мелина.

— И рыл туалеты в Йемене, — добавила я.

— Он белый? — спросил Томас.

— Ага, — подтвердила Мелина.

— Здорово, — кивнул Томас.

— Послушайте, мне надо поспать немножко, — сказала Мелина, — вы тут смотрите телевизор, ешьте, ладно? Дайте мне где-нибудь час или около того.

— Конечно, — сказал Томас.

— Если пойдете на улицу, далеко от дома не отходите, ладно, Джасира?

Я кивнула.

— Спасибо за еду, — поблагодарил Томас.

— Не за что, — ответила Мелина и отправилась наверх.

После этого мы пошли на кухню разобрать сумки.

— Мы можем поесть и позднее, — заговорил Томас, выкладывая на стол два пакета чипсов. — А пока пойдем поваляемся, раз она спит.

- Но я есть хочу.
- Подождешь.
- Я всегда ем после школы.
- Ты что, не хочешь заняться со мной сексом? — спросил Томас, понизив голос.
- Хочу.
- Ну так вот сейчас — идеальное время.
- Если Мелина узнает, она отправит меня обратно к папе, — сказала я.
- Да ни за что, — отмахнулся Томас. — Она не вернет тебя туда, где тебя бьют.
- Тогда она отошлет меня к маме, — упорствовала я.
- Томас молча сложил пакет из-под покупок.
- А я не хочу с ней жить, — добавила я.
- А где ты хочешь жить?
- Я задумалась на секунду.
- Здесь.
- Он рассмеялся:
- Ты не можешь тут жить. Нельзя вот так взять и переехать к соседям.
- Почему нет?
- Томас пожал плечами:
- Просто нельзя, и все. Так не бывает.
- Мне от его слов стало очень плохо. Особенно из-за того, как уверенно он это говорил.
- Давай пойдем наверх.
- Я не сдвинулась с места.
- Пошли, — повторил он, подходя ко мне ближе. Взяв мою руку, он приложил ее к своим штанам. — Видишь, как ты меня заводишь?

Я кивнула.

— Никто не возбуждает меня так, как ты. Ты особенная.

Я позволила ему подвигать немножко моей рукой по штанам.

— Ты разве не хочешь быть особенной?

— Хочу. — Это была правда. Больше всего на свете я хотела быть особенной, все равно для кого.

Томас вытащил из рюкзака презерватив, мы разулись и поднялись наверх. И на этот раз я обрадовалась, что Мелина закрыла свою дверь.

— Ванная тут, — прошептала я, когда мы прошли мимо нее по коридору.

Дойдя до кабинета Гила, я пропустила Томаса вперед и закрыла дверь.

— Говорить будем шепотом, — предложила я, и Томас кивнул.

Он уселся опробовать кровать.

— Черт, и правда отстойная, — заметил он.

— Не такая уж и плохая.

Томас стащил свитер и повесил его на подлокотник дивана. Потом лег на кровать, подложив руки под подушку.

— Отсоси у меня, — прошептал он.

Я присела на краешек кровати и расстегнула его штаны. Мне нравилось, как они натягиваются, когда у него встает член. Когда я расстегнула молнию и спустила немножко его трусы, член прямо выпрыгнул наружу. Больше всего меня приводило в восторг то, как спокойно он

лежал, подложив руки под голову. Он говорил, что мне делать, но не заставлял меня. И только от одного его поведения я возбудилась сильнее, чем когда бы то ни было.

— Хорошо, — прошептал Томас, когда я склонилась над ним. Он положил мне руку на голову, но не для того, чтобы направлять меня, а чтобы погладить. — Как хорошо, — повторял он снова и снова. — Я хочу полизать твою киску, — сказал он через минуту.

Я перестала сосать и подождала, пока он подвинется, чтобы я тоже смогла лечь. Томас встал на колени и стянул с меня джинсы и трусики, потом широко, так, как ему нравилось, раздвинул мне ноги. Он посмотрел туда немного, а затем начал меня там целовать. Я стала гладить его по голове.

Мне было очень хорошо. Я ничего не говорила, только нежно дотрагивалась до его волос, чтобы он понял, как мне приятно. Я бы так и кончила, если бы Томас не решил остановиться. Он начал натягивать презерватив, потом велел мне сесть сверху. Это совсем не походило на то, что я испытывала, когда он был сверху. Ощущения стали гораздо острее и шире, иногда даже чересчур. Томас протянул руки и начал гладить мою грудь. Казалось, он ласкает каждую частичку моего тела, так это было хорошо. Я кончила довольно быстро, но это был совсем не тот обычный оргазм, к которому я привыкла. Он начался не снаружи, а шел как бы изнутри меня, оттуда, где был член Томаса.

Казалось, оргазм начался глубоко-глубоко внутри меня и потом начал проходить сквозь меня наружу. И случился он гораздо раньше, чем обычно, и все не кончался и не кончался. Так что я не удержалась и закричала.

Мы с Томасом тут же прекратили двигаться и прислушались.

— Не думаю, чтобы она что-нибудь услышала, — сказал он.

— Нет, — покачала головой я, — услышала.

— Откуда тебе знать? — спросил он. — Давай дальше.

Он снова начал двигаться, но я его остановила.

— Она все слышит, — сказала я, хватая одежду.

— А как же я? — Томас взглянул вниз на свой член, который все еще был в презервативе.

— Извини! И одевайся быстрее!

Тут я услышала, как открылась дверь Мелины. — Джасира? — окликнула она меня из коридора.

— Быстрее! — прошипела я Томасу.

— О, черт! — подпрыгнул он и начал натягивать трусы, не снимая презерватива.

— Джасира? — повторился крик Мелины. Голос становился все громче. Кажется, она начала нервничать. Через несколько секунд мы услышали стук в дверь. — Вы тут?

— Да? — отозвалась я, застегивая блузку. Я-то уже оделась, а вот Томас до сих пор прыгал, пытаясь натянуть джинсы.

— Чем вы там занимаетесь? — спросила Мелина.

— Ничем.

— А дверь почему закрыли?

Я думала, что теперь она откроет дверь, но нет.

— Я спала, — сказала я.

— А Томас уже ушел домой? — уточнила она.

Я помолчала секунду.

— Нет.

Тут она все-таки открыла дверь. Томас как раз успел натянуть свитер.

— Привет, — поздоровался он.

— Что тут происходит? — поинтересовалась Мелина.

— Мы спали, — созналась я.

Мелина взглянула на кровать — застеленную, но всю взбаламученную, потом перевела взгляд на пол. Я беспокоилась, что она увидит упаковку от презерватива, но, даже если она ее и заметила, то виду не подала.

— Ты еще слишком маленькая, чтобы находиться в закрытой комнате с мальчиками, — сообщила она. — Если ты устала, Томас должен уйти, чтобы ты могла отдохнуть. — Она посмотрела на Томаса. — Мне отвезти тебя домой?

— А это обязательно?

— Ты еще хочешь спать, Джасира? — спросила Мелина.

Я замотала головой.

— Ладно, — повернулась она к Томасу, — можешь остаться. Но только вы пойдете вниз. Мы все спустимся в гостиную.

— А ты больше не будешь спать? — поинтересовалась я у Мелины.

— Нет.

— Можешь пойти еще поспать, — предложила я. — Обещаю, мы будем сидеть внизу.

— Да ничего, — успокоила она меня. — Я немного пришла в себя.

— Мне нужно в ванную, — помявшись, сообщил Томас.

Мелина отступила в сторону, чтобы он смог пройти. После этого она перевела взгляд на меня. Я все так же стояла у ножки кровати.

— Извини, что я закрыла дверь.

— Почему ты кричала?

— Что?

— Я слышала, как ты кричала.

— Ну... — Я отчаянно пыталась придумать, что же ей сказать, чтобы это не было ложью и при этом постыдной. Так и не смогла.

— Тебе что, кошмар приснился? — спросила она.

— Нет.

Томас спустил воду в туалете и открыл дверь ванной.

— Ладно, — произнесла Мелина, — поговорим об этом позже.

— Извини, — повторила я.

Мы спустились вниз перекусить. Томас рассказал Мелине, что перед соревнованиями по плаванию ему приходится съедать по огромной тарелке макарон, чтобы зарядиться углеводами.

Засмеявшись, он поведал ей, как однажды от хлорированной воды в бассейне у всех блондинов, участвовавших в заплыве, волосы позеленели. Около шести домой вернулся Гил, и Томас начал расспрашивать его про картины в гостиной, куда они и ушли их изучать. Мы с Мелиной остались на кухне доедать остатки.

— А он славный парень, — заметила она.

Я кивнула.

— Правда, стремится тобой командовать, но совсем чуть-чуть, — продолжила она.

— Кстати, он на гитаре отлично играет, — добавила я. — Обожает Джимми Хендрикса.

— У него хороший вкус, — кивнула Мелина.

Мы приступили к приготовлению ужина, который на этот раз состоял из двух домашних пицц. Пока я была в школе, Мелина приготовила тесто, которое мы вынули из холодильника и начали раскатывать на столешнице. Сначала мы намазали соус, потом положили слой сыра. К первой пицце мы добавили пепперони, а ко второй — несоленую свинину. Кроме этого, на обе пиццы мы уложили грибы, перец и лук. Поставив все в духовку, мы направились в гостиную.

— Мархаба! — воскликнул Томас, как только мы вошли.

— Что-что? — не поняла я.

— Это “привет” по-арабски. Меня Гил научил, — объяснил он.

— О... — вымолвила я.

- А ты что, этого не знала? — спросил Томас.
- Я не говорю по-арабски.
- Это довольно сложный язык, — заметил Гил.
- Ужин будет через пятнадцать минут, — встала словечко Мелина.
- Здорово, — обрадовался Гил.
- Тебе не надо маме позвонить? — поинтересовалась Мелина у Томаса.
- Вообще-то да, — откликнулся Томас, — не помешает. А где телефон?
- Мелина кивнула в сторону кухни.
- На стене рядом с буфетом, — объяснила она.
- Томас кивнул. Как только он вышел из комнаты, раздался звонок в дверь. Мелина уже села, так что дверь пошел открывать Гил.
- О! — раздался его голос. — Добрый вечер.
- Добрый, — впервые за много дней я услышала папин голос. Кажется, он пытался быть вежливым.
- Э-э, заходите, — произнес Гил.

Папа, в темно-синем костюме, зашел в дом, за ним показалась Тэна. Я не видела ее с тех пор, как она меня красила. Но иногда, когда она звонила к нам домой, мы с ней болтали по телефону. Я уже и забыла, какая она красавица. Меня всегда поражало, почему такая девушка, как она, вообще связалась с моим папой. Тэна пришла в темно-зеленом шелковом платье, а ее запястье украшал жемчужный браслет. Накрашенные глаза сверкали оттенками зеленого и медного, а на ногтях красо-

вался бледно-персиковый лак. Прическа у нее выглядела так, словно она секунду назад вышла от парикмахера, и я была абсолютно уверена, что от нее чудесно пахнет, хоть мы и стояли далеко друг от друга. С собой она принесла бутылку вина, горлышко которой обхватывала кучерявая блестящая ленточка. Папа же держал в руках прямоугольную стеклянную форму для выпечки. Наверняка он приготовил пахлаву — свое коронное блюдо. Пару раз он пытался научить меня ее готовить, надеясь, что в один прекрасный день я обрадую его свежей выпечкой. Но я так никогда и не решилась взяться за это дело.

— Познакомьтесь, это моя подруга Тэна, — сказал папа Гилу.

— Привет, — улыбнулся Гил, пожимая Тэне руку.

— Рада с вами познакомиться, — ответила она.

— Мы пришли на ужин, — объявил папа, — и отпраздновать окончание войны.

Все молчали. Папа передал Гилу пахлаву и сказал:

— А это вам.

— И это, — добавила Тэна, протягивая бутылку вина. — Это сидр, — пояснила она, глядя на Мелину.

Гил тоже обернулся к Мелине, словно не знал, как ему поступить. В наступившей тишине я услышала Томаса, разговаривающего по телефону на кухне.

— Добрый вечер, Мелина, — поздоровался папа, пересекая комнату. — Это Тэна.

Мелина кивнула.

— Привет, — поздоровалась она.

Через секунду папа заговорил вновь:

— Привет, Джасира.

— Привет, — ответила я.

— Поздоровайся с Тэной, — напомнил он.

— Привет, — сказала я и Тэне.

— Рада снова тебя видеть, — улыбнулась та.

Я кивнула.

— Ну, — объявил Томас, заходя в гостиную, — мама разрешила мне остаться.

Услышав его голос, папа обернулся и посмотрел на него. Все начали смотреть на Томаса.

— Привет, — поздоровался Томас.

Он встал в широком дверном проеме, расставив руки так, чтобы каждой касаться косяка. А так как на нем была надета футболка, при такой позе можно было во всей красе наблюдать его бицепсы. Он как-то сказал мне, что пловцы — не простые качки, потому что все мышцы у них развиваются равномерно.

Папа все стоял и пялился на Томаса. Я изо всех сил старалась его не жалеть — ведь я нарушила его правила, а он ничего не мог с этим поделать. Это было нелегко, учитывая то, что он пришел сюда в таком костюме, стараясь произвести хорошее впечатление.

— Это Томас, — наконец выдавила я. Мне подумалось, что раз уж он мой друг, то я могу сама

представить его Тэне и не заставлять папу это делать.

— Привет, Томас, — кивнула Тэна и подошла пожать ему руку. — Я — Тэна.

Томас оторвался от дверного косяка и сделал пару шагов вперед.

— Рад с вами познакомиться, — улыбнулся он, затем взглянул на папу и сказал: — Здравствуйте.

Папа его проигнорировал.

— Я — Томас, — подсказал он папе.

Папа кивнул:

— Я помню.

Несколько секунд стояла тишина. Затем Томас повернулся к Мелине и повторил:

— Мама разрешила мне остаться.

— Хорошо, — согласно кивнула она.

— Я так понимаю, — кашлянул папа, — вы забыли про сегодняшний ужин.

— Дело не в этом, — ответила Мелина. — Нет, мы, конечно, забыли. Признаю. Но обстоятельства ведь изменились, не так ли?

Папа пожал плечами:

— Война-то все равно окончилась.

— Вы понимаете, о чем я, — сказала Мелина.

— Можно, я скажу? — вмешалась Тэна.

— Конечно, — кивнул Гил.

— Спасибо, — она улыбнулась и сделала глубокий вдох. — Рифат, мы ведь не хотим никому докучать, верно? — спросила она, взглянув на папу. Он промолчал. — Понимаете, просто

Рифат использовал ваше приглашение как возможность увидеть Джасиру. Он хотел сказать ей, как соскучился. — Тэна снова перевела взгляд на папу.

— Да, — заговорил тот. — Я ради этого и пришел, — добавил он, посмотрев на меня.

— Даже если сегодня у нас с ужином не выйдет, — продолжила Тэна, — может, мы договоримся и перенесем его на другой день?

— Конечно, — кивнула Мелина.

— У нас всего две пиццы, — сболтнула я.

— Да ничего, — отмахнулся Томас, — я не голодный. Мы же плотно перекусили.

Повисла тишина. Непонятно было, что же мы в итоге решили, или кто это собирается сделать. На какой-то момент я испугалась, что Мелина заставит решать меня, но она молчала.

— Ну, — наконец подал голос Гил, — может, вы хотя бы на чашку кофе зайдете?

— Спасибо, — поблагодарила Тэна. — С удовольствием.

— Позвольте, — сказал Гил и помог Тэне снять куртку.

Он направился к шкафу, а Мелина тем временем пригласила Тэну и папу в гостиную. Папа уселся в кресло Гила, а Тэна примостилась на левом краешке дивана. Я все стояла перед диваном, в то время как Мелина устроилась на его правой стороне. Гил, вернувшись, выбрал себе кресло рядом с Мелиной. Обычно на нем никто

не сидел, слишком уж близко оно стояло к телевизору.

— Томас, присоединяйся, — позвал Гил.

Томас кивнул и уселся на полу перед журнальным столиком.

— Пицца пахнет обалденно, — сказала Тэна.

— Спасибо, — улыбнулась Мелина.

— Мы сами ее приготовили, — добавила я. —
Даже тесто.

Тэна кивнула. Кажется, ее это впечатлило.

— Позвольте спросить, когда у вас срок? —
спросила она, кивком указывая на живот
Мелины.

— Официально двадцать третьего апреля, —
ответила та. — Но у меня такое ощущение, что
это произойдет вот-вот на днях. Живот уже опу-
стился.

— Опустился? — не понял папа.

— Готовясь к родам, ребенок перемещается
в матке вниз, — объяснила Мелина.

— О... — вымолвил папа, смутившись. Кажется,
он жалел, что вообще задал такой вопрос.

— Вы уже точно знаете, что будет девочка? —
поинтересовалась Тэна.

Мелина кивнула.

— Как чудесно, — улыбнулась Тэна. — Поздрав-
ляю.

— Спасибо.

— Девочки гораздо забавнее мальчишек, —
добавила Тэна.

— Почему это? — удивился папа. — С чего ты взяла?

— Да все это знают, — отмахнулась она. — Девочки такие яркие.

Папа приподнял брови. Похоже, он хотел сказать, что я-то ни капельки не яркая, но в последний момент передумал.

— Я с вами согласен, — кивнул Томас. — Ну, по поводу девочек.

Папа уставился на него.

— Прошу прощения, — начал он, — но могу ли я поинтересоваться, а что ты тут делаешь?

— Я — друг Джасиры, — ответил Томас.

— Угу, — промычал папа, — вот только Джасире запретили с тобой общаться.

Томас пожал плечами.

— Почему? — спросила Мелина.

— Потому что я черный, — ответил за папу Томас.

Папа промолчал.

— Что, правда поэтому? — поинтересовалась у папы Тэна.

Он молчал.

— Господи, — фыркнула Тэна. — Что за бред!

— Во-первых, — заговорил папа, — Джасира еще слишком маленькая, чтобы общаться с мальчиками.

— Я согласна, — подала голос Мелина.

Папа взглянул на нее. Помолчал секунду, потом продолжил:

— Во-вторых, для белой девушки межрасовые отношения могут быть крайне сложными. Так случилось и с матерью Джасиры.

- Джасира не белая, — заметил Томас.
- Конечно, белая! — воскликнул папа. — Формально человек с Ближнего Востока считается белым. Белой расы.
- Формально — это где? — уточнил Томас.
- Да везде! — разозлился папа. Наверняка он взбесился от того, что Томас смел с ним так свободно разговаривать.

Тут раздался звук таймера с кухни.

- Пицца готова, — определила Мелина, поднимаясь с дивана. — Джасира, пошли, поможешь мне.
- Конечно, — кивнула я, направляясь на кухню.
- Возьми, пожалуйста, шесть тарелок, — попросила меня Мелина, как только мы зашли на кухню.

Я кивнула. Когда она полезла за двумя противнями, я почувствовала жаркое дыхание духовки на своих ногах. Пока пиццы остывали сверху плиты, Мелина открыла ящик и достала столовые приборы — ножи и вилки. Ей показалось, что сидра на всех не хватит, так что она разлила по шести стаканам лимонад и поставила его на поднос к приборам и салфеткам. Я все ждала, когда она скажет, что думает по поводу сложившейся ситуации, но она молчала. Взяв специальный нож, она положила каждому на тарелку по кусочку каждой пиццы. Потом вздохнула и сказала:

- Я так подозреваю, они останутся на ужин.

— Уж наверняка, — согласилась я.

— Прости, детка.

— Да все хорошо, — честно сказала я. Каждый раз, когда Мелина без слов понимала, о чем я думаю, мне становилось хорошо.

Мы подхватили тарелки с пиццей и поднос и пошли в гостиную.

— О, так мы тут будем есть? — спросил папа, как только увидел еду.

Тэна тут же начала убирать журналы со столика. Папа принялся ей помогать и застыл как вкопанный, увидев мою книжку “Меняется тело — меняется жизнь”.

— Что это? — спросил он.

Мелина и Гил переглянулись.

— Чье это? — настаивал папа.

— Мое, — призналась я.

— Твое?

Я кивнула.

— Это где же ты такую книжку взяла?

— Это книга для подростков, — объяснила я. — Для девочек и мальчиков.

— Ты только посмотри! — сказал папа, передавая книгу Тэне.

Но она ее не взяла.

— Пора есть, Рифа!, — мягко сказала она.

— Но ты посмотри на эту книгу! — возмущался папа, перелистывая страницы. — И на эти картинки!

В конце концов Тэна взяла у него книжку и начала ее изучать.

— Да обычная книжка, — решила она. — С самой базовой информацией.

— Нет! — воскликнул папа. — Это не базовая информация! Тут все чересчур живописно написано! Я такого вслух не смогу прочесть!

Мелина вздохнула.

— Послушайте, — начала она, — я подарила эту книжку Джасире. У нее возникли кое-какие вопросы, так что я подумала, что она ей пригодится.

— Да кто вы такая? — кипятился папа. — С чего вам ей помогать? Кто вообще разрешил вам ей помогать?

Гил сказал папе что-то по-арабски, и тот сразу прекратил говорить в таком тоне. Потом Гил сказал что-то еще, протянул руку, и папа передал ему книгу. Затем мы сели есть пиццу.

— Как вкусно! — сказал Томас.

— Спасибо, — поблагодарила Мелина.

— Правда вкусно, — подтвердила Тэна.

— Если кто хочет, на кухне еще есть, — добавила Мелина.

— Я точно хочу! — воскликнул Томас, хоть раньше утверждал, что сыт.

— Оставьте место для пахлавy, — пробурчал папа.

— Папа готовит отличную пахлавy, — заметила я.

Папа взглянул на меня. Конечно, он не улыбнулся, но хотя бы немного расслабился.

После еды Тэна помогла нам с Мелиной отнести тарелки на кухню. Потом она начала натягивать резиновую перчатку, которая всегда лежала на краю раковины, и Мелина запротестовала:

— Нет-нет, не надо мыть посуду! Гил потом все сделает!

— Я настаиваю, — сказала Тэна и надела вторую перчатку.

— Ну ладно. Все равно я слишком устала, чтобы вас переубеждать, — улыбнулась Мелина.

— А Джасира поможет мне вытирать посуду, — заявила Тэна. Меня это немного разозлило — я-то хотела вернуться обратно в гостиную к Мелине. Мне всегда хотелось быть рядом с ней. Но все равно я взяла в руки полотенце.

Мелина подперла руками спину и начала смотреть, как мы с Тэной моем посуду. Я думала, может ей тоже не нравится, что я не вернусь с ней в гостиную, но в конце концов она только сказала:

— Ладно. Только долго не возитесь тут.

— Она очень славная, правда? — спросила Тэна, как только Мелина вышла.

Я кивнула.

— Я понимаю, почему она тебе так нравится.

Я забеспокоилась, что Тэна может испачкать свое красивое платье мыльной водой, так что предложила надеть ей фартук.

— Хорошая мысль, — кивнула она.

Я подошла к шкафчику рядом с холодильником, где лежали фартуки и полотенца. В доме

Мелины я прекрасно знала, что где лежит: где скотч, где ручки, удлинители, блокноты, записные книжки, щетки для обуви, лампочки, швабра, зонтики, туалетная бумага. Я могла ходить по дому куда угодно и брать что мне угодно и ни у кого не спрашивать разрешения. Я могла есть тогда, когда мне захочется. Могла врубить телик и смотреть передачи, которые любила еще с той поры, когда жила с матерью в Сиракьюсе. Каждый раз, когда я делала что-нибудь новое и не спрашивала разрешения, Мелина и Гил старались не обращать на это внимания, чтобы я не чувствовала себя неловко. Я-то, конечно, не должна была этого замечать, но все равно замечала все мелочи, постоянно. И ничего не могла с этим поделать.

— Вот, — сказала я, передавая Тэне фартук, который с трудом сходил на животе Мелины. — Надень этот.

— Спасибо. — Руки у нее были все мокрые и в пене, так что она улыбнулась и спросила: — А ты мне не поможешь?

Я кивнула, позволила ей просунуть голову между лямок и завязала большой бантик на спине. Тэна вернулась к посуде, а я начала вытирать первую тарелку.

— Ну, — заговорила Тэна, — так когда ты планируешь вернуться домой к папе?

Я подошла к шкафчику и убрала в него тарелку.

— Не знаю.

Я надеялась, что никогда, но Тэне об этом говорить не стала. Как и о том, что хочу, чтобы Мелина и Гил стали моими новыми родителями.

— Он правда очень по тебе скучает, Джасира, — поделилась Тэна.

Я молча отправилась за очередной тарелкой.

— А ты по нему скучаешь? — спросила Тэна.

— Нет.

— О...

— Извините.

— Нет-нет, я понимаю. Просто... Понимаешь, рано или поздно любой родитель может выйти из себя и стукнуть ребенка. У меня были чудесные родители, но и на них иногда находило. Скорее всего, и Мелина с Гилом так когда-нибудь поступят.

— Нет, — заявила я, изучая раковину. Я пыталась понять, сколько тарелок мне еще придется вытереть, прежде чем я смогу вернуться в гостиную.

— Зря я завела этот разговор, — вздохнула Тэна. — Конечно, я не могу говорить за Гила с Мелиной.

— Ничего, — сказала я и отнесла в шкаф следующую тарелку.

Хорошо бы она принялась за противни из-под пиццы. Тогда я смогла бы сразу уйти, а не торчать тут еще черт знает сколько.

Тэна вздохнула:

— А как твоя мама поживает?

— Хорошо, — буркнула я, хотя на самом деле ничего не слышала от мамы уже довольно давно, если не считать ее постоянных сообщений.

— Вот и замечательно, — сказала Тэна.

Я почувствовала себя виноватой — Тэна так старалась быть милой, а я себя так вела. Поэтому я подумала и добавила:

— А еще у мамы черный бойфренд.

— Серьезно?

Я кивнула.

— А чем он занимается?

Сначала я не могла вспомнить. Мне всегда казалось, что самое главное в нем — то, что он негр.

— Кажется, он работает психологом в той же школе, что и мама, — наконец вспомнила я.

— А, — кивнула Тэна, словно бы это все объясняло. Правда, я не очень понимала, что именно. Тэна поставила на край раковины стакан, на котором все еще виднелась мыльная пена, и я не знала, как мне поступить. Я не помнила, может ли повредить мыльная пена Дорри или нет. Какая-то часть меня совсем не хотела о ней заботиться, но вообще-то я понимала, что я должна это делать.

— Вы не ополоснете этот стакан еще разок? — спросила я, указывая ей на стакан.

— Конечно, — кивнула Тэна.

— Спасибо, — поблагодарила я, когда она вернула стакан обратно.

— Знаешь, — заговорила Тэна, — я не согласна с твоим отцом по поводу Томаса. Это неправильно. И он тоже это понимает, я уверена. Он просто беспокоится о твоём благополучии.

Я отнесла стакан в шкаф. Хорошо бы она перестала так яростно защищать папу. Мелина так никогда не делала. Она никогда не верила, что у папы есть хорошие стороны. Пусть даже это было неправдой, мне наплевать. Я вообще не хотела больше думать о разных сторонах папиного характера. Слишком устала.

Сразу после слов Тэны в кухню зашел Томас.
— Я вытру посуду, — сказал он. — Твой папа хочет, чтобы ты показала ему свою комнату.
— Зачем?

Томас пожал плечами:

— Он заявил, что имеет право знать, в каких условиях спит его дочь.

— Он заботится о тебе, Джасира, — встряла Тэна. — И хочет убедиться, что тебе тут удобно.

Тут я поняла, что уж лучше пойду показывать папе комнату, чем буду стоять и слушать Тэнины бредни. Я передала Томасу полотенце.

Как только я вошла в гостиную, папа вскочил с кресла и заявил:

— Я хотел бы осмотреть дом, если вы не против.

Я взглянула на Мелину, примостившуюся в своем обычном уголке на диване, потом на Гила.

— Конечно, — сказал он, привставая. — Я вам все покажу.

По-моему, папу взбесила мысль о том, что меня хотят охранять от него. Но мне было наплевать. Я знала, что он не посмеет меня ударить, так что дело было не в этом. Просто, если бы мы остались вдвоем, он бы мог наговорить мне всяких гадостей, например: какого черта я тут забыла или что, если я не вернусь немедленно домой, он меня зверски накажет. Не думаю, что я бы ему поверила, но все равно, проверять не хотелось. Мне не хотелось оставаться с ним наедине. Не хотелось выслушивать от него гадости. Не хотелось признавать, что я до сих пор его боюсь.

Сначала по лестнице поднялся Гил, за ним я, а потом папа. Поднявшись наверх, папа заявил: — С деревянной лестницей такие громкие шаги получаются.

— Ну, это не так уж и страшно, — сказал Гил и указал на дверь справа от него: — Это наша спальня.

Папа заглянул туда и кивнул.

Пройдя чуть дальше по коридору, Гил объявил:

— А это ванная Джасиры.

Ни он, ни Мелина раньше так никогда не говорили, так что я задумалась: неужели у меня теперь целых две комнаты?

Мы остановились, и папа зажег свет и осмотрел все внутри.

— Очень мило, — заметил он.

Правда, голос у него звучал так, словно он вовсе так не думал. Выключив свет, он сказал:

— Я подумывал сделать двухэтажную ванную для нас с Джасирой, но потом мы решили, что это нерационально — слишком уж большая она была бы для нас.

— Разумеется, — отреагировал Гил.

— Так что сделали обычную.

— А вот и комната Джасиры, — сказал Гил, включая свет и заходя внутрь.

Мы с папой прошли за ним. Упершись руками в бедра, папа осматривал комнату. Кровать до сих пор была взбаламучена после нас с Томасом, но он, кажется, этого не заметил.

— А чья это куртка? — спросил он.

Я взглянула на куртку Томаса, брошенную на спинку дивана. Хорошая синяя ветровка.

— Это не твоя куртка, — констатировал факт папа.

— Да, — признала я. — Это Томаса.

— Что?

— Я показывала ему свою комнату. Он, наверное, ее здесь забыл.

— Он что, сидел тут? — упорствовал папа. — Не понимаю, с чего ему забывать куртку, если только он тут не рассиживался.

Гил подошел и взял куртку в руки.

— Ну, нужно ему ее вернуть, — сказал он.

— Это не поможет мне понять, с чего она тут вообще оказалась.

— Джасира же объяснила вам, что показывала Томасу комнату, — попытался успокоить папу Гил.

— Но если он не оставался тут надолго, с чего ему забывать тут свою куртку?

— Он не оставался, — вставила слово я.

— Угу, — буркнул папа.

— Пойдемте есть пахлаву, — предложил Гил.

Папа не тронулся с места.

— Вы со своей женой что, совсем за ней не присматриваете? — спросил он.

— Конечно, мы присматриваем за Джасирой, — ответил Гил. — И кстати, Мелина тоже считает, что Джасире еще рано общаться с мальчиками.

Папа промолчал.

— Пошли, — позвал Гил. — Я приготовлю кофе.

Кажется, папе кофе совсем не хотелось. Вид у него был такой, словно он хотел обнюхать тут каждый сантиметр в поисках улики. Но в конце концов он все-таки развернулся и вышел из комнаты. Затем он заявил, что у него есть несколько вопросов к Мелине.

— Нет, — возразил Гил, — никаких вопросов, пожалуйста.

— Я имею право задавать вопросы, касающиеся благополучия моей дочери! — воскликнул папа.

— Джасира уже ответила на ваши вопросы.

— Она врунья, — заявил папа.

— Что-что? — не понял Гил.

- Она постоянно врет.
- Я никогда не ловил Джасиру на лжи, — ответил Гил, — и она всегда была предельно честна со мной и Мелиной.
- Ну-ну, — хмыкнул папа, — это мы еще посмотрим.
- Все, хватит, — решил Гил. — Хватит с меня этих мерзостей. Сейчас мы пойдем есть пахлаву, а потом вы с Тэной уйдете домой.
- Разумеется, — раздраженно бросил папа. — Как вам будет угодно! — Он прошел в мою ванную и захлопнул дверь.
- Пошли, Джасира, — сказал Гил и положил мне руку на плечо, ведя к лестнице. Пока мы спускались, мне было ужасно плохо. Мне казалось, что я должна ему сказать: “Уберите руку! Он прав, я врунья!”
- А где твой папа? — спросила Тэна, как только мы вошли в гостиную.
- Судя по всему, они с Томасом уже закончили с посудой. Он снова уселся на пол, а она устроилась на противоположном от Мелины конце дивана.
- В ванной, — ответила я.
- Держи, — сказал Гил, передавая Томасу куртку.
- О, спасибо, — поблагодарил тот.
- Не стоит тебе больше наверх ходить, — добавил Гил.
- Томас кивнул:
- Конечно.

— Ну, — сказал Гил, легонько хлопнув руками, — кто хочет кофе?

— Мне без кофеина, если можно, — попросила Тэна.

— Один без кофеина, — повторил Гил.

— Мне тоже! — сказал Томас.

— А ты, Джасира? — спросил Гил.

— Да, спасибо, — ответила я. Мне никто раньше не предлагал кофе. Я всегда думала, что еще слишком маленькая, чтобы пить кофе.

— А я молока выпью, — решила Мелина.

Гил кивнул и отправился на кухню.

Я уселась на диван между Мелиной и Тэной. Мелина протянула руку и погладила меня по голове.

— Все в порядке? — поинтересовалась она.

— Да, — кивнула я.

— Ну и хорошо.

Я взглянула через журнальный столик на Томаса, который улегся на пол. Он скатал куртку в рулон и подложил под голову вместо подушки. Глаза у него были закрыты.

— Ну что, готов идти домой, Томас? — спросила его Мелина.

— Ага, — ответил он, открыв глаза. — Но только после пахлавы.

Тэна кивнула:

— Рифат прекрасно готовит.

Через несколько секунд на лестнице показался папа. Он очень странно выглядел, а в руках у него был зажат кусочек туалетной бумаги.

— Рифат, — окликнула его Мелина, — мы готовы к вашей пахлаве. Впервые за все время я слышала, как она назвала его по имени.

Папа ей не ответил. Он молча спускался по лестнице. Потом он подошел к Томасу, лежащему на полу, и сказал:

— Встань.

— Что? — не понял Томас.

— Встань, — повторил папа.

— Что такое? — спросил Томас, садясь. — Что такое-то?!

Папа развернул туалетную бумагу и оттуда что-то выпало, прямо на колени Томасу.

— Что за хрень! — завопил Томас. — Какая мерзость!

— Это твое, — сказал папа.

Сначала я не поняла, что же это такое, но потом, когда Томас поднял его, я поняла, что это презерватив.

Папа повернулся к Мелине.

— Вы чем им тут позволяете заниматься? — поинтересовался он.

— Ничем! — воскликнула она. — О чем вы? Что это за дрянь?

— Это презерватив! — выкрикнул папа.

— О господи! — выдохнула Мелина, пытаясь встать. Я протянула руку, чтобы помочь, но она ее не заметила.

Гил, наверное, услышал папины крики, и решил выйти из кухни.

— Что случилось? — спросил он.

— Я нашел презерватив в вашем туалете, — заявил папа. — В туалете Джасиры!

— Какой еще презерватив? — не понял Гил.

— Его презерватив! — воскликнул папа, указывая на Томаса. — Он тут единственный, кому может понадобиться презерватив!

Томас взял со стола салфетку и завернул в нее презерватив, потом встал.

— Куда это ты направился? — гаркнул папа.

— Выброшу это в мусор, — сказал Томас. — Отвратительно, что вы вообще вытащили его из туалета.

— Дай его мне, — потребовал папа.

— Нет, — отказался Томас.

Папа рванулся вперед и выхватил салфетку из его рук.

— Господи! — воскликнул Томас.

— Ты никуда не пойдешь! — заявил папа. — Стой тут! — Потом он перевел взгляд на Мелину. — Я хочу знать, почему вы позволяете моей дочери пользоваться презервативами.

— Нет, — пролепетала Мелина, — я не позволяю. — Впервые, кажется, она выглядела растерянной. Будто не знала, что сказать.

— Тогда почему я нашел это? — упорствовал папа.

— Честно говоря, — призналась Мелина, — я понятия не имею.

— Вы считаете меня монстром! — закричал папа, глядя на Мелину с Гилом. — Вы оба думаете, что я такой ужасный! Но это вы разрешаете

моей дочери водить к себе парней и использовать презервативы!

Он весь покраснел и стал мокрым — непонятно, от пота или от слез. Я боялась, что он кого-нибудь ударит, но вообще-то тут ему некого было бить. Если бы он ударил Томаса, тот бы наверняка дал ему сдачи.

— Рифат, — позвала Тэна. Она поднялась с дивана и подошла поближе к папе. — Давай успокоимся, хотя бы на минуту. Пожалуйста.

— Нет! — закричал папа, сбрасывая ее руку со своего плеча. Он повернулся ко мне и сказал: — Иди за вещами. Ты возвращаешься домой. — Когда я не сдвинулась с места, он заорал: — Живо!

— Погодите секунду, — сказал Гил.

— У вас есть фотографии ее ноги, а у меня есть презерватив! — заявил папа. — Если вы покажете полиции фотографии, я покажу им это! Вы тоже монстры. И вы тоже делаете ужасные вещи!

— Послушайте, — заговорил Томас, — мне очень жаль. Это все моя вина. Винить надо только меня.

— Конечно, я виню тебя! — прошипел папа. — Я виню тебя и ее! — Он указал на Мелину.

— Достаточно! — резко заявил Гил. — Успокойтесь. Вы же даже не знаете, что произошло.

— Я прекрасно знаю, что произошло! — кричал папа. — Я знаю, что моя дочь потеряла невинность в этом доме!

— Это неправда, — заметил Томас.

— Заткнись! — заорал папа, потом повернулся ко мне и сказал: — Я же велел тебе идти собираться!

Все молчали. Мелина, Гил, Тэна. Кажется, все они считали, что на этот раз папа оказался прав. И что с ним бесполезно спорить. Наверное, так оно и было. Но только не для меня. Я не хотела возвращаться к нему домой. Я даже представить себе этого не могла. Я не смогла бы снова жить с ним или мамой. Представить то, как я приезжаю к ним в гости, я вполне была в силах. Но в конце я обязательно должна была возвращаться к Гилу и Мелине. К моей раскладной кровати с неудобной штукой посередине. К моей ванной. К моей одежде в бельеовом шкафу.

— Я не теряла невинность в этом доме, — сказала я.

— Это случилось у меня, — добавил Томас.

— Нет, — возразила я.

Томас уставился на меня.

— Я потеряла ее в твоём доме, — сказала я папе. — С мистером Вуозо. Он сделал это пальцами. Я не хотела, но он все равно это сделал.

Сказав это, я поняла, что никого больше не хочу видеть. Особенно я не хотела, чтобы кто-нибудь видел меня. Я не хотела, чтобы кто-нибудь знал такое обо мне, и жалела о своих словах. Мое признание было отвратительным — совсем как презерватив, вынутый из туалета. Я повернулась

алисия эриан как на ладони

к Дорри и уткнулась в нее лицом и заплакала так, как не плакала никогда в жизни. Дорри начала легонько постукивать меня по лицу, и я обрадовалась, что хоть одна из нас жива.

глава двенадцатая

Мелина плакала. Она говорила, что это все ее вина. Гил убеждал ее, что это не так, и пытался обнять, хотя ее уже обнимала я.

— Не обнимай меня! — плакала она. — Со мной-то ничего не случилось.

Томас поднял с пола куртку, надел ее и заявил, что пошел убивать мистера Вуозо. Гил сказал, что ничего подобного, и встал перед входной дверью. Папа сел в кресло Гила и спрятал лицо за руками. Наверное, ему тоже не хотелось никого видеть. Тэна подошла и положила ему руку на плечо. И вместо того чтобы смотреть на папу, я наблюдала за тем, как сотрясается Тэнина рука у него на плече.

Хорошо, что все вокруг переживали и думали, чья же это вина, и не пытались со мной говорить. Я стыдилась того, что сказала, и того, что теперь все всё знают. Даже перед Томасом, с которым мы занимались постыдными вещами, мне было стыдно.

Какое-то время никто не мог успокоиться. Я сказала, что хочу выпить воды, и ушла на кухню, сев в одиночестве за стол. За мной зашел Томас и спросил, где же моя вода. Он наполнил из-под крана два стакана, сел рядом со мной и сказал: — Ты должна была мне сказать.

Я ничего не ответила. Он взял мою руку в свою. Кажется, он был спокойней всех — наверное, он был слишком молод, чтобы думать, будто это его вина. Сама-то я вовсе не считала, будто это вина кого-то из взрослых, но меня устраивало, что они сами так думают. Мне нравилось, что им стало плохо, что я их огорошила и заставила плакать. И мне больше не надо ни о чем беспокоиться — пусть теперь взрослые делают это за меня.

Томас мял мою руку, поскребывал каждый мой ноготь кончиком своего ногтя.

— Больно было? — наконец спросил он.

Я кивнула.

— А крови много было?

Я еще раз кивнула.

— Это была моя кровь, — заявил Томас. — Моя, а не его.

Раньше мне бы понравилось, как он это сказал. Как будто я — его собственность. Но теперь у меня это не вызвало никаких эмоций. Я только подумала, что это моя кровь и что Томасу не стоит больше об этом вспоминать.

Потом мы услышали, как взрослые тихо переговариваются в гостиной, и постарались не

шуметь, чтобы все расслышать. А они-то этого как раз и не хотели. Мне стало страшно, что они обсуждают, как бы вернуть меня к папе, так что я прошла и встала в дверном проеме между кухней и гостиной.

— О чем вы говорите? — спросила я. Все повернулись ко мне, но никто не ответил. Я чувствовала дыхание Томаса на своей спине. — Теперь я живу тут, — напомнила я, и никто мне не возразил.

Через несколько секунду заговорила Тэна:

— Томас, думаю, мне стоит отвезти тебя домой.

— Почему? — спросил он.

— У тебя мама наверняка волнуется.

— Я не хочу уезжать, — заявил он, и больше никто на эту тему не распространялся.

Все выглядели уставшими и напуганными. Папа больше не прятал лицо в руках. Он отвернулся от меня и уставился в выключенный телевизор. Мелина откинулась на спинку дивана. Гил уже не стоял прямо перед дверью, но держался поблизости, словно вратарь, поджидающий мяч.

— И что теперь будет? — задал вопрос Томас.

Я думала, что сейчас папа заорет и велит ему заткнуться, но он только сказал:

— Нам придется вызвать полицию.

— Зачем? — спросила я, боясь, что мне придется рассказывать все снова людям, которых я даже не знаю.

— Затем, — ответил папа, поворачиваясь ко мне. — То, что сделал этот сукин сын, — противозаконно.

— Но я больше не хочу об этом говорить! — взмолилась я.

— Придется.

Тут Гил сказал ему что-то по-арабски. Голос у него был гораздо громче и строже, чем в тот раз, когда папа говорил гадости про Мелину. Папа окаменел, но в ответ ничего не сказал. Я знала, что Гил меня защищает, и ужасно пожалела, что не понимаю ни слова по-арабски.

Мелина вздохнула:

— Вы правы, Рифат. Нам придется сообщить полиции.

— Нет! — возразила я.

— Я буду рядом, — пообещала Мелина. — Все время.

Я открыла рот, чтобы крикнуть “нет” еще раз, но папа меня опередил.

— Мелина будет рядом, — успокаивающе сказал он, и я замолкла. Мне не хотелось разрушать возникшую между ними симпатию.

— Позвоним им сейчас? — спросил Гил.

Никто не ответил.

— Или подождем до завтра? — предложил он.

— Не знаю, — пробормотал папа. — Я не в состоянии думать.

— Давайте тогда отложим это до завтра, — заключила Тэна.

Из кухни донесся запах кофе, который, судя по всему, начал выкипать. Странно, что плохое может произойти с человеком, когда вокруг так чудесно пахнет.

— Кофе готов, — отметил Томас.

Все его проигнорировали.

Он пожал плечами и отправился на кухню. Я услышала, как он открывает шкаф и звякает чашками и блюдами, потом вытаскивает приборы.

— Джасира, помоги мне тут! — крикнул он через пару минут, и вдвоем мы принесли кофе. Мы поставили на столик чашки с кофе, сахар и молоко, но к ним так никто и не прикоснулся. Томас сбегал на кухню и принес оттуда пахлаву. Он снял фольгу, и теперь пахлава красовалась посреди стола, слоеное тесто было поделено на идеальной формы ромбики. Томас попытался разрезать пахлаву лопаточкой, но листочки слоеного теста крошились и ломались. Я думала, что папа заорет на него, велит ему прекратить, но он молчал. Я ждала, что папа скажет ему, что ромбики сначала нужно аккуратно надрезать, а потом спокойно разрезать всю пахлаву, но он молчал. В конце концов, я думала, что папа разозлится на меня, ведь я знала, как раскладывать пахлаву, но не сказала об этом Томасу. Но он только тихо сидел и смотрел, как разваливается по кусочкам результат его упорной работы.

Этим вечером Гил развез всех по домам, даже папу с Тэной — чтобы папа, возвращаясь домой

мимо калитки Вуозо, не ворвался к ним в дом. Правда, я-то знала, что он в жизни так бы не поступил. Он не такой, как Томас.

Ночью Мелина спала со мной, с самого вечера. Наверное, она думала, что мне точно приснится кошмар, так что решила прийти заранее.

— Прости меня, — прошептала она, когда мы лежали в темноте.

— За что?

— Я должна была догадаться.

— Я не хотела, чтобы ты знала.

— Нет, хотела, — возразила Мелина.

Я умолкла. Мне надо было обдумать эту мысль.

— Джасира? — позвала она.

— Да?

— А было еще что-то?

Я промолчала.

— Пожалуйста, скажи мне, если он еще что-нибудь с тобой делал.

— Это повредит ребенку, — сказала я.

— Ребенок в порядке.

— Да, — ответила я.

— Сколько раз?

— Один.

— Об этом тебе тоже придется рассказать в полиции.

— А что, если я в тот раз и сама хотела? — спросила я и расплакалась от стыда. Я ведь на самом деле не хотела, просто делала вид, будто хочу. А мистер Вуозо так и скажет в полиции, и все поймут, что так и было.

Мелина прижала меня к себе и прошептала:

— Это не важно. Когда взрослый человек занимается сексом с подростком младше шестнадцати лет, это изнасилование. Даже если этот подросток и сам этого хотел.

— Я на самом деле не хотела, — призналась я, — я просто притворялась.

— Зачем?

— Не знаю.

Она гладила меня по голове, пока я пыталась успокоиться. А это было нелегко, когда она была такой хорошей. Прежде чем уснуть, я призналась:

— А я ненавидела Дорри.

Мелина тихо рассмеялась:

— Да я поняла.

— Но уже не ненавижу, — сказала я, хотя на самом деле все-таки еще чуточку ненавидела.

— Ненавидь ее, ради бога, — улыбнулась Мелина. — Дети всегда ненавидят своих младших братьев и сестер.

Хорошо бы Мелина больше ничего не говорила. Ее слова все кружились и кружились у меня в голове. Они были такими яркими и сверкающими, совсем как техасское солнце, когда закрываешь глаза и все равно видишь его контур.

На следующее утро, в субботу, я разговаривала с полицейскими. Когда мы с Мелиной завтракали, к нам заехал папа вместе с полицией. Приехали двое — мужчина и женщина, но я должна была

разговаривать только с женщиной. Мужчина отправился в гостиную к папе и Гилу. Женщина спросила, хочет ли папа присутствовать при разговоре, но он отказался, сказав, что со мной побудет Мелина. Тогда женщина захотела узнать, кем нам приходится Мелина, и папа сказал, что она — друг семьи. Мне это показалось забавным, ведь все в моей семье, кроме меня, Мелину терпеть не могли. Но все равно, это было мило с его стороны. Честно говоря, я просто обрадовалась, что он не будет меня слушать.

Мы устроились на кухне. Женщина включила диктофон, а иногда записывала что-то и в блокнот. Мелина села с вязаньем. Кажется, она не хотела, чтобы я думала, будто она очень уж прислушивается к моему рассказу, чтобы я не смущалась.

Я рассказала женщине все то же, что и вчера. Вот только вопросов у нее возникло гораздо больше. Она хотела знать каждое слово, которое говорил мне мистер Вуозо, и каждый его жест и взгляд. Когда я рассказывала о том, что, как мне казалось, было между нами хорошего, это почему-то превращалось в гадости. Как, например, то, что мистер Вуозо возил меня ужинать, или как приходил к нам домой, пока папа был у Тэны, чтобы сказать о неработающем прожекторе. Или когда он позволил мне брать у него интервью. После каждой такой истории женщина задавала вопросы, например: “Приходя к тебе, он точно знал, что твоего папы нет дома?”

Тогда-то я и поняла, что раньше воспринимала все неправильно.

Когда я закончила свой рассказ, женщина спросила, не хочу ли я добавить что-нибудь еще.

Я вперила взгляд в стол. Мне так не хотелось рассказывать о том случае, когда я позволила мистеру Вуозо делать со мной всякие вещи, потому что думала, что его призвали на войну. Я не хотела, чтобы кто-нибудь знал, какой дурой я была.

— Джасира? — спросила женщина.

Я взглянула на нее. Это была крепкая негритянка, и мне нравилось, как на ней сидит форма, плотно облекая выпуклости попы и груди.

— Да? — отозвалась я.

— У тебя с мистером Вуозо был еще какой-нибудь контакт?

Я не ответила, и тогда Мелина сказала:

— Да, был.

— Расскажешь мне об этом?

Я посмотрела на Мелину.

— Не бойся, — сказала она.

Я вздохнула и начала рассказывать женщине про тот случай. Я уже устала произносить слова типа “вагина”, “член”, “грудь” и “эрекция”. Даже “пальцы” или “рот” вгоняли меня в краску. Когда я рассказывала про самую неприятную часть, Мелина начала вязать быстрее обычного. Я смотрела на нее и воображала, будто я — ее моторчик. Как будто мои слова нажимают на воображаемые педали, которые заставляют Мелинины

руки двигаться быстрее. Я не плакала до самого конца, не сдержалась только, когда дошла до того места, где мистер Вуозо обзывал меня шлюхой в то время, как мы занимались сексом. Тут Мелина отложила вязание и сказала женщине, что на сегодня хватит. Та кивнула и закрыла колпачком ручку, выключила диктофон и встала. Прежде чем уйти, она дотронулась до моей руки и произнесла:

— Ты хорошая девочка, и ты очень много всего запомнила.

Через несколько минут на кухню зашел папа.

— Как прошло? — спросил он. — Ты на все вопросы ответила?

Мелина кивнула.

— Она очень хорошо справилась, — сказала она.

Папа взглянул на нее, потом на меня.

— Почему ты плачешь? — спросил он.

— Рифат, — ответила Мелина, — это далось ей нелегко. Ей пришлось рассказывать очень неприятные вещи.

Папа все смотрел на меня.

— Не понимаю, почему ты мне не рассказала.

— Я боялась, что ты разозлишься, — призналась я.

— С чего бы это мне на тебя злиться, если кто-то сделал тебе больно?

— Я не знаю.

— Я бы и не стал, — сказал он, глядя на Мелину. — Я не такой.

Мелина промолчала. Тут на кухню заглянул Гил.

— Все нормально? — спросил он.

Я кивнула.

— Я дико устала, — призналась Мелина.

— Ну, — произнес Гил, — может, нам всем тогда немножко передохнуть?

— В каком это смысле? — поинтересовался папа.

— В прямом — мы все немного отдохнем, а попозже снова соберемся все вместе.

— То есть вы хотите, чтобы я ушел домой? — уточнил папа.

— Ненадолго, — успокаивающе сказал Гил.

— А что, если я хочу остаться со своей дочерью?

— Вы увидите с ней позже, после того, как она отдохнет.

— Она может отдохнуть и у себя дома, — заявил папа. — У нее там есть собственная комната.

— Ну же, Рифат, — сказал ему Гил.

Папа не ответил. В руках он держал визитную карточку женщины-полицейского и трепал ногтем ее уголок туда-сюда.

— Приходите вечером, ладно? — предложил Гил.

Папа пожал плечами, повернулся ко мне и спросил:

— Ты что, не можешь домой прийти? Хотя бы на один день?

Я не знала, что ему ответить, и обернулась за поддержкой к Гилу.

— Ну же! Я ведь с тобой разговариваю, а не с ним.

Тогда я сделала глубокий вдох и ответила:

— Нет, не могу.

Папа умолк на секунду, потом бросил: “Ну и прекрасно!” — и ушел.

Мы с Мелиной устроились в гостиной. Она спросила, как у меня дела, и я ответила, что нормально. Потом она еще раз сказала, что я прекрасно справилась, но предупредила, что, возможно, мне придется еще не раз повторять свой рассказ разным людям. Кроме того, она заявила, что мне нужно сходить к врачу.

— К какому врачу? — спросила я, уже зная ответ.

— К моему, — ответила она, — который заботится обо мне во время беременности. Она очень хорошая женщина, и мы пойдем туда вместе.

— А папа тоже пойдет? — поинтересовалась я.

— Господи, нет, конечно же, — удивилась Мелина. — Нет, ну он может, разумеется, посидеть и подождать нас в коридоре, но в кабинет его никто не пустит.

— Хорошо, — обрадовалась я и взяла с журнального столика свою книжку. Я начала читать про то, как проходит осмотр: как в тебя засовывают всякие штуки, чтобы видеть все внутренности. Там говорилось, что при осмотре нужно расслабиться, и тогда все будет хорошо. Еще я прочла о том, что врач может при помощи зеркала

показать, как у меня все внутри устроено, и что это просто удивительно.

Пока я читала, раздался телефонный звонок. Гил, все еще возившийся на кухне, поднял трубку и позвал меня.

— Это твоя мама, — сказал он, протягивая мне телефон.

Я хотела было признаться ему, что не хочу с ней разговаривать, но потом вспомнила, как он защищал меня от папы, и решила промолчать. Я боялась, что однажды ему надоест велеть разным людям оставить меня в покое.

— Спасибо, — поблагодарила я.

Он кивнул, подхватил журнал и удалился в гостиную.

— Алло? — произнесла я, расстроившись, что Гил ушел.

— Джасира? — раздался голос мамы.

— Да.

— Это ты?

— Да.

Она затихла на секунду, потом заговорила вновь:

— Твой папа мне только что звонил. Он рассказал мне о том, что случилось.

— О...

— Я приеду на следующие же выходные, слышишь?

— Я теперь с Мелиной живу, — невпопад ответила я.

— Да, папа мне сказал.

— Ты можешь остановиться у папы, но я живу у Мелины.

— Ладно.

Я не знала, о чем с ней говорить. В голову ничего не шло. Наконец я спросила:

— А что ты будешь делать, когда приедешь?

— Ну, повидаясь с тобой, поговорю.

— А...

— Не стоило мне отправлять тебя жить к папе.

— Да мне тут нравится, — сказала я чистую правду.

Мама начала плакать.

— Как тебе может там нравиться?

— Да все не так уж и плохо, — попыталась утешить ее я.

Мама замолчала на секунду.

— Ты очень храбро поступила, решившись на разговор с полицейскими.

— Спасибо.

— Теперь этот человек сядет в тюрьму и никогда больше пальцем не тронет маленьких девочек. Ты многих девочек спасла.

— Угу, — пробурчала я. Мне не очень-то нравилось, что мистера Вуозо отправят в тюрьму. Меня это нервировало. Он, конечно, много плохого сделал, но и хорошего тоже немало. Он иногда был моим другом. Он ревновал к Томасу. Орал на своего сына, чтобы мне угодить. Защищал меня от папы.

— Ладно, — сказала мама. — На суде я сяду прямо у него перед носом и буду смотреть на него так, что он на всю жизнь запомнит.

— А если это будет учебный день? — поинтересовалась я.

— Что?

— Что, если суд назначат на будний день и ты не сможешь приехать?

— Найдут мне замену.

После того как мы поговорили, я вернулась в гостиную и сообщила Мелине с Гилом, что скоро придет моя мама.

— Я никогда с ней не встречался, — произнес Гил.

— Я с ней виделась, — отозвалась Мелина, но больше ничего не добавила.

— Я не хочу с ней жить, — призналась я.

— Ладно, — кивнула Мелина.

— Но мне придется? — уточнила я.

— Нет, если только ты этого не захочешь.

— А когда-нибудь мне придется жить там, где я не хочу?

— Конечно, нет, — ответила Мелина.

— А Томас говорит, что я не могу вот так жить с соседями.

Она вздохнула:

— Ну, Томас не всегда разбирается в том, о чем говорит.

Папа этим вечером так и не пришел, хотя Гил ему разрешил. С одной стороны, я обрадовалась, но с другой — нет. Я немножко по нему скучала. Если бы он был рядом, мы могли бы посмеяться над мамой, обсудить, какой это ужас, что она приезжает. Или поговорить о том, что у дома

Вуозо днем стояла полицейская машина, а когда полицейские уходили, то мистер Вуозо шел за ними, держа в руках маленький вещмешок.

Дениз отдала мне фотографии, которые мы сделали в “Волшебных снимках”. Она заявила, что я выгляжу точь-в-точь как модель и что в один прекрасный день я наверняка окажусь на обложке журнала. Про себя она тоже так сказала, только добавила, что все дело в том, что на ее снимке только ее лицо, а не фигура. Она подарила мистеру Джоффри одну копию своей фотографии, но через пару дней он вернул ее обратно, сказав, что не может принять от нее такой подарок. Зато добавил, что она чудесно выглядит. Дениз спросила, собираюсь ли я подарить копию снимка мистеру Вуозо, и я ответила, что, скорее всего, нет.

— Ты его больше не любишь? — спросила она, и я покачала головой.

Вместо этого я отдала фотографию Томасу, и он заявил, что теперь будет хранить ее у сердца. Теперь в школе он повсюду меня сопровождал, как будто бы меня могли похитить. Когда мы с Мелиной приезжали утром, он уже ждал меня у бордюра, а после уроков не уходил, пока я не садилась обратно в машину. Он заявил, что принял важное решение — он не будет заниматься со мной сексом, пока я не стану старше. Вместо этого он теперь держал меня за руку и целовал в щечку. И он больше не говорил, будто я что-то

должна для него делать. Как-то после школы он заехал со мной к Мелине, но мы только смотрели телевизор и ничем таким не занимались.

Наверное, папа увидел, как за Томасом приехали его родители, потому что тем же вечером пришел и постучал к нам в дверь. Он сказал, что я не должна больше общаться с Томасом, но не потому, что он черный, а потому, что у нас с ним был секс. А Мелина заявила, что нам можно общаться, но под присмотром. Папа опять заорал, что я его дочь и он устанавливает правила, а Мелина гнула свое — что я живу в ее доме и подчиняюсь ее правилам. Он кричал, что это немыслимо — что он не может высказать свое мнение по поводу воспитания собственной дочери, а Мелина сказала, что он преувеличивает.

В пятницу вечером приехала мама со своим новым бойфрендом Ричардом. Папа освободил для них дом, а сам отправился к Тэне. Мне показалось странным, что он позволил черному жить у себя дома. Я даже подумала, что этим он хотел показать Мелине, как она ошибается, считая его расистом.

— Как я могу быть расистом? — вопрошал он во время одного нашего телефонного разговора. Он теперь иногда звонил вечером, чтобы пожелать мне спокойной ночи и удостовериться, что я делаю уроки. — Да ты только посмотри на меня, это же абсурд!

Я промолчала, так что он ответил за меня:

— Я никак не могу быть расистом. Это невозможно.

Как-то мне из папиного дома позвонила мама и спросила, не хочу ли я прийти и познакомиться с Ричардом. Мелина стояла рядом на кухне и легкими движениями пальцев непрерывно поглаживала живот. Казалось, она хотела сделать Дорри массаж прямо сквозь живот.

— Я вообще-то туда не хожу, — призналась я маме.

— Что, даже на один вечер? — спросила она. — Мы такой путь проделали.

Я посмотрела на Мелину. Она тихонько покачала головой, словно соглашаясь с тем, что мне не стоит туда идти.

— Вы можете прийти сюда, — предложила я.

Мелина кивнула в знак согласия.

— Прийти к вам? — переспросила мама.

— Мелина разрешает.

— Угу, — промычала мама.

— И ты познакомишься с Мелиной и Гилом, — добавила я.

— Я, кажется, с ней уже встречалась. Да?

— А, точно.

— Знаешь, думаю, разок ты можешь нарушить свое правило и остаться с нами на выходные. Ну, тут ведь даже твоего отца нет, — заявила мама.

Мелина скорчила рожу. Казалось, ей уже надоело слушать и этот долгий разговор, и то, что мама не хочет с нами соглашаться. Наконец я произнесла:

— Я не хочу возвращаться туда, где мистер Вуозо сделал мне больно. — Это вовсе не было правдой, но я уже поняла, что стоит мне упомянуть при маме мистера Вуозо, она сразу от меня отстанет.

— Ну конечно, — протянула она, — понятно. Конечно. Может, мы тогда все съездим куда-нибудь поужинать? Мы с Ричардом взяли напрокат машину.

— И Мелину позовем?

— Знаешь, мне кажется, мы могли бы и втроем побыть хоть раз. Как ты думаешь?

Я взглянула на Мелину. Она пожала плечами.

— Ладно, — согласилась я, больше всего мечтая положить трубку. — Встретимся тогда у гаража.

— Отлично, — обрадовалась мама. — Уверена, тебе понравится Ричард.

— Ага.

— Может, тебе и своего друга Томаса пригласить? — предложила мама.

Я не очень поняла, почему Томаса можно приглашать, а Мелину нельзя, так что отказалась. Как только я повесила трубку, Мелина спросила:

— Да что с ней такое?

— Она не хочет с тобой встречаться, — объяснила я.

— Да мы с ней уже встречались.

Я пожала плечами:

— Значит, она не хочет встречаться с тобой снова.

— Как можно не хотеть познакомиться с людьми, у которых живет твоя дочь? — удивилась Мелина.

— Я не знаю.

— Это странно.

— Можно, я с ними поужинаю?

— Конечно, — кивнула она. — Разумеется, я бы сначала предпочла лично познакомиться с этим Ричардом, но уж ладно.

Я кивнула и пошла обуваться. Я задумалась, всегда ли мне будет так приятно спрашивать у Мелины разрешения. Ответ меня, как правило, не особо волновал. Гораздо больше мне нравились ее слова, когда она беспокоилась, как бы мне кто не навредил.

Странно было возвращаться к папе домой. Я теперь в такое время нечасто из дома выходила — обычно мы как раз готовили ужин. Да даже если я и выбиралась вечером на улицу, то все равно не в одиночку. Мелина немного расслабилась после того, как мистера Вуозо увезли в полицию, но потом он уплатил залог и вернулся обратно, так что она опять начала беспокоиться за меня. Хоть она и говорила, что он теперь ни за что не посмеет ко мне прикоснуться, я заметила, что каждый раз, когда я выходила на улицу вечером, она находила повод, чтобы пойти со мной. Или смотрела на Гиля, и тот придумывал повод.

Папу бесило, что мистера Вуозо выпустили под залог. Он говорил, что пятнадцати тысяч долларов мало, учитывая то, что он сделал, и что он

ждет не дождется, когда же начнется настоящий суд. Я не хотела видеть мистера Вуозо, но не по той же причине, по какой не желала встречаться с папой. Мне не хотелось его видеть, потому что было слишком трудно его не жалеть, а я знала, что не должна испытывать к нему жалость. Каждый раз, когда я жалела мистера Вуозо, мне казалось, будто я расстраиваю Мелину, хоть она, конечно, не догадывалась, о чем я думаю.

Проходя мимо дома Вуозо, я заметила у них через окно белую кошку. Это было невероятно. Она была так похожа на Снежка, что мне сначала даже показалось, будто это он и есть, будто он ожил. Но, конечно, это была другая кошка. Снежок все так же лежал в морозилке, окруженный замороженными ужинами Мелины.

Мама выбежала из папиного дома и обняла меня. Она вырядилась в джинсы, голубую рубашку и кроссовки. Волосы она завязала в хвостик. Я подумала, что она хочет походить на Мелину, хотя наверняка и не помнит, как та выглядит. Я обнимала ее до тех пор, пока мне не показалось, что она сейчас заплачет. Она всхлипнула и представила мне Ричарда, который оказался лысым и с бородой. Он пожал мне руку. Мне показалось, что он не хочет слишком близко ко мне приближаться, и это было здорово.

Мы пошли в ресторанчик, где подавали всякое жареное мясо. Там можно было не произносить определенное название каждого блюда,

а просто сказать: “Я буду цыпленка” или “Стейк, пожалуйста”. Нам достался изогнутый столик, и мама села между Ричардом и мной, но ближе к Ричарду. Иногда, когда его слова казались ей смешными, она протягивала руку и почесывала ему бороду. Когда она расстроилась, попробовав свой стейк и заявив, что Ричарду подали правильно приготовленный, а ей нет, он поменял местами их тарелки, и ей сразу стало легче. Дважды, когда он выходил в туалет, она спросила у меня, что я о нем думаю. Я ответила, что он отличается от папы и что у него низкий мягкий голос. Она кивнула.

— Знаю, — сказала мама. — Это так романтично.

Когда Ричард вернулся, я обрадовалась, что мне больше не придется придумывать, что бы про него сказать. Когда в туалет ушла моя мама, Ричард спросил, как дела в школе и нравится ли мне жить с Мелиной. Я ответила, что очень, а он отметил, что люди иногда обретают семью в самых неожиданных обстоятельствах.

На следующий день мама так и не появилась у Мелины. На этот раз она заявила, что хочет познакомиться с Томасом и его родителями. Мне стало неловко — я была уверена, что ей просто хочется продемонстрировать мистеру и миссис Брэдли своего чернокожего бойфренда. Я задумалась, смущает ли это Ричарда, но, даже если ему и было неловко, он не подал виду. Он пожал мистеру и миссис Брэдли руки, и мы все пошли

в гостиную, где поговорили о разных планетах, которые мистер Брэдли наблюдал в свой телескоп.

В какой-то момент Томас спросил, можно ли нам подняться наверх и поиграть на гитаре. Кажется, никто из взрослых не знал, что ему ответить. Наконец моя мама сказала:

— Эм-м, конечно. Только не очень долго.

Я пообещала, что мы мигом, и мы с Томасом встали с дивана. Дойдя до комнаты, он заметил:

— Странная у тебя мама.

— Я знаю.

— Она не хотела, чтобы мы уходили.

— Ее бесит, что я нравлюсь мужчинам, — объяснила я.

— Почему? — не понял он. — У нее же свой парень есть.

Я пожала плечами.

Томас взял гитару и сыграл несколько аккордов. Потом отложил ее и спросил, можно ли ему полизать мою киску. Я отказалась, ведь наши родители сидели внизу, но он сказал, что постарается побыстрее. И добавил, что не стал бы просить меня о таком, будь я в штанах, но, раз уж я в юбке, это будет совсем просто.

— А я думала, что ты больше не хочешь всяким таким заниматься, — сказала я.

Он задумался.

— Скорее я не хочу, чтобы ты для меня всякое такое делала. Но это — чтобы доставить удовольствие тебе, это другое дело.

Я согласилась и легла на кровать. Он задрал мне юбку, стянул трусики и пристроился между ног. Поняв, что я скоро кончу, я начала ближе прижиматься к его лицу, и он из-за этого, кажется, начал ласкать меня еще усердней.

Когда все закончилось, он спросил, не хочу ли я, чтобы он еще что-нибудь для меня сделал. Я ответила, что хочу, чтобы он позволил мне пососать его член. По тому, как он выдвинул бедра, чтобы виден был его вставший член, я поняла, что он хотел услышать от меня что-нибудь в таком духе.

— Ладно, — сказал он серьезно, — если ты этого и правда хочешь.

Я уверила его в том, что это так, и расстегнула ремень. Пока я сосала, мне становилось все легче. С тех пор, как я рассказала всем о мистере Вуозо, все старались вести себя правильно. А мне было одиноко. Не то чтобы я не хотела, чтобы все себя правильно вели или помогали мне. Нет. Просто я скучала по старой жизни. Я хотела заниматься любовью. Хотела, чтобы мне говорили, что делать. Я и представить не могла, что мне придется жить без этих ощущений.

Когда мы спустились вниз, мама спросила, что за песню играл Томас. Она не слышала звуков музыки.

— Это потому, что я усилитель не включил, — объяснил Томас. — Я играл без него.

— А-а, — кивнула мама.

Когда мы вернулись домой, мама попросила меня зайти на секунду. У нее был для меня какой-то подарок. Я спросила, нельзя ли его подарить на улице, но она сказала "нет". Когда я не сдвинулась с места, она вздохнула и заявила, что никто не будет удерживать меня у папы дома силой.

— И мы оставим дверь широко открытой, — добавил Ричард, — на случай, если тебе захочется сбежать.

Я ему улыбнулась, а вот мама посмотрела на него так, что я сразу поняла, какая его позднее ожидает взбучка.

Наконец я согласилась, и мы прошли внутрь. Мы зашли в папин кабинет, где на полу стоял открытый мамин чемодан. Внутри виднелась незнакомая мне одежда, в том числе и шелковая розовая ночная сорочка. Я взглянула на незастеленную кровать, пытаюсь по расположению подушек и простыней вообразить, чем тут занимались мама с Ричардом.

— Держи, — сказала мама, протягивая мне маленькую коробочку.

Открыв, я обнаружила внутри бритву. Не одноразовую, а настоящую, тяжелую и металлическую, со сменными лезвиями.

— Нравится? — спросила она.

— Да, отличная бритва.

Она кивнула.

— Пойдем в ванную, я покажу тебе, как ею пользоваться.

— Да я уже умею, — сказала я и продемонстрировала ей свою голую гладкую ногу. Меня научили Барри и Томас, да и сама я уже наострилась.

— О... — протянула она, кажется расстроившись.

— Мне правда очень нравится твой подарок, — сказала я. — Это самый лучший подарок из всех, что ты мне дарила.

— Я рада, — ответила она совершенно нерасходным голосом. Кажется, она опять собралась плакать. Я отложила бритву и обняла ее. — Я ужасная мать, — сообщила она.

— Нет, неправда, — возразила я, чувствуя, что именно это и нужно сказать.

— Правда, — сказала она, выбралась из моих объятий и вытерла глаза.

Я промолчала. Неожиданно я почувствовала, что устала. Мне захотелось домой.

— Я очень ревную к этой твоей Мелине, — поделилась мама.

— Прости.

— Я даже не хочу ее видеть.

— Ладно.

— Ты живи с ней, если хочешь, но я туда не пойду. Я не могу.

Я кивнула. Мы решили, что завтра, перед их с Ричардом отъездом, позавтракаем в ресторане "У Дэнни". Я взяла бритву, упаковочную бумагу и бантик. Еще раз поблагодарила маму и поцеловала ее. Сказала, что люблю ее и что прекрасно

провела этот день. Только не сказала, что уже не считаю бритву самым лучшим от нее подарком.

Мистер Вуозо заявил, что не желает оспаривать обвинение. Как бы признал себя виновным, не говоря этого вслух. Правда, наказание его ждет в любом случае. Для меня плюс был в том, что мне не придется заново рассказывать свою историю новым людям и идти к врачу. Я не знала, почему мистер Вуозо так поступил: из сочувствия ко мне или по другой причине, но мне казалось, что все-таки ради меня. Когда я высказала это предположение Мелине, она заявила, что я ошибаюсь, что он на это просто не способен.

— Он делает так для собственной выгоды, — объяснила она. — Если твой папа выдвинет против него гражданский иск, он все еще сможет утверждать, что невиновен.

Мелина с папой часто обсуждали ход дела мистера Вуозо, прикидывали, какой срок ему дадут. Они до сих пор спорили по мелочам — когда мне ложиться спать, как стричься, — но мало-помалу общая злость их даже сдружила. Сначала я этому радовалась, но постепенно меня начало раздражать то, как они говорили о мистере Вуозо. Особенно когда они повторяли, что другие заключенные ненавидят насильников детей и делают с ними всякие ужасные вещи.

В конце концов, я уже и не хотела, чтобы с мистером Вуозо случилось что-нибудь пло-

хое. Я только хотела, чтобы он чувствовал себя виноватым, как тогда, когда он впервые сделал мне больно. Я хотела, чтобы он всегда чувствовал себя виноватым, чтобы он беспокоился, думал, что мне до сих пор больно, чтобы старался загладить передо мной свою вину. Иногда я даже хотела, чтобы он снова попробовал сделать со мной что-нибудь. Но только мягко, нежно, чтобы я испугалась совсем чуть-чуть.

Однажды утром, когда мне не снились кошмары и Мелина оставалась у себя в комнате, я проснулась очень рано. Гил уже принял душ и уехал на работу — ему из-за пробок приходилось добираться до центра Хьюстона около часа. Мелина еще спала. Я оделась и спустилась вниз. Уже светало, и я следила, когда мистер Вуозо выйдет, чтобы поднять флаг. Увидев его, я открыла холодильник и достала Снежка.

Я взяла пакет с собой на улицу. Стоя на ступеньках, я смотрела, как мистер Вуозо у себя во дворе налаживает флаг. Когда он увидел меня, то сразу остановился. Мы смотрели друг на друга долго-долго. Я спустилась с крыльца и подошла к краю лужайки. Дальше шла наша подъездная дорожка, а потом начинался газон Вуозо. Через секунду я подошла к краю дорожки. Дальше зайти я не решилась.

— Привет, — произнесла я.

— Отойди от меня.

Я не знала, что мне делать. Я ожидала услышать от него совсем не это.

- Извините, что я про вас рассказала.
- Отойди, мать твою, от меня! — прошипел он.
Я стояла и смотрела, как он тянет за веревку, чтобы флаг начал развеиваться наверху. Закончив, он пошел к дому.
- Снежка убил папа, — сказала я.
Он остановился и обернулся.
- Что?
- Это был несчастный случай. Он его переехал, и мы его заморозили. Мы не знали, что делать.
- Господи Иисусе.
- Вот Снежок, — сказала я, протягивая ему пакет.
Он застыл на секунду, потом подошел к краю лужайки и остановился у места, где их трава встречалась с асфальтом Мелины.
- Держите.
Он забрал у меня Снежка и внимательно на него посмотрел. Несколько раз пощупал, словно пытаюсь определить, что есть что.
- Вот голова, — подсказала я, и он кивнул.
Через минуту я сказала:
- Простите.
Он вздохнул:
- Ты не виновата.
- Снежок сбежал, пока я разговаривала с Заком, — напомнила ему я.
- Ты не виновата, — повторил он снова.
- Ладно.
Он посмотрел на меня грустно-грустно, и я поняла, что люблю его. Я бы никогда не сказала

этого Мелине или еще кому-либо, но так оно и было. Я ничего не могла с этим поделать. Он раскаивался. Правда. Он не хотел, чтобы мне было больно. Он тоже меня любил.

Он протянул руку и дотронулся до моего лица. Стояло раннее утро, и небо вокруг было туманно-розовым. Надвигалась летняя жара, но в это было трудно поверить — казалось, целый день будет держаться такая утренняя прохлада. Ладонь на моей щеке была мокрой и теплой. Как только он убрал ее, я услышала крик. Я повернулась и увидела на крыльце Мелину, она стояла в пижаме.

— Стой! — кричала она. — Хватит! Не смей ее трогать!

А потом она упала. Свалилась со ступенек и превратилась в странную огромную кучу на дорожке.

Я повернулась и побежала к ней через лужайку. Глаза у нее были закрыты, а на запястье виднелся маленький порез, который потихоньку начал кровоточить.

— Мелина? — позвала я.

Она не откликалась. Просто лежала на дорожке, и все.

— Мелина! — повторила я, дотрагиваясь до ее плеча. Она не очнулась, и я побежала к папе. Мистер Вуозо уже ушел к себе.

Папа уже проснулся и собирал вещи для своей поездки на мыс Канаверал. Они с Тэной уезжали сегодня вечером, после работы. Я закри-

чала, что Мелина упала с крыльца, и он сначала не понял, о чем я.

— Где ее муж? — спросил он, подбегая к задней двери, чтобы обуться.

Мы вместе вышли на улицу, пересекли дорожку и лужайку мистера Вуозо.

— Мелина! — кричал папа на бегу. — Эй! Мелина!

Когда мы подбежали к ней, она все еще лежала с закрытыми глазами, так что папа слегка постучал ее по щекам.

— Мелина! — повторял он. — Очнитесь!

Она все не приходила в себя, и он велел мне вызвать 911.

— Скажи, что требуется “скорая” для беременной женщины, которая упала в обморок, — велел он. Я кивнула и бросилась в дом. Как только я подняла трубку телефона на кухне, то услышала сирены. Они становились все громче и громче, и я не стала пока набирать номер. Когда я поняла, что это приехали на нашу улицу, то бросила трубку и выбежала из дома.

— Они уже тут? — спросил папа, увидев мелькающие огни, и я пожала плечами.

Даже громкие сирены не заставили Мелину очнуться. Только когда два врача из “скорой” поводили какими-то лекарствами у нее перед носом, она открыла глаза.

— Вы упали в обморок! — завопил папа, не снижая голоса, как будто она все еще была не в себе.

Мелина кивнула. Она выглядела немного растерянной.

— Долго она была в отключке? — спросил один из врачей. В руках он все еще держал вскрытый пакетик с нюхательной солью. Мне страшно хотелось ее понюхать, но в то же время я этого ужасно боялась.

Папа взглянул на меня.

— Долго? — повторил он.

Я задумалась.

— Где-то пять минут.

— Мэм, вы помните, почему упали в обморок? — спросил второй врач. У него вокруг шеи болтался стетоскоп, и он закатывал Мелине рукав рубашки, чтобы измерить давление.

— Рука болит, — пробормотала она.

— Ты порезалась, — сказала я, показывая ей на кровь.

— Ну, с этим мы за секунду справимся, — улыбнулся врач с солью.

— Они хотят узнать, почему вы упали в обморок, — напомнил Мелине папа.

— Я не знаю, — ответила Мелина, глядя на меня. Я поняла, что все она прекрасно знает.

Вдруг она скорчила странную гримасу и схватилась за живот. — О господи.

— Схватки? — спросил врач со стетоскопом.

— Я не знаю, — призналась она. — Это мои первые роды.

Мы все смотрели на нее, не отрывая глаз.

— Дышите, — приказал один из врачей, и она послушалась, начав тихонько пыхтеть и кряхтеть.

Когда схватка закончилась, она пошевелилась, пытаясь сесть, и тогда-то я и заметила кровавое пятно у нее между ног. Оно проступило сквозь голубые штаны, в которых она спала.

— Ой, — вымолвила я.

— Что? — не поняла Мелина.

— Твои штаны.

Она взглянула вниз:

— О боже.

Папа быстро отвернулся.

— Так, — сказал врач с солью, поднимаясь с колен, — пора нам в больницу.

— Ладно, — нервно согласилась Мелина.

Оба врача залезли внутрь машины, чтобы достать носилки.

— Мне позвонить Гилу? — спросила я у Мелины.

— Времени нет, — решила она. — Позвоним ему из больницы.

— Я могу его вызвать, — сказал папа. — Пока не уехал на работу.

Мелина посмотрела на него:

— Вы что, с нами не поедете?

— Я? — удивился папа.

Она кивнула.

— Гил может и не успеть вовремя, — сообщила она.

— У вас же есть Джасира, — возразил папа. — Вот она с вами и поедет.

Мелина, кажется, была готова разрыдаться.

— Поверить не могу, что вы нас бросаете!

Папа взглянул на нее. Потом на меня. Я не знала, что ему сказать. Мелине трудно отказывать. Ведь если ты с ней соглашаешься, делаешь то, что она просит, то сразу понимаешь, что ты очень ей нравишься. Так что папа передумал и согласился. Он отправился за своей машиной. Тогда-то я и убедилась окончательно, что ему небезразлично ее мнение.

В машине “скорой” с нами остался врач со стетоскопом, он наблюдал за сердцебиением Мелины. Пока мы ехали, схватки у нее участились, и она сжимала мне руку, пока каждая не проходила. Мне было довольно больно, но я не стала ей этого говорить, она бы расстроилась. Она все время повторяла врачу, что уже хочет тужиться, а он велел ей терпеть до больницы.

— Почему? Вы что, не знаете, как роды принимать? Вас ведь наверняка этому учат!

— Конечно, я знаю, мэм, — успокаивал ее врач. — Вы просто еще не готовы. Потерпите чуть-чуть.

— Откуда вам знать? Вы же меня даже не осматрели!

— Мэм. Мы уже почти приехали.

Мелина ничего не ответила, только схватила мою руку и всю последующую схватку сжимала

ее. В заднее окно я видела папу на его "хонде". На светофоре я помахала ему, и он замахал в ответ. Когда у Мелины закончилась очередная схватка, она повернулась ко мне и заявила:

— Ты же знаешь, что тебе нельзя разговаривать с этим человеком. Зачем ты с ним говорила?

На какой-то момент мне показалось, что она имеет в виду папу. Потом до меня дошло, что она говорила о мистере Вуозо.

— Я хотела вернуть ему Снежка, — объяснила я. — До того как его заберут в тюрьму.

— Мне наплевать, что ты там хотела ему вернуть, — злилась Мелина. — Ты теперь живешь со мной, так что будь добра, делай то, что я тебе говорю. И если я говорю тебе не общаться с ним, то ты должна меня слушаться.

Я заметила, что, как только прозвучало слово "тюрьма", врач отвернулся от нас и начал старательно заполнять какие-то бумажки. Я хотела сообщить Мелине, что это мистер Вуозо вызвал для нее "скорую", но она наверняка ответила бы, что это в состоянии сделать любой идиот. Так что вместо этого я просто сказала:

— Прости.

— Я тебя накажу, — пригрозила Мелина. — Вот рожу ребенка, и накажу!

— Мне придется вернуться к папе?

— Нет! — воскликнула она. — Не в этом смысле. Ты будешь посуду мыть, ну, или что-нибудь в таком духе.

— Ладно, — согласилась я.

Тут у нее началась очередная схватка, и мне понравилось, как крепко она сжимала мою руку. Словно пыталась на меня опереться.

У больницы папа поехал искать место для парковки, а мы с Мелиной пошли к входу в отделение экстренной помощи. Мексиканская медсестра по имени Розарио встретила нас прямо у автоматических дверей. Она велела врачам следовать за ней. Мы прошествовали мимо людей, ожидающих своей очереди в холле, потом проехали через несколько двойных дверей. Палаты как таковой у Мелины не было, но зато ее место отделили шторкой. Врач приспустил один край носилок и переложил Мелину на ее новую кровать, которая оказалась гораздо короче носилок. Он пошутил насчет того, какая же она тяжеленная, и она смеялась, пока не началась очередная схватка.

Розарио работала очень быстро, переворачивая Мелину с одного бока на другой, чтобы снять одежду. Потом так же быстро надела на Мелину халат и положила ей между ног простынку. Я сначала не поняла, зачем ей простыня, но потом она подошла к краю кровати и подняла две металлические опоры для ног. В них она положила ноги Мелины, так что они оказались широко раздвинуты, и, если бы не простынка, все всё сразу бы увидели.

Прежде чем залезть в машину “скорой”, я захватила сумочку Мелины. Она велела мне достать кошелек и пойти позвонить Гилу. Около ее кровати на тумбочке лежал блокнот, так что она записала мне его номер.

— Скажи, чтобы он поторопился, — сказала она. — И найди своего отца!

Я кивнула и забрала бумажку с телефоном. Выходя из комнаты, я заметила, что медсестра надевает резиновые перчатки и усаживается на стул перед раздвинутыми ногами Мелины.

Платные телефоны находились рядом с холлом. Гил сидел на совещании, но, когда я объяснила секретарше, в чем дело, она сразу же сказала, что сейчас его позовет. Через секунду я услышала в трубке его голос:

— Джасира? С Мелиной все в порядке?

— Угу, — сказала я, — но тебе лучше поторопиться. Она уже хочет тужиться.

— Уже? — удивился он. — Что, так скоро?

Мне стыдно было признаться, что это из-за меня все произошло так быстро, что он даже не успел приехать.

— Да.

— Ладно, — решил он, — передай ей, что я уже еду.

Я попрощалась и повесила трубку. Тут я увидела папу. Он вошел в холл и оглядывался вокруг, словно не знал, что ему дальше делать.

— Пап! — окликнула я.

алисия эриан как на ладони

Он увидел меня и подошел к телефонам.

— Мелину уже смотрят, — сказала я. — Пойдем я тебе покажу.

— Я лучше подожду тут.

— Но она хотела, чтобы ты пришел.

— Зачем?

— Затем, что Гила еще нет.

— Мне нужно позвонить на работу, — объявил папа. — Они наверняка меня уже обыскались.

— Но Мелина сейчас уже родит!

— Ну, — сказал он, — выйди и скажи мне, когда все закончится.

— Не думаю, что ей это понравится, — предупредила я.

— Не буду я смотреть, как она рожает. Не мое это дело.

— Но ты пообещал ей, что придеешь.

— Я пообещал, что приеду в больницу, вот и все.

— Мне кажется, ей хочется, чтобы рядом был кто-то из взрослых.

Папа вздохнул:

— Я зайду и поздороваюсь. Но это все. Пусть дожидается мужа. Он ведь едет, да?

Я кивнула.

— Ну и хорошо, — сказал он. — Будем надеяться, в пробку он не попадет.

— Она вот за этими дверями, — указала я. Он не сдвинулся с места, так что я просто взяла его за руку и потащила за собой.

Когда мы вошли, Мелина как раз говорила пожилой медсестре, которую я раньше не видела, что уже хочет тузиться.

— Пока рано, — пробурчала медсестра. — Потерпите еще.

Медсестра вышла, и я сказала:

— Гил уже едет.

— Хорошо.

— Я тут только на секундочку, — предупредил папа. Он бросил взгляд на ноги Мелины и сразу отвел глаза.

— Вы что, не присутствовали при родах Джасиры? — спросила Мелина.

Папа покачал головой.

— Почему?

— То были другие времена, — ответил он.

Мелина рассмеялась:

— Так это же было всего тринадцать лет назад!

— И что? Тринадцать лет — это очень много.

Мелина вздохнула. В больнице работал кондиционер, но у нее от боли все лицо было потным.

— Вы правда не можете остаться? — спросила она.

— Я бы не хотел, — честно признался папа.

Мелина промолчала, но, кажется, расстроилась.

— С вами Джасира останется, — сказал папа. — Поверьте, она вам будет гораздо полезней. — Он взглянул на меня. — Она очень хорошая девочка.

— Да, — согласилась Мелина. — Она такая.

алисия эриан как на ладони

Я не знала, как мне реагировать на такие разговоры, так что стала изучать часы на стене позади Мелины. Через секунду у нее началась схватка, так что я подошла поближе, чтобы она могла держаться за мою руку. К концу схватки папы и след простыл.

— Вот ведь трус, — хмыкнула Мелина.

— Ему не нравятся тела, — объяснила я.

— Да я уж поняла.

Гил не успел вовремя и не увидел, как рождалась Дорри. Зато я видела. Я видела, как Мелина вытолкнула ее вместе с какими-то непонятными штуками. Ее вытерли и взвесили, и, раз уж Гила не было, позволили мне перерезать пуповину. На ранку наложили повязку — когда она заживет, из нее получится пупок. Я этого не знала. Раньше не знала. Как и не знала, что когда впервые увижу Дорри, то не буду ревновать. Совсем-совсем. Даже когда Мелина начала плакать. Мне из-за Дорри тоже захотелось плакать. Она была такой крошечной, такой уставшей, что не полюбить ее было просто невозможно.

алисия эриан
как на ладони

Редактор Е.ГОЛОВИНА

Технический редактор Л.СЕНИЦЫНА

Корректоры С.ЛУКОНИНА, И.ЧЕРНЫШОВА

Компьютерная верстка Т.КОРОВЕНКОВА

ООО "Издательская Группа Аттикус" —
обладатель товарного знака "Издательство Иностранка"
119991, Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Подписано в печать 12.01.2009

Формат 84×108 1/32. Бумага офсетная

Гарнитура "Original Garamond"

Печать офсетная. Усл. печ. л. 24,36

Тираж 5000 экз. Заказ №9560.

Отпечатано в ОАО "Тульская типография"

300600, Тула, проспект Ленина, 109

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАТЬСЯ:

В Москве: ООО "Издательская Группа Аттикус"

тел. (495) 933-76-00, факс (495) 933-76-19

e-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге: "Аттикус-СПб"

тел./факс (812) 783-52-84

e-mail: machaon-spb@mail.ru

В Киеве: "Махаон-Украина"

тел. (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

